

№ 8 - 9

ОКТАБРЬ 2008 Г.

*«Исповедь читателя» П.П. Супруненко
отредактирована и подготовлена к пе-
чати Ю.П. Супруненко.*

ТРОИЦК

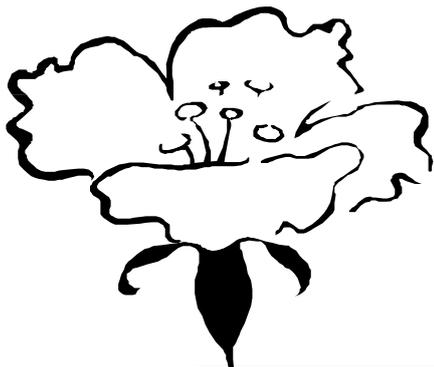
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Павел Супруненко

ИСПОВЕДЬ ЧИТАТЕЛЯ

(литературные воспоминания)

КОЛОНКА АВТОРА

КОГДА ГОРОД СТАНОВИТСЯ ЛЮБИМЫМ...

Приходилось подолгу жить в гостях у сына Юрия Павловича в Троицке...

Прежде чем ехать к сыну в этот Академгородок, я ради интереса заглянул в «Географический энциклопедический словарь». Среди важнейших мировых географических объектов там значился: «Троицк, город (с 1977 г.) в Московской области на р.Десна, в 37 км к юго-западу от Москвы. 31 тыс. жителей (1998 г.). Камвольно-суконная фабрика. Многоотраслевой научно-производственный центр РАН, в том числе научный центр физических исследований». Уже хорошо – удостоен чести такого авторитетного издания. А главное – недалеко ехать.

Далее предстояло увидеть какие-то громадные сооружения ря-

дом с жилыми домами – визуальное значение научного центра. Ну, а дальше он начинал становиться любимым уже хотя бы потому, что в нем обрел свою собственную крышу мой младший, научный сотрудник академического института. Приходилось подолгу жить в гостях у сына Юрия Павловича в Троицке в трудные времена личного жилищного неблагополучия.

Получение жилья в советское, а в нынешнее время тем более, – событие не менее важное, чем свадьба или защита диссертации. Значительное настолько, что новоселье аспиранта считают не лишним отмечать своим присутствием академики... В частности, нас удостоил чести академик В.М. Котляков.

А если учесть, что Троицк городок тихий, зеленый, опрятный, не суетливый, по соседству с речкой и таинственным лесом, то, оказавшись его жителем или гостем, обретаешь приподнятое настроение, а то и позарядку оптимистической энергетики. Даже внешне бросается в глаза: в нем меньше курят и почти незаметно пьяных... Словом, Троицк многим и многим пришелся по душе.

Не зря же поют не о московских, а о подмосковных вечерах. Это, на мой взгляд, прежде всего, относится к Троицку. Так же как и песня «...любимый город может спать спокойно, и видеть сны и зеленеть среди весны». Кстати, по заверениям авторитетных местных краеведов, стихи «Подмосковных вечеров» были написаны М.Л. Матусовским недалеко от Троицка.

А если учесть, что в этом городке на Десне зарождается традиция издания монографий, сборников, книг ученых, краеведов, ветеранов, поэтов, то нужно надеяться, что в будущих энциклопедиях Троицк будет определен не только как значительный, важный научный центр в стране Московии, но и заметный культурный центр.

Павел СУПРУНЕНКО

Мемуарная литература по читательскому выбору идет на смену художественной, «выдуманной». Это отмечали Лев Толстой, Александр Солженицын и другие авторитетные писатели.

Напомнить о себе можно ответами на вопросы, которые задает сама жизнь. Мы живем, пока нас помнят. «Мне жизнь дорога как память», – говорил незабвенный Остап Бендер. А серьезнее: чем дольше жизнь, тем дороже прошлое. А еще говорят, жизнь состоит на две трети из воспоминаний и на одну треть – из надежд.

(Из отзыва о П.П. Супруненко в книге «Корреспонденты Победы», издательство «Комсомольской правды», М., 1995.)

Павел СУПРУНЕНКО

ИСПОВЕДЬ ЧИТАТЕЛЯ

(литературные воспоминания)

XX ВЕК ПАВЛА СУПРУНЕНКО

Жанр «Исповеди читателя» Павла Супруненко определить достаточно легко: мемуары. Воспоминания, написанные профессиональным журналистом и литератором, немало повидавшим и испытавшим в жизни. Сценки, зарисовки, написанные живым литературным языком... Но самое ценное, что есть в этом произведении – образы людей, с которыми довелось столкнуться автору на жизненном пути. Людей, чьи имена сегодня знает вся Россия: опальный Солженицын, Анатолий Кузнецов, обессмертивший свое имя шокирующим и предельно откровенным «Бабьим яром», муза Маяковского Лиля Брик, которая от чего-то не произвела на автора «никакого впечатления», К.Г. Паустовский, В. Дудинцев... Все они становились для Супруненко друзьями, собеседниками, учителями... И конечно, за возможность общаться с «солью земли русской», с этими незабываемыми персонажами XX века, пришлось заплатить достаточно высокую цену: за связи с диссидентами Павла Павловича преследовали органы безопасности:

его, бывшего фронтовика, талантливого журналиста, не брали на работу, приходили с обыском на квартиру, всячески пытались перекрыть кислород, даже исключили из Союза писателей...

Можно было выбрать другой путь – петь дифирамбы советской власти, генсекам, писать «производственные» романы и повести, всячески отрешившись от «сомнительных» контактов, писать доносы... Так в то время поступали многие. Но только не Павел Супруненко.

Настоящая литература независима от власти, она может описывать время, события, но описывать таким образом, что и через много лет, отбросив идеологическую шелуху, мы будем это читать и сопереживать героям. Даже если это – документальный жанр. Мемуары Павла Супруненко – о людях, живущих во времени – и вне времени, о жизни в ее самом широком понимании. И конечно, о литературе, без которой нет русской культуры.

ИРИНА ШЛИОНСКАЯ,
писатель, член Союза журналистов России

ОТ АВТОРА

При относительно долгой жизни естественно думается о пережитом, ошибках и увлечениях, возможностях и свершениях. Мне жизнь дорога как память, говорил незабвенный Остап Бендер. А серьезнее: чем дольше жизнь, тем дороже прошлое. И еще говорят, жизнь состоит на две трети из воспоминаний и на одну треть – из надежд.

Особо запоминается детство. Автор – из той довоенной бедности, когда пацанами гоняли во дворе тряпичный мяч, сшитый из старых дырявых чулок и носков, жарили на огородах кукурузные початки. Но были в школе и учкомы (ученические комитеты), с которыми директор согласовывал некоторые вопросы школьного самоуправления. Так воспитывались какие-то зачатки значимости и самостоятельности. (Непонятно, почему нет подобных органов самоуправления в современной школе?)

И, конечно, вспоминаются любимые учителя. С одной из них автор переписывался более полувека. Это была необыкновенная женщина. На спор она переплывала широкий Днепр и чуть не утонула. Во время эвакуации, оказавшись в одной степной бригаде, сама у себя принимала роды (удачно!). Между прочим, она в одном из писем прислала образец городского фольклора, который сохранила (при том, что была членом компартии) в памяти с довоенных лет.

**У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в «торгсин» снесли,
Кота на мясо зарубили,
Русалку паспорта лишили,
А лешего сослали в Соловки.
То место взяли на заметку,
Там красная звезда горит
И день и ночь про пятилетку
Там Сталин сказки говорит...**

Как было не прислушаться к многознающей, красивой Валентинушке, как ученики между собой называли В.К. Шарову, когда она советовала предпочитать Ж. Верна, Д. Лондона, А. Конан Дойла. Книжки, книжки... Это наш параллельный мир. Случилось так, что уже без подсказки шестиклассник увлекся «Неодетой весной» М.М. Пришвина. Более того, набрел в одном журнале на печатное обвинение писателя в том, что он описанием цветочков и зверюшек отвлекает народ от строительства гигантов индустрии и созидания социализма. Школьник вступился за автора и написал ему письмо. И тот ответил открыткой (жаль, она потерялась в войну). Смысл сводился к тому, что любовь к Природе и является любовью к Родине.

Затем всю жизнь пришлось «открывать» Пришвина. И какого! Вот некоторые выписки из его дневника 1931-1932 гг. «Все, скрывая друг от друга, ненавидят колхоз, считая его крепостным правом». «Ленин был наказан безумием и мавзолеем...». «...Положение Горького – одно неприличное... досадно за человека: ведь мог быть человеком, а не чучелом». «...глазами советского раба». «Подлецов и мошенников гораздо выгоднее пускать в купцы, чем в политики». «Существует ли общественное мнение? Оно в молчании и анекдотах».

На войне вроде было не до чтения, когда рвались бомбы, снаряды, мины. А у 18-летнего автора случились и дни, когда он комвзвода саперов попал под дивизионный

трибунал, и за день до отправки в штрафную роту пришло полное оправдание трибунала фронта. Была общая тяга к поэзии. Не случайно появился «Василий Теркин» Твардовского (а в государственно-бардачное время он и в ад проник!). Сохранился у автора и интерес к Маяковскому: одноклассница прислала ему на фронт томик стихов поэта. Почему именно Маяковского? Он импонировал юности остроумием, нетерпимостью к кинодрамам, пошлякам, тупицам. У кого, кроме него, можно было найти в те 30-ые годы такое: «карлы-марлы борода» на стене росла под Толстого, «...грязью глаз любитесь, Чем устраивать музеи, лучше б вымостили улицы», «А сунешься в клуб – речь рвотная. Чешут языками чиновосты», «В очередях раз двадцать и тридцать можно усы отпустить и побриться», «...нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди...» и т.д. Интерес сохранился настолько, что автор после демобилизации, окончивая десятый класс в школе рабочей молодежи, поставил с одноклассниками комедию «Жлоп». Вначале на школьной сцене, а затем и в летнем городском театре.

А на фронте он вел дневник вопреки приказу-запрету начальства (вдруг попадет врагу при драп-маршах). Отрывки были напечатаны в журнале «Юность» с подзаголовком «Война убивает правду» (1986 г.).

В студенческие и последующие годы для находчивого читателя пошли ошеломляющие открытия: запрещенные или полузапрещенные «На западном фронте без перемен» Ремарка, «Жизнь Арсеньева» и «Окаянные дни» Бунина, «По ком звонит колокол» Хемингуэя, всех очаровавший Булгаков «Мастером и Маргаритой», Ремарком так был восхищен, что написал ему письмо с приглашением приехать в гости в СССР (оно, очевидно, положило начало досье в «конторе»). Будучи собственным корреспондентом «Комсомолки» по югу Украины, довелось работать и тесно общаться с восходящей писательской звездой, одним из талантливых «шестидесятников» А. Кузнецовым.

Став опытным и тертым журналистом, брал интервью у К. Чуковского, В. Дудинцева, К. Паустовского, И. Ефремова (у последнего беседа была извлечена из архива и опубликована четверть века спустя без ведома журналиста). В. Дудинцев морально поддержал автора-читателя во время преследования его со стороны украинского КГБ. Вызывали около 30 «свидетелей», готовили судилище, затем с предупреждающими угрозами сами признались подследственному, что им «это сейчас невыгодно». Времена были уже не те, не массово-репрессивные.

А произошло это вследствие переписки журналиста с А.И. Солженицыным... Вдумчивый читатель, он, пожалуй, первым предрек писателю, всколыхнувшему послеоттепельный застой, Нобелевскую премию, что и нашло отражение в одном из писем. Недавно издана его книжка о Солженицыне – «Признание... Забвение... Судьба...», удостоившаяся цитирования и библиографического упоминания в ЖЗЛовском издании Людмилы Сараскиной, приуроченном к 90-летию писателя (2008 г.). Закрытыми письмами, осуждением, непримиримостью, травлей, запретом даже «Бесов» Достоевского коммунистические бонзы и их подручные сами способствовали возникновению «внутренних эмигрантов»...

Неизвестные страницы войны, «неслучайные встречи» с интересными людьми вошли в книгу П.П. Супруненко «Жизнь под вопросами». Она подготовлена к публикации и издана сыном автора географом Ю.П. Супруненко. Устанавливается хорошая традиция, когда дети дорожат

воспоминаниями отцов и дедов, бережно хранят их и даже издают. Сейчас готовится «Семейная хроника. XX век», где найдут отражение интересные записки трех поколений.

Примечательное явление в «Год семьи», о сбережении которой не лишне напомнить в наше стремительно меняющееся, оттого зыбкое и неустойчивое время.

I. ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

Дом, в котором родился автор

СИЛА СЛОВА

За каких-то три-четыре года родителям пришлось сменить более полдюжины наёмных квартир. Для меня дошкольного пацана даже разнообразие впечатлений. А каково было им с переездами, понять может только взрослый. Да и слово «квартира» вмещало в себя понятие относительное: темноватую, сыроватую, тесноватую комнатенку. Отцу хотелось найти что-то получше. А хозяйева или повышали плату, или находились на то жилье родственники, близкие знакомые.

С крышей над головой, видно, с первобытных времен были хлопоты и заботы. А уж в годы коллективизации, когда началось бегство селян в города, перенасыщенность населения выглядела особенно наглядно. В частности в тогдашнем полуселе-полугороде

Каменском, примечательно обретшим новое «металлургическое» имя – железного Феликса. Кроме бурно выраставших, как их называли, казенных пятиэтажек, двухэтажек, барачков, в Днепродзержинске скороспело возникла своя окраинная «Нахаловка» – только называли ее «Абиссинией».

Тогда в газетах много шумели об итало-абиссинской войне, печатали много фотографий эфиопских селений с вросшими в землю плоскокрыхими хибарками. Днепродзержинские «Землянки» являли собой нечто схожее, но намного похуже, наполовину врытые в почву, сгрудив-

шиеся, без проезжих улочек – только тропинки зигзагами (пишу их с большой буквы потому, что иногда это поселение называлось так наряду с «Абиссинией»).

И расположились эти «Землянки» впритык к городскому кладбищу, что тоже примечательно. Массово умиравших, особенно в голодомор 1933 года, отвозить было не на чем, а нести было совсем недалеко.

Словом, с жильем становилось все хуже и хуже. Отец нашел вроде удачную очередную комнатенку. Но надо же было случиться такому повороту. Хозяйский сынок, такой же как и я короткоштаннный оголец, хвастаясь, задаваясь, заявил мне при одной из первых встреч с ним во дворе: «А мы вас, мы вас... в любую минуту можем выселить...»

Конечно, обида нанесена такая, что и ответить не знаешь как. Но я нашелся: «А я, а я... запишу вас в колхоз!» И для более полной убедительности я достал из кармана блокнотик и карандаш. Хотя даже рисовать буквы я еще не умел. Боже, что тут сотворилось! Мой хвастливый «домовладелец» не просто заревел как ужаленный или прирезанный, а впал в затяжную истерику. Он, видимо, был наслышан, как и я от взрослых, о колхозах, как о чуме, заразе

или лихоманке вместе взятых. Мне и до сих пор помнятся поговорки того времени: «Нема хліба, нема сала – контракція забрала. На воротах серп і молот, а в колгоспі – смерть і голод».

С МАМОЙ И БАБУШКОЙ

Наш мальчишеский конфликт мог перерасти в родительское противостояние. И слава Богу, что отцам хватило ума свести это в шутку. Они еще не осознавали реальной угрозы распространения коллективизации и в городе (в виде ее первых ростков – барачков и перенаселенных общежитий).

Мой новоявленный кореш больше не заикался о поселении, не хвастался домовладением. Так я с младых ногтей уверовал в силу слова, даже не напечатанного, а только взятого на карандаш, записанного в блокнот.

КАК НАЙТИ СЕБЯ

Чего только не приходилось пробовать в те юные годы, когда хочется найти себя, быть не хуже других. А может и лучше... Даже воровать отважился. Тянуть доски на дрова со строек – это, конечно, дребедень, о которой и говорить не приходилось. Вот стырить что-нибудь на базарчике – это уже признание. Нас подначивали на такие «подвиги» блатари постарше. Впрочем, во вдохновителях недостатка не было.

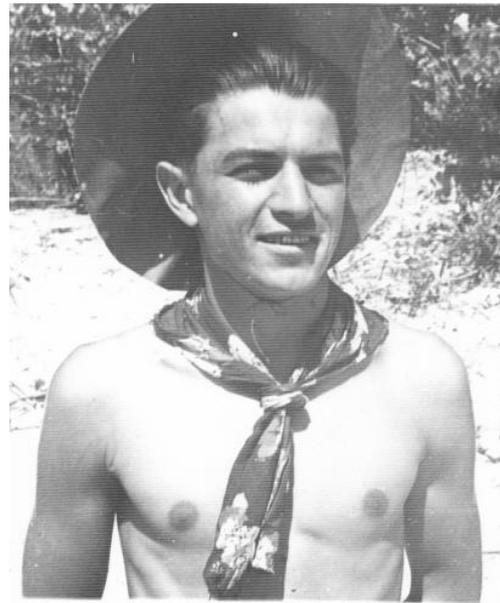
В напеваемой всеми «Мурке» и утесовских шалманных мотивах, на страницах Макаренко, Пантелеева, Микитенко бытовала блатная романтика в перепутанной колючкой державе. (Не зря же ходили подтвержденные после слухи, что сам товарищ Сталин любил слушать блатные уркаганские песни, в частности от Утесова.)

Я в одиночку, без напарника, может, побаиваясь неудачи и предчувствуя ее, вышел на «дело». Базарчики тогда в Днепропетровске, как правило, продовольственные, собирались на многих бойких перекрестках. И нет бы мне тихонько хитроумно, без шухера осуществить замысел, как в кадрах знаменитой «Путевки в жизнь». Так я по-пацански нагло, с разбегу схватил у торговки яблоко и молниеносно исчез за домами. И когда в казавшейся безопасностью надгрызал это яблоко, на меня навалилась массивной тушей владелица товара, вырывая мою добычу. Старуха была, видно, природным педагогом: она меня не била (ну, может, тряхнула за ухо). Но главное заронила убеждение, что даже маленькое преступление влечет за собой расплату. Может, именно эта бабка уберегла, таким образом, меня от уркаганства, от скользкой дорожки. Я никому не признавался в этой позорной и полезной своей неудаче и рассказываю о ней впервые.

Потом чего я только не пробовал. Мастерить авиамодели, монтировать детекторный приемник (он издавал только треск и писк), паял, пилил, торговал папиросами. Во дворце металлургов с приятелем «записались» в духо-

вой оркестр. Нам доверили пару дней дуть в мунштуки. Причем, веселый руководитель Ван Ваныч заявил, что имен и фамилий он не запоминает и будет называть нас: «ты – поц первый, ты – поц второй...». У меня до трубы дело не дошло, я слинял на третий день, а кореш Шурик Семенов даже войну провоевал в оркестре. С другим корешом Алешкой Прокопенко мы склеили самодельный фотоаппарат, добились фотоснимков. (Приятель впоследствии стал известным кинооператором.)

Не менее успешно изготавливали мы, подогреваемые стрельбой на киноэкранах, самопалы (и с этим психозом потом с лихвой преуспели на войне). Родители хотели, чтобы я стал врачом. Как и многие, они исходили из тех практических представлений о неизменной драгоценности этой профессии: щедрой оплаты медиков не только рублями, но и товарами, продуктами. И безработица «костопрывам» неведома. Я же не мог побороть в себе безразличность взять в руки лягушку или ужа, и уже это условие, наверное, достаточно было, чтобы не заблуждаться в выборе медицинского поприща. Вообще же, как много значит этот поиск себя. Говорят, что бесталанных детей не бывает. Многие говорят... Но как шутил наш знакомый колхозный дед: «Теоретическая кобыла на практике не везет». И как убеждался я потом, очень верно подметили деловые американцы: талант – это работа в одном направлении. Словом, пусть увлечения и ошибки проходят в детстве, чем потом наступают разочарования и драмы в будущей учебе и работе.

Не зная еще подобных педагогических мудрствований, я стихийно набрел на свою тропку. (А может, сказались наследственность, гены? Мой прадед подвизался как-то время писарем в сельской управе. Да и отец пописывал в газету о своих рационализаторских делах на заводе.)

У меня, пятиклассника, началось с небольшой заметки в городской газете «Дзержинец» о нашей школьной экскурсии на металлургический завод. До этого мы видели издали его дымящие трубы и закопченные домны. Где-то там на расстоянии он гудел, пыхтел, ухал, скрежетал, вспыхивал языками пламени. Железный гигант притягивал своей мощью, загадкой. Миновав проходную, оказались в своеобразном городе с металлическими тротуарами, причудливыми постройками, бесконечными газо и водопроводами, железнодорожными путями. Больше всего поражал огонь. Он бушевал за высокими стенами, иногда вырывался наружу пламенем. Люди суетились у печей и непонятно

было, укрошают они его, или раздувают пожарче. Чумазы сталевары разрешали взглянуть на огненные завихрения через синие очки. Мы понабирали в карманы образцов руды, напились бесплатно газировки. От гари и копоти першило в горле. Впечатлений, конечно, по самую завязку. Но когда за воротами на сравнительно свежем воздухе учительница обратилась с вопросом «Ну, кто из вас хочет стать металлургом?», никто не высунулся и не поднял руку.

С гордостью можно было рассказывать, что мы были на заводе.

Приехавшим из Киева журналистам меня представили как признанного в школе корреспондента. По просьбе гостей я исписал почти полтетради о посещении завода и своем желании стать журналистом. Я вкусил соблазнительной отравы печатного слова. Её ощущал не только чеховский герой, «пропечатанный» в газете в связи с тем, что его переехала карета. Совсем безразличных к печати людей я не встречал.

В республиканской детской газете появился мой первый «подвал» – очерк «Зарево над городом». Но с описанием моей мечты стать... сталеваром. Хотя я ни словом, ни полсловом об этом не заикался. Так впервые я столкнулся с нравами советской прессы. Отец пошутил: «Это называется без тебя тебя женили».

Но интереса к журналистике я не потерял. Более того. Прочитав в журнале критическое поношение одного известного и настоящего писателя, я (пятиклассник!) вступился в его защиту, так как раскритикованная повесть мне понравилась. Вскоре я получил письмо от этого писателя. Но это уже, как говорится, другая ночь и другая сказка. Впрочем, об этом стоит рассказать отдельно.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КНИГА

Одна книга в нашем доме пользовалась особым вниманием. Даже соседки, которые оценивали печатные страницы только по возможности использования для кульков на тюльку и сеledку, и те не лишены были интереса к листам в добротной картонной обложке. А приятели отца по заводу, почитавшие печатное слово, и вовсе прицокивали языком: «Редкая, стоящая штука!». И отец не без гордости показывал ее гостям, бережно поглаживая своей шершавой, натруженной молотком и напильником ладонью. Так же как дедушка брал бережно в еще более заскорюзлые и почерневшие свои крестьянские руки «Библию». И поэтому, когда я присаживался в который раз перелистывать страницы, отец никогда не забывал спрашивать помыл ли я руки. К книгам у него было благоговейное почтение.

В этом фолианте, как по-ученому называл его дядя Володя, весь интерес заключался не в словах, а в картинках. Дома, церковь и даже заводские трубы не просто были похожими на наши городские, а точно, тютелька в тютельку, соответствовали друг другу. Это и вызывало восхищение: «Надо же вот так скопировать!», «Значит и нас не забыли!»... И вот при таком всеобщем признании и одобрении речь зашла о том, что предстояло расстаться с книгой. Естественно, пришлось не раз вспоминать и о том, как она к нам попала.

У знакомого заводского инженера отец за недорогую цену купил так называемый гардероб. Это была даже не мебель, а целое сооружение. И по звучанию и по архитектуре у него было много общего с гробом. Крепко сколо-

ченный из сосновых досок, со многими перегородками и полками, он мог вмещать весь домашний скарб: одежду, обувь, посуду. От такого приобретения и мы должны были выглядеть не хуже людей, которые имели модные комоды с выдвигаемыми ящиками и буфетами с расставленными за стеклом слониками. Но до такого богатства наша семья еще не дотянулась.

Комбинация отцовской покупки состояла еще и в том, что с гардеробом продавались и хранимые в нем книги. По рассказам, они принадлежали польским инженерам. Во время революционной заварухи многие из них все бросили и уехали за границу. Кстати, и наш Днепровский металлургический знаменитый завод начинался под Варшавой бельгийскими коммерсантами в конце прошлого века. Поэтому выбрали подходящее село на Днепре – Каменское. Сюда на заработки хлынуло много людей.

Плавился не только металл: в промышленном котле перемешивались народы. К коренным украинцам добавлялись русские, поляки, евреи, цыгане. И как не сопротивлялись столпотворению, а городская мешалка крутила свои замесы. Те же поляки поначалу в своей колонии пытались огородиться заборами. Но даже цыгане оставили свой табор и организовали гвоздильную артель в городе. Люди общались, трудились, дружили, женились... Присмотрись, какие красивые девчата в нашем городе. Как гибриды!!! То от смешанных браков! Примерно так излагал свою теорию и просвещал моего отца дядя Володя за чаркой добротной наливки, которую умела приготовить моя мама. Ну, а то, что говорят взрослые, никак не пролетает мимо детских ушей. Правда, нам еще рано было интересоваться девчатами-гибридами. Но вот книги из гардероба стали предметом нашего пристального внимания.

Библиотека оказалась не совсем полноценной: увесистые тома с золотыми тиснениями были «немыми» – на иностранных языках. Как с ними быть? Мама полушутя-полусерьезно намекнула – не пустить ли их на растопку? Но отец отчитал ее, чтоб подобных разговоров больше не возникало. Нередко сам пролистывал тома. Но больше этим занимались мы с соседским пацаном. Это был тот возраст, когда теряется интерес к надоедающим храбрым зайчишкам, хитрой лисе и тугодумному медведю. Души наши жаждали более захватывающих впечатлений и приключений, а читать мы еще толком не умели.

Вот тут и пришлось кстати картинки в этих томах. Чего там только не было в богатых иллюстрациях. Причудливые хвостатые чудовища выползали из моря, дикари добывали камнями загнанных зверей, парусные каравеллы уходили в неведомые земли, у столов с ретортами хлопотали ученые, на лошадях красовались дамы и кавалеры, в непролазных лесах и снежных горах пробирались путешественники.

Ну, а больше всего портретов с орденами от шеи до пула, изображений боевых схваток с применением пушек, конницы и даже слонов, разрушенных крепостей и тонущих кораблей. Наш телячий восторг пытался приглушить тот же всезнающий дядя Володя. Мол, до чего же находчивы оказались в своей истории люди: кто лучше и скорее снесет друг другу голову, оборвет руки и ноги взрывами, больше вспорот животов, подожжет домов.

Его ирония до нас мало доходила и, как говорила соседка «извини-подвинься», что это за мужчина без воинственного духа. Пьяндыжного своего мужа она называла тихой-матюхой... Не поймешь этих взрослых с их нетрезвыми разговорами.

Но меня с моим корешом занимали тогда картинки. Одни из них искрились яркими красками, были отделены от печатных страниц прозрачной «папиросной» бумагой, другие скромно определились в черно-серой тени. Перелистывая том за томом, мы изобрели даже свою игру. Ему принадлежала левая сторона, мне – правая. У каждого свои картинки. «Чьи лучше?» Доказывали друг другу придуманными объяснениями, приключениями. Это оказалось труднее, чем доказывать что-то кулаками.

Среди тех томов была найдена и та редкая примечательная книга о нашем селе – городе Каменском. «Его-то и на карте не найдешь, а вот книгу пропечатали»... Кто-то обмолвился, что такой вещи место в музее или редакции газеты: за нее и деньги немалые дадут. Этой подсказкой и воспользовался отец, когда подошло тяжелое голодное время людоедского 1933 года. Конечно, были сожаления и переживания. Дядя Володя, чтоб пригласить грусть-печаль подарил отцу даже одну занятную вещь. Отец повесил ее на видном месте над дверью. Это было небольшое полотно, написанное масляными красками самим дядей Володей. Хотя он скромно оговаривался, что картина, мол, народная. Она была к тому же «загадочной». На ней изображались два мужика в шароварах и вышитых сорочках, которые мутузили друг друга кулаками, схватившись за чубы. Была и отчетливая подпись на картине: «Два дурни бьются, а третий смотрит».

Очень многие из гостей, видя только двоих, задавали вопрос: «А где же третий?» И под общий смех осекались в запоздалой догадке, что смотрящий и есть третий. И тогда над розыгрышем смеялись все вместе.

Но сожаления по поводу унесенной из дома книги у отца да и у меня остались. Дядя Володя, улыбаясь называл нас неисправимыми собственниками, а меня утешал, что я еще к ней в своей жизни, вернусь. В жизни, мол, что на долгой ниве. И пророчество его действительно сбылось. К этой «Истории Днепровского завода», изданной в начале прошлого столетия пришлось обратиться не только ради любопытства. И случилось это 20 лет спустя.

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ВЫБОР

Не будем ломиться в открытую дверь. О влиянии книг на наше взросление писано-переписано. И тем не менее, у каждого своя библиографическая судьба. О своей решаюсь поведать потому, как зарвался, если не сказать обнаглел, будучи желторотым читателем. Сейчас даже сам удивляюсь, как это книгочей, только вкусивший книжной сладости, решился на такой шаг. Ну, допустим украсть какую-нибудь соблазнительную книжку – это было бы, если не простительно, то понятно. Но тут пятиклассник из зачуханной провинции встал на защиту московского обиженного писателя. Да еще в какие годы – во вторую половину тридцатых, когда свирепствовала опричнина. Не только при этих объективных людоедских условиях, но и субъективной семейной обстановке. Моего отца два раза уже к тому времени сажали в ДОПР – как тогда в революционную аббревиатуру зашифровывали старорежимную «тюрьму» и значило это ходкое слово что-то вроде «дома предварительного заключения»; о нем даже хохма сложилась: «Член МОПРа, кандидат ДОПРа и активный сотрудник Главспирта», МОПР – это международная организация политзаключенных, значки и членство в которой были добровольно-обязательны.

Так вот отец два раза попадал в допровскую кутузку и два раза его оттуда выпускали. Случай, прямо скажем, не частый в те годы. И помогала ему, как ни странно, наивная надежда на справедливость: он объявлял голодовку. Но это история заслуживающая отдельного пересказа.

Среди пацанов нашей заводской четырехэтажки я не выделялся особой начитанностью. На это запойное занятие не хватало времени. В мою святую обязанность входило ежедневно рвать лебеду на варево для нашей свиньи. Во дворах сплошь и рядом были понастроены сараи и многие жильцы содержали такую живность. На выдаваемом за городом участке мы, как большинство полурабочих-полукрестьян славного индустриального Днепродзержинска, выращивали картофель. После голодного 1933 г. родители предпринимали все возможное, чтобы выжить. Приобщали и нас с малолетства к этому выживанию.

Но лебеду рвать – занятие нудное и препротивное. Однажды я попытался пойти другим доходным путем. С пацанами наворовал бесхозных досок на стройке и, разнясь их по квартирам, наторговал за день невиданную сумму: около двух рублей. Деньги отдал маме. Вечером отец поговорил со мной по душам. Наказывать не стал, но предупредил, что если я продолжу такую заготовку дров, то мы с ним вдвоем уже попадем в ДОПР... Попробовал я более честно подрабатывать, как некоторые шустрые пацаны, перепродажей папирос, но коммерсанта из меня тоже почему-то не получилось.

И вот при подобной занятости я все же успел кое-что прочесть у Дюма, Купера, Лондона и особенно Верна. Конечно, описание пейзажей при этом приходилось пропускать, чтобы больше успеть проглотить. Затрудняюсь, кого мне благодарить за выбор, за то, что читал я меньше муры и больше этих увлекательных хороших книг. Откровенно сказать, ни советницы-библиотекарши, ни библиофила-педагога я вспомнить не могу, а учительницу по русской литературе мы, как пошехонскую героиню, называли «Затрапезной». Не было обилия книг и в нашей коммунальной комнатухе. Хотя отец при его церковно-приходском образовании и пытался восполнить пробелы – подписался даже на Малую советскую энциклопедию. Но из-за арестов она так и осталась у нас разрозненными томами. К наступившему во мне библиофильскому созреванию отец отнесся с пониманием.

В это упоительное книжно-приключенческое время мне и попала «Неодетая весна» Пришвина. И как ни странно, там тоже «про пейзажи», но повесть я прочитал до конца, и она мне даже понравилась. В клубной читалке мы, отходя от своего пацанства, подражая девочкам-старшеклассницам, просматривали журналы. Вот так и попала мне случайно статья, разносящая в пух и прах и «Неодетую весну» и автора. Я не только возмущился, но и решил написать ему письмо...

Но прежде, чем закончить эту историю, еще одно отступление. Откровенно говоря, я даже немножко гордился потом своим самостоятельным детским читальским выбором. Потом я всю жизнь открывал для себя М.М. Пришвина. Как впрочем и многие другие. Не буду распространяться о его исповедальной прозе. Приведу только некоторые заметки из дневника 1931-32 гг., дошедшие до читателя лишь более полувека спустя.

«Литература, вероятно, начнется опять, когда заниматься ею будет совершенно не выгодно... вся литература должна превратиться в литхоз. Все, скрывая друг от друга, ненавидят колхоз, считая его крепостным правом».

«Ленин был наказан безумием и мавзолеем... Теперь как бы получает возмездие».

«Интересно, чем кончит Горький. Успеет ли умереть до падения или тоже рухнет... (сравнение с Д.Бедным – П.С.)».

«Положение Горького – одно неприличие».

«Глазами советского раба...».

«Слава Горького пуста и только досадно за человека: ведь мог быть человеком, а не чучелом».

«Подлецов и мошенников гораздо выгоднее пускать в купцы, чем в политики».

«Существует ли общественное мнение? Оно в молчании и анекдотах».

Вот он каковым оказывается был природолюбом, милейший Михаил Михайлович.

Я по-настоящему был возмущен, как это можно поносить такую хорошую книгу, а обвинение автора сводилось к тому, что только недоброжелатель может описанием цветочков и зверушек отвлекать народ от строительства гигантов индустрии, от созидания социализма и т.д. и т.п. Не помню уже, какие доказательства я приводил, но они видимо произвели впечатление на обвиняемого... Потому, как Михаил Михайлович ответил на мое письмо, которое ему переслали. Он утвердил правоту позиции юного критика. Смысл ответа сводился к одному: любовь к природе своей Родины и является любовью к Родине.

Двенадцатилетний критик не развил так блестяще начатых своих возможностей. Но от общения с писателями не отказался. Читатели, видимо, как и писатели, не лишены такой приятной человеческой слабости – тщеславия. Ну, ладно, скажем помягче – возможности самовыражения.

САМОЕ БОЛЬШОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Как-то уже в мирное время, в 60-е годы исчез один из моих близких школьных товарищей. Мы иногда встречались с ним в родном городе, обменивались письмами. А тут исчез бесследно: по почте никто не отвечал, знакомые тоже ничего сообщить о нем не могли. Прямо какая-то детективная история. Чтобы человек спился, так он не из таких. Еще в школьные годы выделялся своей самостоятельностью, примерными способностями. Тогда учителя предрекали ему дорогу в большую науку. И действительно, вернувшись с фронта офицером, он экстерном сдал экзамены за среднюю школу. Потом столичный технический вуз. Как перспективного ученого его оставили работать в институте, доверили вскоре отдел. Словом, я ожидал его увидеть среди каких-нибудь лауреатов и услышать гордость со товарищей за своего одноклассника.

Но вот мне не ответили ни из вуза, ни родственники, лишь справочное бюро того города, где он жил, четко сообщало его адрес. Значит, жив... Я все собирался туда поехать и выяснить, но все откладывал с года на год, как водится, в нашей суетной жизни.

И вот звонок у двери моей московской квартиры, и на пороге Женя Д...

Я не называю его фамилии, и это станет позже понятно почему. «Узнаешь?». И Женина знакомая улыбка на все лицо. Правда, и лицо не такое солнцеликое, и улыбка не такая лучезарная, как прежде. И на это была серьезнейшая

причина. После сбивчивых восклицаний и вопросов при застолье выяснилась эта сдержанность. Правильно, нашим сообразительным гражданам нетрудно догадаться. Все эти годы, как принято у нас говорить, он «сидел»... Хотя в тех местах меньше всего сидят. Женя назвал и срок. А потом добавил: «Дали бы больше, но помог ты, вернее, твоя статья в «Дзержинце»».

У меня большие глаза и сдвиг плечами: ничего не понимаю, какая статья, я ничего подобного не писал. Женя напомнил события грозного лета 1941 года. Запомнился сильный дождь и буря, когда мы, старшекласники, собрались у нашей милой 17 школы (после войны в ней разместился Дворец пионеров, а теперь какая-то коммерческая фирма) с намерением ехать в колхоз помогать колхозникам убирать урожай и этим способствовать разгрому вероломного врага.

Машина из-за непогоды не приехала, но мальчики были так настроены на подвиги, что вопреки воле родителей и администрации школы пошли в тот отдаленный кричичанский колхоз пешком. Что нам слякоть и тучи на небе, когда военная гроза разразилась на земле. Правда, нашей мужской гордости поубавилось, когда поздно вечером вслед за нами появились в колхозе и девушки. Они решили от нас не отставать и тоже пришли пешком под дождем и ветром. Разместились мы в большом сарае на соломе и долго не могли уснуть: нас блохи «пикировали»... Это наши остряки-самоучки обыгрывали только вошедшее в военный быт новое словцо.

Многим из нас вскоре доверили не только сбор овощей, погрузку-выгрузку, но и работу возчиками на подводах и даже у соломонакопителях на комбайнах. Труд, можно сказать, не только ответственный, но и самоотверженный.

Работая в защитных очках, с респиратором-намордником, без задержки отбрасывая солому в вихрях половы надо было крепко держаться на ногах, чтоб не свалиться с соломонакопителя. Десятиклассники поумней обошли стороной эту работу «для негров», а я лопухий рослый восьмиклассник сам напросился на нее. И не заметил как пришел в сознание, когда надо мной хлопотала с нашатырем медсестра в поле. Больше всего я боялся, чтобы о моем «трудовом подвиге» не узнали девчонки и не сочли хиляком. Медсестра сдержала свое слово сохранить его в тайне.

Короче говоря, ишачили мы честно, здорово и не ради похвалы, до самозабвения, пока не услышали глухие раскаты артиллерийской канонады подкатывающего фронта. Нас срочно перевели на рытье противотанковых рвов.

Я все-таки еще успел написать и напечатать в местной городской газете заметку о нашей вахте в прифронтовой полосе. В числе других ребят упоминал и Женю (Дегтярева). Если говорить откровенно, то со временем я совсем забыл об этой заметке. Дальше последовали на дорогах войны события подраматичней. Но Женина мама сохранила газетную вырезку с похвалой ее сына. Несмотря на эвакуацию в Сибирь, возвращение на Украину, так и залежалась эта заметка среди разных справок и удостоверений. Они давно и не нужны вроде, а у стариков рука не поднимается выбросить. Ведь сколько им мотали нервы из-за всяких бумажек... И газетная вырезка пригодилась!

Один судья вернул Женино дело из-за отсутствия состава преступлений. Дали ход в другом районе: тогда велась как раз компания против Худенко, Туманова и других «подрывателей» экономики развитого социализма. Женя проклинал тот день и час, когда поддался на уговоры вы-

сокого начальства и перешел из института на директорство экспериментального современного нового показательного завода. Хотелось доказать, что мы не такие уж бестолковые головотяпы-глуповцы. Вот и доказал...

Хорошо, что не приписали «подрыв экономической мощи»: тогда бы финал был еще трагичней. И адвокат и даже следователь ему сочувствовали. Однажды его спро-

сили не отмечалась ли его патриотическая деятельность в печати. Женя возьми ради шутки и назови эту заметку школьных еще лет в начале войны. Годится! Её подшили в «дело». Признали, что она тоже помогла в уменьшении срока.

Надо ли говорить, что это было самое большое вознаграждение из всех моих публикаций в печати?

II. ВОТ ТАК И ВОЕВАЛИ

В «ДОЛИНЕ СМЕРТИ» – СТИХИ

Мы пошли в «Долину смерти», как была прозвана нами роща в пойме Днестра. Таких пьянящих запахов сирени, черемухи, акации, острых до одури, буйных до головокружения, я никогда не встречал. Зелень торжествовала свое пробуждение, даже ядовитая гарь от разорвавшихся снарядов и мин не могла заглушить этой силы жизни. И как сумасшедшие, пели соловьи в роще: поочередно, хором, потом враздробь, подзадоривая друг друга, самозабвенно, хвастливо, безудержно.

Если бы только не этот запах разложившихся трупов. Их своевременно не убрали с нейтральной полосы, а потом уже поле было заминировано, так и остались они впереди траншей. Мы шли согнувшись, крадучись. Где-то скоро должен определиться передний край. Солдаты называли его «передок»: может, чтоб не поминать лишний раз «край», как черту перед пропастью, как порог к преисподней...

Никто не проронил ни слова. Хоть часто вот так в ходьбе обычно отвлекались шуткой, нехитрой новостью, разговорами о том, кто как провел день. Или как бойцы из соседнего взвода нашли приبلудного поросенка, какая у комполка капризная ППЖ, почему задерживается обмен нижнего белья, что, конечно, важнее из всех остальных новостей. Но тогда говорить не хотелось вовсе. Взвод направлялся в важную трудную разведку. Впереди немецкие окопы. И кто его знает, чем все окончится. Идти на стволы пулеметов и автоматов занятие не из приятных.

Каждый оставался наедине со своими переживаниями. Не всегда их выскажешь даже самому близкому товарищу. И не только потому, что они в далеком душевном тайнике. Просто в таких случаях и слов не хватает и кажутся они не нужными. Глядишь на свежую траву-мураву, на буйную поросль ромашек, васильков, мяты. Какое это счастье – обнять цветы, прилечь на траву, закинуть руки и смотреть на плывущие облака.

Боже, какими мы скромными бываем в своих желаниях, когда костлявая с косою подстерегает за ближним бургом.

В блиндаже пехотинцев вроде даже уют. Уже хотя бы потому, что взрывы слышались глуше. Мои саперы пошли сопровождать разведчиков, резать «колючку» в заграждениях, разминировать проходы. Взрывы поближе. «Не свои наравались?» Пехотный лейтенант не согласился: «Это снаряды наши подбрасывают после ужина фрицам на закуску» – «На снаряды не похоже, – заметил офицер-минометчик. – Да, что вы отвлекаетесь: будто впервые замужем... Вот я и говорю тебе, младшой, твой Симонов, как бляющий телок.

Ведь это сюсюканье. Любви надо не просить, не вымаливать на коленях» – «А что, идти в атаку? – ухмыльнулся пехотинец. – Нет, любовь – занятие мирное...»

И в доказательство кивнул в сторону спящих солдат: не зря же они, мол, переписывают песни, стихата, «Жди меня», посылают в тыл женам, девушкам. Минометчик гнул свое: переписывают и другое. И начал чеканить с металлом в голосе:

**Мы под дождем под смех чудачки смерти,
Где в страшных судорогах изранена земля.
А вы под звук оркестра где-то с кем-то
Чертите шикарной туфлей на паркете вензеля.
А развалившись в кресле, смотрите несмело,
На смерти показной престрашные картины.
А наше грязное завшивленное тело
Целует штык и рвут шальные мины.
В бостонах вы, в перчатках руки,
И даже перья клеите на шляпы.
Мы ж в грязные себя хороним брюки
И в сапоги сырые прячем лапы.
Поранив пальчик вы к врачу идете:
Вам бюллетенчики на отдых дороги.
А мы в бою в предсмертной рвоте
Потухшим взглядом ищем свои ноги...**

Я спросил, чьи стихи, но минометчик не знал и прокомментировал их в той же колочей а-ля Маяковской манере. Мол, знаменитости сюда в окопы не долазят, ошиваются по штабам-редакциям. Не кормят вшей, не роют мордой землю, не мокнут в траншеях. А вот какой-то неизвестный парень рубанул напрямик, может, перед атакой в смертельном предчувствии.

Пехотинец пытался отстоять Симонова, Твардовского, читал какую-то лирику, минометчик настаивал на своем непримиримом обличительстве и обнаженной правде, выдавал новые образцы фольклора, в частности распространенную песенку с повторяемым рефреном – «все равно война» («... выпьем все до дна, и всю ночь кровать скрипела, все равно война»). Спорщики горячились, подкрепляя позиции легкой незлобной матерщиной. Запал немного разрядил недалеко лежащий сержант, оказалось, он не спал и выдал свой вариант «все равно война»:

**Ком паника шлафден
Морген дам часы
Шецко едко криег
Шнель снимай труссы.**

Немецкая оккупация (перевода не требовалось...) рождало свое «эсперанто». Я вспомнил слышанные поговор-

ки, вроде «шрайбен вилами по вассер». Сейчас же радовался, что хоть раз в относительном спокойствии представилась вот такая возможность для спора о стихах. Но тут в блиндаж ввалился старшина из разведроты и бросился с просьбой к минометчику – прикрыть огнем их отход. «Разведчики и саперы волокут раненных». «Языка» не взяли: немцы обнаружили, открыли бешенный огонь. Только под утро, когда обстрел утих, мы унесли ноги с передовой.

Но стихи совсем не забылись. Кое-что я успел даже переписать тогда в блиндаже. Но когда придется к ним вернуться?

РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ

О том, что значит, обмен письмами для людей, распространяться не надо. Но о том, как почта помогала фронтовикам, сказать, вспомнить необходимо. Об этом слагались песни, сочинялись стихи, ходили легенды. Переписка спасала от отчаянья, от тоски, поднимала дух, благодаря ей завязывалась любовь (ее называли заочной, а новоприобретенных подруг – «заочницами»).

Даже высокое начальство понимало повышенное значение эпистолярного жанра и дало установку – на радио и в печати сообщались адреса для переписки. А находчивыми солдатами, а может и адресатами в тылу – авторство неизвестно, – было изобретено и средство для ускорения и упрощения этого процесса. Знаменитые почтовые «треугольнички» хитроумно складывались из написанного на одной стороне листка так, что его не надо было клеить или долго распечатывать. Это удобство, кроме экономии дефи-

цитной в войну бумаги, было очень на руку и военной цензуре, которая распечатывала и проверяла каждое послание.

Понятно, в получаемых солдатами новостях случались и сообщения, мягко говоря, неприятные, травмирующие. К примеру, о том, что скурвилась жена или вышла замуж любимая девушка. Но это редкость – как правило, фронтовиков щадили и старались больше радовать, чем огорчать.

Я храню одно письмо, которое и военная цензура милостиво сочла не вымарывать, и содержанием которого я делился не только с близкими мне друзьями-офицерами. Но и с солдатами. Во-первых, затронутый в нем вопрос был, что называется животрепещущим. Да и написано оно было умно и прочувствованно обеспокоенной и обожаемой мною Клавой. Вот что ее студентку института встревожило: «...Находилась, две недели в колхозе, и не было ни кусочка бумаги, и потому не могла раньше ответить. Надо ли говорить, как я рада и жду твоих писем. Но вот о чем не могу тебе не сказать, меня начало смущать в твоих письмах частое употребление слова «вино». Причина этому то, что... Нет, начну по порядку. Мне очень не нравится поведение многих офицеров здесь в тылу. Мне пришлось «познакомиться» с одним нашим сверстником, бывшим учеником нашей школы. Теперь он офицер-танкист, приехал в отпуск. Ордена, медали. Вроде бы горой – только приветствуй и восхищайся. А вот встреча была не из приятных. Его пьяный разговор и поведение вызывали неприязнь, негодование. И знаешь, Павлик, это заставило подумать, что «вино» не только слово в твоих письмах ко мне, но и предмет твоего употребления (я хочу сказать злоупотребления для некоторых!). Это тревожно».

III. НА ЖУРНАЛИСТСКОЙ СТЕЗЕ

ПОЧЕМУ ИМЕННО МАЯКОВСКИЙ

**«Нажрутся, а после в ночной тишине,
ывалясь мясами в пуху и вате,
сползутся друг на друге потеть,
города содрогая скрипом кроватей...»**

Стихи явно не для чтения дамам. Но бунтующие «маяковеды» пытались так же шокировать своих близких и знакомых «пощечиной общественному вкусу», как это делали когда-то футуристы. В результате получалось, что они не только привлекали к себе новых сторонников, но и отталкивали «сочувствующих». В пылу все шло в ход. Чем больше раздражения, тем больше внимания.

Да, любовь к поэту, к стихам была не пассивной. И мы это старались доказать не только на словах. В свою поездку в Москву я должен был не просто смахнуть слезу над могилой Маяковского на Новодевичьем кладбище и побывать в его квартире-музее. Это и дурак мог сделать. Нет, любовь к Маяковскому нужно было еще доказать так, как этого еще никто не делал.

Успели мы, конечно, очень и очень мало. Многим уже было по семнадцать, девятнадцать и даже двадцать. А еще ничего не было сделано для бессмертия... Нужно было поторапливаться.

Самоутверждение, как уже не раз замечено начинается с протеста: против моды, благопристойности, споров по любому поводу. Своих силенок не хватает, и очень кстати тогда опереться на какой-нибудь бунтующий авторитет. Как нельзя для этого подходил Маяковский.

Почему именно он так импонировал многим из молодых? Если рассуждать трезво, то девчонки были кое в чем правы. Медноголосый поэт нередко растрачивал себя на мелочевку. Писал о подписке на заем, сборе металлолома, физкультурпараде, рапорте профсоюзов, пользе сберкасс и прочей дребедени. Но были и настоящие стихи.

И все-таки, почему именно Маяковский. Вот чего нельзя отнять у него, так это яркости, неожиданности находок и даже смелости. Кто, кроме него, мог ехидничать о бороде «карлы-марлы» («на стене росла у Маркса под Толстого – борода»). Или «боже... Марксе упаси...». И это не просто подмеченный внешний антураж, а и желание копнуть поглубже – «нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди...». У кого из сатириков, кроме как у него, и тогда, и тем более позднее, можно было встретить критику резкую, без реверансов, без прокладки ватой и соломой. И

членов ЦИКа, бьющих по мордам, и звериного антисемитизма. и масса других обличений: «А што, товарищ, если пропьем, как брюки, и коммунизм?», «В очередях раз двадцать и тридцать можно усы отпустить и побриться», «... Грязью глаз любитесь, Чем устраивать музей, вымостили б улицы», «Пойте... романс: «А сердце-то в партию тянет!», «А сунешься в клуб – речь рвотная. Чешут языками чиновостые», «Чуть не над ЦИКом ножкою машет» и т.д. Мало того, что он вообще ополчался против служаек, холуйства, совпапуров, самых высоких узколобых бюрократов, столпов нового общества, идеализации, приспособленчества писателей, «здорового реализма» (предвестника соцреализма). Поднял хвост даже на самого Горького.

Нет, чтоб там не говорили, а восхищаться было чем у Маяковского. Хотя он и противоречив, не однозначен. Из рамок выходящий, в котле бурлящий, медью звенящий, грубоватый и ласковый, загадочный, даже знатокам не всегда понятный, веселый, ошарашивающий, ошпаривающий, зажигающий. Властями не запрещенный и даже поощряемый, и немало эти власти и лягающий. Может, конечно, были поэты и не хуже. Но кому – арбуз, а кому – свиной хрящик. Да и не просто найти их в очередях толпящихся воспевателей. А Маяковский на виду, приметен, распротранен как картофель... (по Пастернаку).

И не до конца разгаданный, понятный. Тайна тоже привлекает.

Наше «помешательство», одержимость, нежное обожание, преклонение (даже слов подходящих не подобрать!). Скажем, самозабвенное чувство к Маяковскому нахлынуло как первая любовь. Многое можно натворить в таком состоянии. Учились мы в школе рабочей молодежи. Днем работали, вечером посещали занятия. И все-таки время выкраивали и на театральные подмостки, на «Клопа». Нашему порыву способствовало еще одно обстоятельство. Оказывается, одним из первых за пределами Москвы «Клопа» поставил рабочий самодеятельный молодежный коллектив клуба металлистов здесь же в нашем родном городе (тогда Днепродзержинск именовался Каменским).

Было это еще при жизни поэта (1 мая 1929 года). Мы разыскали участников постановки, и они охотно вспоминали дни своей юности. Выяснились интересные детали. Молодежь всегда тянулась к сценическому искусству. Но тогда эти устремления проявлялись по-своему. Драмкружковцы, или как их тогда называли «синеглазники», ставили и пространные инсценированные международные обозрения и небольшие агитки. Так как злободневного материала не хватало, то им приходилось писать собственные пьесы на местные темы. Выступали в цехах, на строительных площадках, а иногда и выбирались на улицу целой процессией, так предусмотрено было спектаклем. К примеру, «хоронили» какого-нибудь прогульщика. Один из загримированных «синеглазников» ложится в гроб, и его с соответствующими плакатами, карикатурами, похоронными песнопениями и прибаутками несли по городу. Иногда «покойник» поднимался, рассказывал о своих грехах, калялся...

Феерическая комедия Маяковского как нельзя лучше пришлась по душе «синеглазникам». Постановщики искали новые формы воздействия на публику. Например, по ходу действия в «Клопе» происходит пожар. Находчивые артисты решили оформить это происшествие на сцене по-эффектней. Роли пожарных поручили исполнять настоящим дружинникам из заводской пожарной команды. Те обычно скупали у себя на каланче и охотно пошли на такое предложение. По уговору ведущий звонил во время спек-

такля пожарным, и они прилетали (всегда без опозданий!) к зданию театра. Влетали они через парадный вход со звонками и свистками, собирая толпу людей. Как вспоминали бывшие «синеглазники», это было очень эффектно, хотя и небезопасно...

Восемнадцать лет спустя нам не пришлось повторять подобный трюк. Слишком много времени уходило у нас на то, чтобы согласовать и «утрясти» постановку с различными организациями.

В афишах на фоне насекомого выделялись слова, обращенные к зрителям: «Товарищи! Спешите, скачите в галоп, вам нужно увидеть комедию «КЛОП!» И более мелким шрифтом: «Только один спектакль!». Кроме стен писали и на тротуарах.

Обращение действовало не только на будущих зрителей, но и на участников спектакля – отступать уже было некуда. Это мобилизовало ребят, не давало повода для сомнений. Правда, была еще одна попытка сорвать нашу затею. Эстетствующая инспекторша гороно, как увидела афишу, чуть в обморок не упала, приказала ее немедленно снять, запретить постановку. Но мы взбунтовались.

Спектакль раз десять то запрещали, то разрешали – в горькоме комсомола, в отделе культпросвет учреждений, в гороно. Все же мы добились утверждения и, следуя традиции, постарались афишу оформить в «футуристическом» вкусе. В рекламной информации были и «интригующие» текстовки из «Клопа»: «Поматросил и бросил», «Не шевелите нижним бюстом», «С вилкой в голове», «От любви надо мосты строить и детей рожать!», «Берегите уши – оно выражается!».

Мрачные предсказания недоброжелателей не оправдались. В день постановки все билеты оказались проданными, и к нам обращались за содействием попасть на спектакль «по благу». Успех был отмечен газетами и на радио.

Мы даже получили письмо – ответ на нашу анкету. Читалась она вздохом – ведь от самого Н. Асеева.

«– Любите ли Вы стихотворения Маяковского?

– Да.

– Какие произведения Маяковского Вы считаете лучшими?

– Установить это трудно. В одно время – те, в другое – иные. Следовало бы говорить не об отдельных стихах, а о периодах творчества. Я люблю и ранние стихи Маяковского: они спрессованы как почки по весне. Люблю и пышное его цветенье. «Человек», «150.000.000», «Мистерия-Буфф». И зрелость.

– Какие строчки и слова-неологизмы из произведений Маяковского Вам больше всего нравятся?

– Ну, разве их перечислишь в анкете? Если «колеса круглые, как дураки», то и обратно «дураки круглые, как колеса»... Трудно выбирать из живой ткани стиха отдельные части. Что Вам нравится в любимом человеке? Нос отдельно, или глаза, или палец на ноге? Любишь целиком, а не по частям.

– Как Вы относитесь к стихотворной технике и новаторству в творчестве Маяковского?

– С величайшим восхищением.

– Когда Вы полюбили стихи Маяковского и что было причиной этого?

– С первой встречи с ним, когда еще не были написаны большие вещи, а всего было пять или шесть стихотворений.

– Как Вы относитесь к классикам, сравнивая их с Маяковским?

– Как к его предкам, к его родословной в литературе. Гоголь, Диккенс, Пушкин, Лев Толстой, Марк Твен, Некрасов, народный стих Карши Данилова – подготовили явление Маяковского. Об этом я писал в статьях неоднократно.

– Любите ли Вы других современных поэтов и каких?

– Из ныне существующих – нет. Я, наверное, уже «отлюбил» свое. А потом после Кавказа – вряд ли удивишься пригоркам.

– Не оказал ли Маяковский влияние на Ваше творчество, эстетические понятия?

– Конечно, оказал, вернее, доказал преимущества своих средств выражения перед иными до него и при его жизни, да и после смерти его существующими и существовавшими.

«Ищешь речи точной и нагой» (Маяковский).

«Прелесть простоты для нас еще не понятна» (Пушкин).

Эти два высказывания объясняют их связь во времени.

– Как Вы относитесь к старым версиям о неактуальности, грубости, непонятливости произведений Маяковского?

– Как к попыткам консервативных людей, отстаивающих удобство старых стоптанных туфель. Это первое, второе, как диверсионные выходы врагов.

– В чем конкретно выражается значение Маяковского в Великой Отечественной войне и в послевоенную Сталинскую пятилетку.

– В том, что когда необходимо привести сильную строку, доказать, убедить, найти образное выражение, продолжают цитировать никого иного, кроме Маяковского. В том, что «описание заката или цветения редьки» мимоходом и быстро забывается, а его стихи не будут забыты никогда.

Дети мои!

Я до смерти не люблю писем, анкет, поучений. Я радуюсь, что Вы существуете на свете, горжусь Вами, но все это хочется сказать в стихах, а не размазывать манную кашу по мелкой тарелке.

Будьте здоровы и бодры. Не бойтесь пошляков и тупиц. Они достаточно наделали зла самому Вл.Вл.

Привет – Ник. Асеев. 1948 13 апреля.»

Постановка мною «Клопа» в Днепродзержинске и стала поводом для встречи в Москве с Н.Н. Асеевым и Л.Ю. Брик. Между прочим, Лиля Юрьевна на меня впечатления не произвела – ни внешностью, ни разговором. Может, от ожидания увидеть необыкновенную женщину, от которой сходил с ума Маяковский. Мелькнула даже мылишка, «как он мог из-за этой кокетливой дамочки потерять голову»? Мнение поверхностное и незрелое. Но так было. Я даже не сделал никаких заметок об этой встрече.

КАК ПИСАЛИ ПИСЬМО

Когда-нибудь новоявленный Репин должен будет изобразить потомков сечевиков, пишущих письмо не какому-нибудь турецкому султанишке, и не с ехидством и гоголом, а в благодарственном иступленном порыве. Речь о письме самому Сталину. И среди этих писарей – А. Корнейчука, А. Малышко, Л. Первомайского и других китов

украинской литературы (чуть не ошибся и не написал «котов» – беда с этими описками и опечатками) – был и ничем не приметный, никому неизвестный Владимир Горшковский. Познакомился я с ним в редакции по приезду в Запорожье.

Он был из тех невезучих литрабов, которые не уживались в редакциях, скитались по городам и все надеялись найти признание своему таланту. Еще с юности его потянуло на эту шаткую газетную ниву. И вроде бы не плохие первые ростки пошли: печатал очерки и рассказы, завидовали даже коллеги постарше, поопытней. А потом завертелся в заработках, сокращениях штатов, не умел ориентироваться при частых крутых политических поворотах...

Впрочем, грех жаловаться на долю: хорошо еще, что выжил в голодуху, репрессии, войну. Редакционный хлеб не так легок, как кажется со стороны. Хоть и прикрепляли газетчиков к обкомовским и райкомовским распределителям и перепало иногда сверх продуктовых карточек – те же доп-пайки к праздникам, но и ходить приходилось, как эквилибристу, по натянутому канату. И не все проходили.

Один из близких приятелей, запорожский замредактора покончил жизнь самоубийством. Это во время войны, когда столько стараний прилагал каждый для того, чтобы сохранить жизнь. Кажется, и мужик был не тряпка, а вот так сорвался. В газете, которую он подписывал в тот роковой день, печатался приказ Сталина. Один из многочисленных тех победных приказов по поводу взятия городов и окружения немецких группировок. И вот в подписи «Верховный главнокомандующий» во втором слове была пропущена буква «л»...

Горшковский, когда повествовал мне эту печальную историю, и голос понизил, хотя он и так был у него не зычным. И не посмел произнести самого слова, которое вылетело из-под печатного станка в таком сверхкрамольном виде. Получался дерьмо-командующий. Да, там, где следует, навряд ли бы поверили, что это оплошность, недосмотр, ошибка наборщика. Вот почему, наверное, во всех газетах подписывается не просто «редактор», а «ответственный редактор», не «секретарь», а «ответсекретарь». Нет, далеко не все представляли, какая опасная работа с печатным словом. Это наравне со взрывником-сапером.

Вот почему он, Горшковский, не сразу согласился взяться за предложенное важнейшее поручение. Вызвали его в обком и попросили написать письмо товарищу Сталину по случаю освобождения от фашистов Запорожской области в 1943 году. Вначале он испугался самого замысла и ответственности и не согласился. А когда ушел из приемной, весь вечер и всю ночь слова рифмованного речитативного послания вождю сами лезли в голову. Тут припомнилось и «Слово о полку Игореве», и стихи, и песни о вожде наших лучших советских поэтов А. Твардовского, К. Симонова, А. Суркова и многих других. Не пришлось попасть ему на фронт из-за болезни, но вот представлялась возможность подвига. Иначе не назовешь, потому как работа и рискованная и сверхответственная. И вот нашло само собой озарение. Через сутки принес в обком текст. От волнения потерял сон и аппетит. Да с последним и лучше: сэкономил хлебную пайку для семьи.

А при обсуждении письма, как передавали, некоторые из присутствующих смахивали слезы... Горшковского уверяли, что его текст был принят за основу этого послания. Рассказывал, как он перешеголял эпитетами даже самых маститых писателей. И сетовал, как его потом вызвали ночью и отправили самолетом в Москву, а он думал, что

его посадили – «может где-то не так слово сказал...». А оказалось, что его посадили на усиленный паек и поручили доработать и подшлифовать текст в ЦК. Работал он днями и ночами – ведь шла еще война – 1943 г. Но журналист оставался журналистом. Вместо того, чтобы благодарить за то, что не упрятали его куда-нибудь подальше, чтобы не похвалялся своим авторством – индивидуализмом (ведь письмо от народа!), так он еще дошел до такой наглости, как намеки о гонораре.

Хорошо, что напал на добрую душу одного ответработника, и тот посоветовал ему о подобных вещах никому не заикаться. Иначе на фоне этого всенародного порыва он будет выглядеть, говоря мягко, отщепенцем, зараженным буржуазным влиянием. Он еще не уехал из Москвы, а из ТАСС письмо полностью пошло в номер верстающейся «Правды». Он удостоился чести разговаривать по телефону с самим товарищем Поскребышевым, личным секретарем Сталина. Тот поблагодарил его за проделанную работу. Легко сказать «проделанная работа»...

Сказителя не забыли. Когда через несколько недель приехал в Запорожье Хрущев, он строго спросил в обкоме, кто писал письмо тов. Сталину и почему текст не согласовали с ЦК КПУ. Хрущев тогда секретарствовал в Киеве. Кому это понравится, когда прыгают через его голову. В обкоме оправдывались, что было мало времени.

– Ну, счастье ваше, что письмо написано на уровне.

И вот тогда Горшковского вызвали в обком, дали в конверте тысячу рублей, на столько же продуктовых талонов и квартирный ордер. В разрушенном городе домов уцелело мало, и это было важнее всякого гонорара.

Не забыли о запорожском журналисте-сказителе и в 1948 году, когда сочиняли «Слово» товарищу Сталину от украинского народа по случаю 25-летия образования УССР. Его, Горшковского, срочно вызвали в Киев, и вот там и удостоился он заседать рядом с известными писателями. И вновь он не ударил лицом в грязь. Ночью в ЦК их вызвали, как по тревоге, к Кагановичу (тогда его прислали на «усиление»). Задача по-военному была поставлена боевая и срочная: всесторонне отразить успехи, показать народную любовь. Распределили темы. Ему, Горшковскому, попали «Молодежь и советские женщины». Труд и впрямь не простой: надо было «отразить» и многолетних героинь и матерей-одиночек. И даже кто-то рекомендовал не упустить беременных женщин, их благодарности отцу всех советских детей. Говорилось на полном серьезе: шутки в таких случаях не уместны. Горшковский видел, как маститые поэты мучились до конвульсий над «словом», а его текст даже не возвращали на переделку и доработку. Вот что значит набить руку!

Письмо было подписано девятью миллионами людей на Украине. Невиданное проявление «народного творчества».

Подобное же письмо от белорусского народа. Страницы книги сделаны были из шелкового полотна и цветными нитками десятки лучших рукодельниц вышили на них слова стихотворного послания. Сказители изо всех сил старались, кто лучше, кто выше, кто ярче, кто глубже прославить вождя. И все – от имени народа.

С КАХОВСКОГО ПЛАЦДАРМА

У входа в партком стройки лежал человек в старой изрядно потрепанной одежде. Возле него почему-то валя-

лись кукурузные зерна. Со своим безучастно-бледным лицом он не был похож на пьяного. Я спросил, не болен ли он и не нужна ли помощь. Голос еле слышен, так слаб, что еле слышен. Как выяснилось, он уже несколько дней ничего не ел. Вернулся из заключения: строил Волго-Донской канал. В работе ему, как бывшему ээку, здесь в Новой Каховке отказали. Двигаться куда-нибудь дальше он уже не мог. За шумливой суетой «великой стройки коммунизма» на него никто не обращал внимания.

Я позвонил в «скорую помощь», обещали приехать. Но и проходя через час, увидел, что доходяга лежал на прежнем месте. Мимо по-прежнему проходили десятки равнодушных людей. Я зашел в партком и пригрозил, что если они не поместят в больницу этого несчастного волгодонца, то я срочно передам об этом по телефону информацию в «Комсомолку». Угроза помогла.

А ведь, если бы сам я не пережил здесь недавно голодных мытарств, наверное, вряд ли откликнулся на чужое несчастье. Командировочные потратил я на передачу материала в газету срочным заказом по телефону и даже по телеграфу. Полтора дня росинки в рот не брал: вначале сосало под ложечкой, а потом желудочные позывы отошли вглубь. Острее давало знать другое беспокойство – как выбраться домой. Пойти за помощью в райком комсомола? В редакции уже разбирали подобные дела, когда спецкоры пропивались, и им помогало местное начальство. Добром не кончалось, ведь потом районное руководство радо было настучать на заезжего щелкопера.

Денег займы я у Кузнецова не раздобыл: он и сам, как большинство днепростроевцев, жил «на подсосе». Зарплату им постоянно задерживали. Но помог, покормил бутербродами, приютил на ночь на редакционном диване. Заговорились мы с ним допоздна в комнатухе, пахнущей типографской краской и свежей штукатуркой. Начали с вопросов литературных отдаленно. Приспособленец ли Довженко? Не станет ли еще раз переделывать «Молодую гвардию» Фадеев? Почему молчит Шолохов – потому что пьет, или пьет – потому что молчит? Заступились за так называемых космополитов. Ну, в чем виноват тот же Петя Берштейн – тем, что являлся первоклассным фотомастером? Завистники выжили его из киевской редакции. Как хороший специалист, он нашел работу заведующим фотолаборатории здесь на Днепрострое. Как и другие корреспонденты, я посылал его снимки в «Комсомолку»: там их вынуждено печатали, стройку надо было регулярно «освещать». Но фамилию его маскировали под Петрова. «Немцы избавились от евреев, от специалистов. Может, у наших ума хватит?».

Мне не мог не импонировать этот эрудированный искренний очкарик. На вид интеллигентно-рафинированный мальчик, а оказывается, потертый наждаком обездоленной жизни до кровоподтеков. Случайно уцелел от Бабьего Яра. Из-за нахождения на оккупированной территории путь в редакцию родного Киева был закрыт. А он уже вкусил этого наркотического зелья: на каком-то закрытом литературном конкурсе получил республиканскую премию.

В поисках места под солнцем (в печати тогда писали «под солнцем Сталинской Конституции») в компании Пети Берштейна и сотен других вынужденных «патриотов» и попал Толя Кузнецов «литрабом» на Днепрострой. А тут тоже шел отсев. Ему не просто повезло больше, чем тому парню с Волго-Дона. Выкарабкался из Бабьего Яра, может еще и на бугор взобраться удастся. Я встречал его потом не раз в пойме: он метался на своем новеньком купленном велосипеде. Хотя особой нужды в этом не было: всюду

можно было подскочить на снующих самосвалах. Движение становилось с каждым днем все интенсивнее. Гляди, в такой круговерти сомнут, собьют. Но Толя предпочитал независимость. «Надоело перед каждым жлобом кланяться, просить, приспособливаться. Раболепие невиданное» – «А, может, идет какой-то естественный отбор?»

Я поделился поразившей меня деталью. Главный инженер Днепростроя Непорожний назначил мне встречу не в кабинете, а после совещания – в пойме. И когда я попросил его о статье для газеты, он тут же, присев в конторке, за полчаса накатал ее грамотно и толково. Собственноручно! Это воспринималось как какое-то «начальственное чудо». Обычно ведь они и речи и статьи перепоручают готовить «неграм». (Не случайно потом Непорожний стал на длительное время видным союзным министром.)

Не очень уравнивались репортажи и статьи о «великой стройке коммунизма» с судьбой несчастного волго-донца. О нем мне еще не раз напомнило срочное задание из редакции – организовать дневник бывшего строителя Волго-Дона, ставшего днепростроевцем. Найти такого выигрышного патриота я не смог. Конечно, можно было взять и этого доходягу из больницы, даже обыграть драматизм, а дальше по стандарту рассказать о радужных перспективах, значении труда на великих стройках и благодарности потомков. Так писало большинство моих коллег, и они даже не очень кривили душой. Выпусти любого из бывших эзков, а уж не говоря о вольных гражданах, и он скажет, вернее, прочтет по шпаргалке ту же трескотню. Я же все никак не мог войти в эту личину. В «Комсомолке» у меня широко шли информации, прорывались репортажи и статьи, даже несколько фельетонов, а вот очерки не вытанцовывались, не вымучивались.

Еще хуже оттачивал журналистское перо Толя Кузнецов. Стройка ему начинала осточертевать. Я пытался ему помочь, связал с редакцией «Комсомолки». Он послал туда несколько своих материалов, но на страницы газеты они не попали. Но днепростроевский «литраб» не скис. Он окончил на стройке вечернюю среднюю школу и оформил это событие ритуально: собрал учебники, особенно по общественным наукам, сжег их на костре. И хорошо, что своевременно мотонул из Каховки, и никто не успел наступать об этом для разбора. В Москве он не только прорвался в Литинститут учиться «на писателя», но и вскоре опубликовал повесть о гидростроителях «Продолжение легенды». И настоящую известность принесла ему документальная исповедь «Бабий Яр». Менее заметен стал роман «Огонь». Не буду самонадеянно утверждать себя прототипом журналиста в нем, но многое из того, о чем мы говорили, оспаривали, там нашло место. Искренний талант кузнецовский так и не расцвел, не приспособился. Он взобрался на бугор, но не спился, не выбился в литворотилы, миновал лагерь, а оказался «за бугром»... Его выступления по «Свободе» были, пожалуй, наиболее опасными и злобными для советских властей до появления там Галича и Некрасова. Думается, и смерть его состоялась не без посторонней помощи... И об этом, возможно, кто-нибудь расскажет.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ

Ко мне приехал необычный гость. Может даже гостем его можно называть условно. Если бы друг-приятель, то и разговора особого не было. Пригласил, угостил. Если особо почитаемый, то и свой диван уступишь. А так незаме-

нимая в нашем совковом быту раскладушка всегда найдется. Кстати, в то время таких, из дюралевого трубок, с пружинками, компактных еще не было. А были самодельные, из деревянных крест-накрест скрепленных болтами рамок, как складные переносные стульчики. Такую не самую комфортную, но незаменимую раскладушку с парусиной смастерил мой отец, и многие из моих коллег из журналистского цеха, ставшие потом и знаменитостями, коротали у меня ночи на ней.

Сохранять эту примету своего времени для музея я не стал (она пошла на дрова), хотя миниатюрную модель этой конструкции и следовало воспроизвести для потомков.

У меня в квартире при двух малых моих детях останавливались корреспонденты из «Комсомольской правды» (я и сам был в таком чине по югу Украины с собкором пунктом в Запорожье). Но Алешка Аджубей для подобного приема с раскладушкой не подходил. Да и Алешкой он был лишь в те времена, когда в начале 50-ых мы начинали в «Комсомолке» литрабами. Тогда еще над ним не зло подсмеивались: мол, какие ты вопросы обсуждаешь с Никитой Сергеевичем за шахматными или картишками? Тогда хоть и не родилась еще та расхожая поговорочка: «не имей сто друзей, а женись как Аджубей», но многие из нас зеленых, романтично нацеленных на жизнь, считали, что выбирать жену из карьерных соображений, как бы это сказать, не совсем прилично. Впрочем, Бог его знает, может у Алешки были возвышенные чувства. Парень он был вполне компанейский и взаймы денег на обеды в столовку, как многие из нас, не стрелял. Особо этим отличался Виктор Панкин. Причем, отличаясь тем, что забывал отдавать долги. В частности мне, как не постоянно бывающему в редакции, он так и остался должен энную сумму. Полушутя-полусерьезно я хотел ему напомнить об этом, когда он стал послом и даже министром МИДа. Причем, я бы не настаивал на процентах и валютном исчислении. Интересно было, откликнется?

Втихомолку мы судачили и о том, что некоторые из нашего литрабовского братства начали свою успешную деятельность при сотрудничестве с КГБ. (Слухи небеспричинные. Может когда-нибудь приоткроют, хоть краешек, не только внешнего, но и внутреннего «железного занавеса», что будет бесполезным для общества.)

Алексей Иванович навряд ли нуждался в таком сотрудничестве. Теперь его не просто, как члена редколлегии, а вскоре и редактора, именовали не привычным по молодежному «стариком», а по батюшке. Иначе, это было бы неуважение к тестю, ставшему генеральным секретарем.

И вот для такого высокого гостя я заказал номер в гостинице. Но авторитет мой оказался не настолько большим: номер был занят по распоряжению высокого начальства. Другой бы выразил свое «фе» и сделал бы заключение о бестолковости собкора по области. Но Аджубей оказался не обидчивым и не капризным. Он с фотокором и водителем посидели в машине. Тем более, что за 10 минут я все уладил с «первым» (секретарем Запорожского обкома был тогда Скрыбин, более лояльный к журналистам, чем заносчивый с уязвленным самолюбием Гаевой). «Бронь» (слово то какое!) на места в гостинице и железнодорожные билеты были первой прерогативой даже не горкома, а обкома партии. (Распределение пыжиковых шапок, икры и прочих благ для «ответственных работников» пришло немного позже.)

Аджубей совершил турне на редакционной машине по Украине в связи с шумным празднованием 300-летия

воссоединения с Россией. «Свой» человек на Украине, Хрущев тогда и Крым подарил ей. А зять его и более того кровно связан с Украиной: мать его была родом из Полтавы. Может, потому и решил писать серию очерков оттуда. Как принято, к «дате». Остановка в Запорожье ему, в конце концов, понравилась, особенно Хортица (она на всех производила впечатление и не только из-за Гоголя и Репина – остров краевидный). Очень интересным для очерка знатный гость нашел «гнездо» казачьих потомков – детдомовский интернат. Птенцы его действительно разлетались по стране, будучи направляемы в авиаучилища. Но такая показушная деталь не сработала. Как сообщил директор интерната по секрету, выпускников – детдомовцев не стали принимать в авиашколы даже при самых выдающихся способностях. Один из них, став летчиком, перелетел с новым самолетом туда, на Запад. И «славных сталинских соколов» начали готовить строго из тех, у кого были в наличии родители.

Ну, да Бог с ними с детдомовцами, очерк у Аджубея получился и без них, праздничный, к торжеству. А за пару дней его пребывания у потомков запорожцев, я успел выяснить некоторые вопросы. К примеру, почему мы пишем о том, что необходимо перейти к совместному обучению мальчиков и девочек в школе, что это более педагогично, разумно, и все как горохом об стенку. Мой приближенный к государственным постам гость объяснил, что там наверху смотрят немного дальше и выше... Практика показывает, что при разрозненном обучении молодые люди скорее вступают в брак, а государство до зарезу сейчас заинтересовано в увеличении народонаселения. Спросил я и о том, почему это датский премьер ездит на работу в городском транспорте, английская королева тоже показывается на люди без особой охраны, а секретарь обкома даже в президентуме сидит да, наверное, и в туалет ходит под взглядом неотступного, так называемого порученца. Ответ был кратким: очевидно, он слишком много знает и возможна угроза его похищения...

Или такая «загадка». По радио было услышано как в одной из своих бесчисленных анекдотически пространных и болтливых речей Никита Сергеевич довольно ясно и «порабочему» образно говорил по поводу внутренней политики: мы, мол, будем завинчивать гайки, так, чтоб и люфта не было и резьбы не сорвать. Но в напечатанной речи этих слов не оказалось. Для генерального тоже есть цензура? Зять, как говорится, уклонился от прямого ответа. (Кстати, гайки-то начали закручивать до срыва: дело дошло до рабочих восстаний в Темиртау, Новочеркасске, Кривом Рогу и других местах.)

Были у меня и другие подобные вопросы, которые стали позже известны партийным и другим органам и квалифицировались как «провокационные». Но Алексей Иванович был, очевидно, по натуре и убеждениям демократом и не счел подобную любознательность за сомнительное качество собкора. Тогда еще надо мной, вроде, не сгушались тучи. Да и не только надо мной одним. В середине 50-ых стояла «оттепель». А весна так и не пришла.

ЗНАКОМСТВО В ПОЕЗДЕ

Раньше бывало – лишь бы ехать, в бесплацкартном, на третьей полке, под полкой, без полки – ничто не смущало. (Джек Лондон под вагоном устраивался и был счастлив подвернувшемуся транспорту!) Лишь бы побольше уви-

деть, узнать, впитать в себя. Теперь же претили и постоянный какой-то дезинфицирующий запах для травления клопов, и наглость проводниц, которые бросали одеяла – простыни, и нарушение графика. И вообще, лучше всего плыть пароходом – этот милый еще с детства способ передвижения теперь выплывал из романтической дымки.

Не старость ли подкатывалась со своей идеализацией прошлого и брюзжанием по поводу «лучших времен». Как будто бы еще рановато. Да и в преклонном возрасте можно оставаться оптимистом, а в молодости оказаться стариком.

Вот моя собеседница по купе – Ольга Петровна Джигурда смолит папиросу за папиросой. Ей за семьдесят, а смеется она так заразительно и часто, что можно подумать – не из легкомысленных ли она этаких бодрячков. Так нет же, человек вроде умудренный годами. Не каждый на ее месте, народив и воспитав детей, внуков, 50 лет проработав фтизиатром, еще и писательством занимается. И война за плечами, работа военврача на плавучем госпитале, написано несколько книг об этом; причем, во время бессонных дежурств.

Беседа с ней скрашивала невеселое монотонное постукивание колес и редкое мелькание огней за окном купе. Вначале разговор о том, о сем, будут ли подавать чай, какой погодой встретит нас Киев. А то обратили внимание на багряно-огненный закат, как напоминание военного зарева.

Но к Джигурде пришли другие ассоциации, более конкретные.

– А вы знаете, у нас в городе барак сгорел.

– Ну, барак! Это не зрелище. Вот леса горели в тайге, элеватор под Орлом...

– Нет, это не простой случай.

Речь зашла об огне, тяге к нему человека из древности, пиромании, описании выдающихся пожаров в литературе. Но потом-таки вернулись к горевшему бараку в Запорожье.

– Чем же он примечателен? Нужно полагать не Максим Горький или Ромен Роллан останавливались в нем во времена Днепростроя?

– Нет, не они...

Я еще пытался иронизировать. Мол, в таких бараках неплохо было бы устроить музей – смотрите, в каких условиях жили грабари, землекопы, преобразователи отсталой России в годы сталинских пятилеток. Но она не разделяла моих шуток и завела разговор об этих трущобных гиблых бараках. Она туда к больным ходила. А однажды пришел к ней на прием живущий там рабочий «Днепроспецстали» и обратился с необычной просьбой.

Выписать ему такой рецепт, чтобы он смог динамит составить...

И Джигурда поведала печальную историю о том, как несчастный отец привел дочку с подозрением на туберкулез. Худенькую, щупленькую, бледненькую. Ему-то, видно, уж такая судьба. Но чем дети виноваты? Врач что? Советует питание. Ну, чем помочь? Может, дать справку – скорее предоставят квартиру? Но он не просит справку. Ему бы этот «рецепт», динамит изготовить...

– Вы шутите?

– Да нет, я не шучу. Какой уж тут юмор...

В практике впервые такое. За многолетнее врачевание приходилось сталкиваться и с маленькими «винтиками» и с большими известными «болтами», а такого не случалось. Может, психиатрически неуравновешенный человек? Вроде бы нет, рассуждал здраво. Терпел, ожидал. Говорили, что есть бараки на вербовке и похуже: семья от семьи только занавеской отгораживается. А у них вроде бы летом

еще и сносно, свежий воздух. Отдельная комната, только вот осенью заливало, да зимой как натопишь – вроде баня, а через час выдувает. Пошли болезни, и начал замечать, что это все скотское житье. Другие собак держат в лучших условиях. Стало невозможно.

Так пришла мысль взорвать барак. Вот бы только взрывчатка. «Почему взрывать?» А что же еще? Вот соседний барак подожгли. Пожар, хоть и не ахти какой, а зрелище было занятное. Ведь подожгли-то сами жильцы – в расчете на предоставление квартир. Ну, расследовали. Правда, преследований, шуму не поднимали, но предупредили: если еще с другими бараками будет такая попытка, привлекут к суду. Да и ремонтировать не станут.

Ольга Петровна охала, сочувствовала несчастным людям. Это ведь не единственный пример. В горсовете была свидетелем того, как женщина с детьми пришла к председателю и заявила: «Если выселите из барака, то не выйду из вашего кабинета». Падала на колени, просила. А как получилось? Порешили власти ликвидировать эти бараки, трущобы. Не успели выселить одну, вторую семью в новые дома, как в освободившийся барак поселились вот такие, как эта мать-одиночка с детьми. Так и оставлена была затея до лучших времен. Но терпения уже не хватало. Что предпримет этот пациент, достанет ли динамит, попадет ли в психбольницу? Вот уехала она, а мысли не дают покоя.

У меня невольно мелькнуло в голове, что вот и она, и я, и сколько нас таких – увеличиваем жилплощадь, меняем, улучшаем, комбинируем. А если быть совестливыми людьми, да еще так называемыми коммунистами, то нужно было бы по примеру баптистов поделиться, ограничить себя, помочь.

– Черствеем. Или звереем?

– А слышали, один отставник, говорят, отказался от чрезмерной пенсии. Так чуть в психбольницу за это не угодил. А другого – он яблоки детям в детсад отправлял – почти героем прописали в газете.

НА ПИСАТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ

Ехали мы в Киев на съезд писателей. Я – впервые на таком форуме. И все же не было ни подъема, ни особой радости. Но не думалось, что всё предстанет таким разочарованием. Еще в гостинице началась повальная писательская пьянка. Один в горячке бросился в лифтный пролет, другой валялся в бреду с перепоя, третьего забрала в сквере «скорая помощь». Говорили об этом с каким-то невеселым задором. Вот, дают, летописцы!

Но не меньше поразил меня съезд – монотонным невыносимым славословием в адрес «руководящих органов». Превзошел всех запорожский представитель, которого даже делегаты с выработанным иммунитетом против словесного поноса, согнали с трибуны аплодисментами. Такое захопывание тогда еще было в диковинку. Секретарь ЦК КПУ Овчаренко собрал специально по этому поводу «актив» и дал ЦУ – ценное указание: «Вы же просмотрите выступления руководителей, обсудите – он же не свое личное мнение высказывает»...

А начался этот спектакль со вступительного слова О. Гончара. Он не только источал привычное в таких случаях пустозвонство, но и превзошел себя.

«Спасибо партії, уряду! Особисто Петру Юхимовичу Шелесту за те, що надали нам для з'їзду таке прекрасне приміщення»...

Будто положено заседать где-то на Подоле в лабазе, а тут такая милость. Причем, не мог не знать высокочтимый Олесь Терентьевич, что дадут ему здесь отставку, а вот же привычка – вторая натура! Словом, я не выдержал и многие заседания пропускал, выходил на киевские кручи после испорченного приемом воздуха в зале. Джигурда, как и многие другие делегаты, находила спасение в другом – читала приобретенные здесь же в фойе книжки. И делегатам даже не делали по данному поводу замечаний. Будто специально на этот случай приехали киоскеры с ходким товаром. Ольга Петровна приобрела томик Агаты Кристи, которую и на черном рынке не просто купить. Проверенное опытом средство от самых невыносимых заседаний.

И она озорно, как школьница, прятала под блокнот желанное чтиво.

Как стала писательницей? Стандартный вопрос, а вместе с тем, не такой уж и лишний в данном случае.

– Раньше писателей готовил не литературный институт, а гимназия, – вспоминала она. – Надо сказать, что там учились дети разных сословий. И такие, за кого платили другие. Нас учили думать. Приучали иметь свое мнение. Об образе, о теме. И никто не навязывал своей точки зрения. Напротив, учитель не ценил ответ гимназиста, зубренный по книге. Он хотел услышать его собственные мысли. И не снижал оценки, если мнение шло в разрез с книгой. Помню, когда мы работали над Грибоедовским «Горе от ума», то пришли к выводу, что Чацкий был не такой уж умный человек...

Она хотела подчеркнуть другое. Вот ее дочь училась в 10 классе, к ней часто приходили одноклассники. Они к экзаменам готовились, к сочинениям. Она за ними наблюдала. Зубрили все по книге. Никто из них не высказывал своего личного мнения. Никакой самостоятельности, ни критики, ни мышления. Спрашивала одного молодого человека, что, мол, ты сам думаешь об этом герое. Он ей ответил: «Ольга Петровна, я ничего сам не думаю. Вот нам это задали выучить, а если я отвечу по-своему, мне двойку поставят...».

Интересен рассказ – о других писателях. Была она знакома с Твардовским. Приезжала в Москву, и он попросил ее как врача посмотреть его больную родственницу на даче. Они провели весь день вместе. Он очень хорошо ее принял. Много говорили о литературе, сожалел, что не все печатается, что пишется. Помнится, сидели у него в кабинете, и он, показывая на свой письменный стол, сказал: «Вот здесь, в левой тумбе – это для печати, а здесь, в правой – надолго в стол. До лучших времен». Ей было очень приятно его человеческое доверие к ней.

Твардовский рассказал еще такой случай. Во время войны его послали на Урал: «Поезжайте, побывайте на таком-то заводе, напишите о наших женщинах-сталеварах. Это богатыри. Напишите о них по-некрасовски»... Поехал, побывал. Предупредили, что сейчас его познакомят со славным сталеваром, таким-то... В комнату вошла... Нет, женщиной при всем уважении к человеку он не мог ее назвать. В грубой, не по размеру спецовке, лицо черное, в сапожищах. Трудно название придумать: мужик не мужик, баба не баба, матом ругается. Он ужаснулся и понял, что воспеть «по-некрасовски» такую передовицу не сможет. «Это наш позор, до чего мы довели наших женщин». Так и приехал в Москву ни с чем. Спрашивали, где материал? «Нет материала, не могу писать о позоре»...

Джигурда «подзавелась» нахлынувшими воспоминаниями. С известным в свое время Павленко тоже знакома.

Он помог ей с ее книгой. Друзьями не были, но, во всяком случае, он иногда откровенничал с ней. В частности, по фильму «Падение Берлина» с ролью Сталина, Павленко рассказывал, как он писал сценарий. Вместе с Чаурели направили его в командировку в Грузию, для работы, мол, в спокойной обстановке. А с питанием там, и в то время было, можно сказать, шикарно. Срок дали для работы. Срок прошел, а сценария не было. Им говорят: «Вы что, товарищи, кутить приехали?». А они не то, что кутить, а просто не знают, как подступиться к сценарию. Нужно было писать по указанному сверху. Тогда их отвезли в горы на глухую дачу километрах в двадцати от города. На втором этаже они, а на первом старуху грузинку приставили, продуктов завезли и условия поставили: пока сценарий готов не будет – не выпустят «из заточения». Первый-второй день пропили. На третий – отоспались и поняли, что положение безвыходное: надо писать. Вымучили сценарий.

ВЫРУЧИЛО РАДИО – «СВОБОДА»

Поневоле становишься зрителем широчайшей панорамы за окном движущегося поезда. Почерневшие избы, белые хатки, штакетники, высокие заборы, а больше без ограждений, разбросанные хоздворы. Нередко такая характерная для режима колючая проволока. А вот и совсем символическое соседство: полуразрушенный храм и новенькая свежеевыкрашенная «глушилка».

Сейчас она, очевидно, переоборудована, переориентирована на какую-нибудь ретрансляцию. А еще не так давно у нее было другое назначение. Будь я живописцем, обязательно запечатлел бы такую башню – образ развитого социализма и зримого коммунизма. А то когда-нибудь в неведении (дай Бог, чтобы так случилось!) внук спросит – а что это за слово «глушилка». И тогда я, пожалуй, расскажу ему случившиеся со мной обстоятельства, имеющие отношение и к этим «глушилкам». Речь пойдет о том, как самая злобная, самая страшная для советской власти радиостанция «Свобода» помогла мне избежать крупнейших неприятностей. Если можно назвать неприятностями перспективу лишения свободы. Это в годы андроповского свирепствования.

И тут, пожалуй, нелишне будет вспомнить, как нам не просто загаживали, застирывали мозги, насильовали собраниями и политзанятиями, но и старались превратить нас в стадо потенциальных эзков, оглушить страхом. На стихийные книжные базары делались облавы милицейских нарядов и специально отобранных дружинников. Науськивали и натравливали их, конечно, «искусствоведы в штатском». Жалко, что кегебешники не засняли на пленку (а может все-таки запечатлели?), как хватали в воронки книголюбов, как разбегалась толпа, теряя книги. И собиралась вновь и вновь. В том южном полумиллионном городе, где я жил, до десятка раз меняли свое место массовые сборища «чернокнижников» (от черного рынка). В обменах и продажах установилось два направления: коммерческое и интеллектуальное. Интересной была стихийная, так сказать народная оценка литературы. Но при этом постоянно и заметно выше всяких «анжелик» котировались «Библия», «Евангелие по Булгакову» («Мастер и Маргарита») и другие книги такого уровня. Не говоря о подпольном Солженицыне. Его имя произносить вслух было опасно. Поэтому тот же «Архипелаг» называли иносказательно «Архипом», «Гулаг-

Артемовским» – созвучно с фамилией классика украинской литературы.

Поиски новинок, обмен новостями, умение распознать ищеек – была в этом своя прелесть риска и потребность духовности, выбора. Своевременно возродил Ч. Айтматов образ манкуртов: нам совкам также хотели кастрировать мозги. Пошел слух, что будут шмонать личные библиотеки. Вскоре пришлось убедиться, что это не только слухи. Ищейки начали вынюхивание по местам работы. На книжном рынке были свои авторитеты: инженер Г. Семенов, электрик В. Шовкун, врачи В. Поплавский, Л. Свиридова (это только из тех, кого я знал близко). У них не просто были стеллажи, заполненные до потолков, но и где-то хранились крамольные издания, самиздат. Но где? Вынюхиватели никак не могли напасть на след, им, конечно, далеко было до натасканных высокодрессированных столичных ищеек. Квалифицированных «разведчиков» в провинции явно не хватало.

Один из них примитивных шустриков пытался со мной сблизиться. Общительный весельчак он как-то уж смело при малознакомых людях сыпал антисоветскими шутками и анекдотами. А потом предложил слетать с ним в Кишинев за дефицитной литературой: у него, мол, там есть связи, за пару дней мы сумеем смотаться туда и обратно. Он даже обещал оплатить мне авиабилет, когда заметил мои сомнения. На мой вопрос – а много ли отпускают денег на такие расходы его вдохновители, он не смутился, ответил, что «хватает».

У меня даже мелькнула догадка – не хотят ли в мое отсутствие сделать негласный обыск. Но явного самиздата я не хранил – так что опасаться вроде было нечего. Я даже не намеревался уступать, как это сделала врач Л. Свиридова. К ней в больницу пришли два товарища «оттуда» и заявили о достоверной известности: в ее квартире есть книги Солженицына. Так лучше будет, если она сама их отдаст, чем они пересмотрят всю ее библиотеку. Лидия Георгиевна хотя и не трусливого десятка (врачом прошла всю войну), но немного струхнула: в селе у знакомых она хранила «Архипелаг». Поспешно она согласилась принести солженицынский «Один день», стихи Н. Гумилева и еще какие-то не самые страшные книги. Кегебешники не стали ждать, предложили сразу же поехать домой на их «Волге» и заполучить выявленное. На этот раз все остались довольны: чекисты проведенной «профилактикой», Свиридова легким испугом. Других «чернокнижников» регулярно вызывали в КГБ, вели душещипательные беседы, предупреждали и даже предлагали выезд...

Настал и мой черед оказаться за той массивной дверью. Кстати, почему и стены и двери в этом «казенном доме» самые массивные, как и в других городах: на случай отражения штурма что ли. О том, как меня без крика и даже вежливо потрошили – выпрашивали три следователя-чекиста и по одиночке и вместе на протяжении трех дней, я расскажу, возможно, в другой раз. А сейчас о том, как выручило меня радио «Свобода».

В числе других констатаций – они пока что не называли это обвинением – было и чтение мною солженицынских «Ракового корпуса», «В круге первом», «Теленка». Меня пытались убедить, что есть свидетели (называли даже моего сына), которые видели у меня эти книги. Признаться я честно (а эти ребята любят чистосердечные признания и даже многое обещают за это), то дальше бы последовали вопросы – у кого я брал эти книжки, кому давал читать. А это уже попадало под статью антисоветской пропаганды... Не надо большого ума, чтобы смекнуть, куда

клонится дело. Не моргнув глазом и глядя как можно более невинным взглядом на своих познавательных гипнотизиров, я утверждал, что ничего подобного не было, что это могло кому-то показаться, что кто-то мог неправильно понять мой розыгрыш. И совсем войдя в роль, я привел еще одно веское доказательство. Зачем же мне было брать крамольные книги, подвергать и себя и других риску. Ведь «из-за бугра» радиостанция «Свобода» круглосуточно фугует в эфир солженицынские, сахаровские тексты. Глушат? Да нет, пробиваются еще ведь и «Би-Би-Си», и «Немецкая волна», и «Голос Америки».

Такое объяснение вполне устраивало кегебешное чиновничество. Не надо напрягать мозги для анализа, а просто доложить вышестоящему начальству. Мол, тлетворное влияние вражеских радиоголосов. И предложение – установить еще одну дополнительную глушилку.

Стоило разубеждать их в чем-то более сложном?

Я не загудел, не загремел, не запроторили меня туда, куда Макар телят не гонял. И, как видно, сказала здесь и роль радиостанции «Свобода». Пересажать всех ее слушателей невозможно. Правда, обезопасить их она тоже не могла. Меня прорабатывали, исключали, увольняли с работы и регулярно давали о себе знать эти самые «органы».

Впрочем, их можно писать и без кавычек: так вошли они в нашу жизнь, что какие-нибудь органы половые были отодвинуты на второй, пятый ряд по значению слова.

Может «органисты» решили просто, как говорил один мой приятель, набросать жару в ширинку, т.е. припугнуть? В назидание и другим любознательным читателям. Не исключено и это. По моему «делу», как я позже подсчитывал, вызывали «туда» около тридцати моих близких и дальних знакомых. Многие попав туда впервые, были поражены вежливым тоном чекистов, и даже их заботливостью. Если расспросы – доносы затягивались, они предлагали бесплатные обеды в кегебешной столовке и даже разрешали сходить в туалет без сопровождения. Более того! Кое-кому предлагали дать почитать запрещенную самиздатскую литературу. Вот как стал проникать гуманизм даже в органы! А люди оставались непонятливыми: уходили оттуда с потерянными аппетитами, тошнотой, некоторые – с расстроенными желудками, даже с утраченным на определенное время вкусом к чтению. А ведь какая могла быть идиллия по Кампанелле или Оруэллу: кегебешные общественные библиотеки, музеи, удешевленные, а то и бесплатные столовки, ночлежки, путевки по ленинским местам...

IV. ЕЩЕ РАЗ О ВОЙНЕ

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

Согласитесь, небезынтересно извлечь записи полувековой давности, да еще сделанные с очень слабой надеждой, что если я и не выживу, не вернусь с фронта, то возможно эти листки попадут к близким мне людям. Я выбрал только те строчки, которые показались чем-то примечательны.

Война не вошла, а въелась в плоть и кровь. Это сказывалось и на нашей речи. «Пыль подняла, как после арт-подготовки», – говорил солдат хозяйке, подметавшей хату. «Будет гореть до победы», – замечал другой о костре, что значило – очень долго. А от солдат, побывавших год-два в немецкой оккупации, приходилось слышать такие обороты – «шрайбен вилами по васер...». Какой бы стал язык, продлись оккупация подольше?

«Верность девушки – это своеобразная помощь бойцу на фронте» (из армейской газеты).

Трассирующие пули солдаты называли праздничными. Это при успешном наступлении.

Молодой солдат показывает письмо. Хвалится своей невестой – какие трудности преодолевает. Она – студентка. В аудиториях ужасный холод. Завывание ветра студенты заглушают топанием ног. Без этого можно отморозить пальцы. На переменах устраивают дикие пляски. «А у тебя что слышно?», – обращался парень к бойцу постарше. – «Пошла работать молотобойцем».

Старые солдатские присказки и байки, очевидно, передаются из поколения в поколение. «Чем вас угощать,

сыночки?» – «Да все равно, бабка, что хлеб, что пирожки, давай бабка пирожки...».

«Не балуйся, шалун ты этакий. А то вот скажу солдату, и он тебя в свой мешок заберет...» – «Чего? Чтоб он там мне сухари обо... обкакал».

Через ухабы, крутые подьемы толкали завязшую в грязь походную кухню. Выбились из сил. Старшина подначил: «Суворовские солдаты Чертов мост одолели, а мы кухню не вытянем...». После реплики ухнули, крякнули, почти на руках вынесли эту двухколесную печку с котлом. Помог Суворов или сознание, что можно остаться без приварка?

«Знаешь солдатскую молитву?» – «Нет» – «Господи Иисусе, вперед не суйся, позади не отставай, а то пинка получишь...» – «...не в рифму» – «Хоть не в рифму, зато правда».

Медсестра подарила сержанту фотографию с надписью: «На память о взаимодействии санбата и роты разведчиков».

«10 метров окопов лучше, чем 2 метра могилы» (из фронтовой газеты).

Еще до войны в колхозе быка-производителя называли «немцем». При фашистской оккупации села случилось так, что быка закололи, и содрали шкуру. Кто-то «разъяснил» коменданту. Тот пригрозил гестаповцами, но расправ не было. Вообще-то солдаты, побывавшие в оккупации, побаиваются говорить о «хороших» немцах.

После ожесточенного боя говорил с лейтенантом-связистом о несчастной пехоте: сколько на нее обрушивалось мин, пуль, снарядов, бомб – ад кромешный. «А ты знаешь, где еще пострашней? В похоронной команде: ходить и собирать для братских могил разбросанные по полю ноги, руки, головы, кишки, как на показ развешенные взрывом на ветках деревьев».

В добротном ранце у немца был изящный футлярчик в виде артиллерийского снаряжика. Закручивался он колпачком-наперстком. В середине еще футлярчик для иголок, а на него наматывались нитки. Педантично предусмотрено все до мелочей. Но прорехи оказались неизмеримо большими в других местах, где никакие заплатки не помогли.

Прежде смерти не умирают (старая пословица).

Сынишка написал в письме отцу солдату «жалобу» на учительницу. «Почему она исправила в тетради слова «людоедская Германия», почему посчитали это за ошибку?».

Не стреляли ни наши, ни немцы. Замполит назвал это «окопной болезнью». А еще недавно он объяснял, что герой, мол, тот, кто не пожалел жизни, но дважды герой тот, кто истребил врага и остался жив... Не от того ли и «окопная болезнь»?..

Солдат, недавно взятый в армию так называемым полевым военкоматом, называл подполковника «дважды майором». Но беда не в этом: он винтовку впервые держал в руках и не знал, как с ней обращаться.

Офицерская пословица: «Дальше фронта не пошлют – больше взвода не получишь». Солдатская: «Ниже рядового не разжалуют».

Признание. «Капитан, вы спасли мне жизнь, я буду благодарен вам до гроба» – «Не припоминаю. Как это было?» – «Вы драпали, а я за вами...»

Из фронтового быта. У старшины чугунная граната Ф-1 приспособлена под чернильницу. Взрывчатка, конечно, выплавлена. Тяжелая, но зато «неразбивайка» (по аналогии со школьными «невывайками»). Из петезовских больших патронов делали коптилки, из боевых пружин – шила и т.д.

Солдатское отчаяние: «Хоть на обмотке удавись...».

Немецкая точность. Пленный доктор признавался, что «новый порядок» Гитлера он принимал на 19 процентов.

Возле солдат трутся мальчишки, на вопрос, кем хотели быть, отвечают – летчиками, танкистами. И только у одного проявилась реальная любовь: он признался, что хотел бы стать конюхом.

В Венгрии, Австрии наступление нередко задерживалось. На железнодорожной станции было особое оживление. Грузили легковые машины, рояли, мебель. Поинтересовался у солдат: чем выше чин, тем увесистей добыча отправлялась домой. Ну, где солдату угнаться за начальством. Заметно усилились поиски барахла «добытчиками» в оставленных жителями домах. Как разрешили посылки, никто не говорит о мародерстве. В ходу восхищенные рассказы о старшине, который раздобыл чемодан иголок... Ценность трудно оценимая. «Сколько же это мешков денег?».

Признание комдива генерала Карпущина: «Солдат воюет, а мы ордена получаем». Конечно, генеральская самокритичность не лишена кокетства. А вообще-то можно сказать о парадоксальной реальной закономерности: чем дальше от передовой, тем больше у начальства на груди наград...

Два достоверных факта о евреях в оккупации. Один из них скрывался в глухом запорожском селе. Селяне, может, и догадывались, но он был незаменимым мельником, механиком и никто не донес фашистам. Он даже ухитрился скрыть от женщины, на которой подженился, свое обрезание... Другой еврей, техник-лейтенант, раненый оказался в оккупированном Севастополе. Вылеченных пленных нем-

цы отбирали к себе на работу. В автомастерской, где он оказался, офицер догадывался, что он «юде», но не выдал. Через год, покидая свое место начальника, посоветовал ему скрыться. С невероятными трудностями и риском бывшему лейтенанту удалось с помощью керченских рыбаков, отдав часы и все что было стоящего в вещь-мешке, добраться к своим через фронт. А свои «родные» чекисты не могли себе представить, чтобы евреи выжили в оккупации. Подозревая подвох и шпионство, определили как одного, так и другого в наши колымские лагеря.

Перед демобилизацией солдаты вспоминали самые трогательные случаи взаимовыручки. Один был признателен своему боевому товарищу за то, что тот пригрозил, но все же не донес особисту... А было так. Он спросил его: «Иван, ты ведь подбил только один бронетранспортер, а в газете напечатали, что три... Как это понимать?». Иван разъяснил: «Если ты не понимаешь значение подвига, то тебе объяснит все особист». Вот такой «соцреализм» не в книжках, а в жизни.

В отпуска домой почти не пускали. Может, из опасения, что многие «размагнитятся» в тылу, не вернуться на передовую. Но героев-окопников поощрять ведь надо. И для них под конец войны придумали «дома отдыха» в тылах, в обозах дивизии. Все же не в окопах.

«Кто сказал, что надо бросить водку на войне. После боя сердце просит 200 грамм вдвойне». Переиначенная песня звучала вроде весело. А на деле разлитое море вина в Трансильвании, Венгрии отрыгнулось страшными потерями людей.

Инструктор из политотдела дивизии рассказывал о своем задании – подготовить героя. Перед наступлением нужен был вдохновляющий пример. Надо было в газете, в листовке расписать, что такой-то первый форсировал, ворвался в окоп, захватил... получил отпуск домой... Подвиги, мол, надо уметь организовывать.

Все-таки где-то внутри солдата жили затаенные мирные мысли. Как мечтательно многие из них поглаживают ладно сделанную военную лопату – «такую бы для огорода», хвалят добротные саперные ножницы – пригодились бы в хозяйстве. Другой иронизирует: «Ты, может, и молоко захочешь возить на бронетранспортерах?» – «А почему бы нет? По нашим расквашенным дорогам...».

«Любовь – тоже оружие солдата» (из армейской газеты).

«ВВ» – взрывчатые вещества – шашки тола находили и такое применение: ими топили печки в блиндажах. Горели они не хуже березовых дровишек. Потом кто-то из ушлых солдат пошел с ними в село: очень похожие на бруски мыла пробовали менять на самогон и сало. Но тетеньки тоже ускоренно проходили курс военного обучения. «Не обдурите: берегите для себе цз гимно...».

Примечательно, что бабы меньше подрывались на минах и снарядах: у них, нужно полагать, женское чутье к подобному военному дерьму, тянулись к нему больше эти глуповато-любопытательные мужики-мальчишки.

Только под конец войны я узнал, что было указание или даже спецприказ, строго запрещающий вести дневники и записные книжки. Имелось, очевидно, в виду, чтоб эти вещи не попались в руки врагу. О моих записях многие знали и никто не донес... Вообще же нужно отметить: чем ближе к передовой, тем меньше сексотов (потом их стали называть стукачами). Причина, может быть, в повышенном риске подлецу попасть на опаснейшее задание, а то и пулю от своих схлопотать «случайную». Да и те, кто выживал

доносы, на передовую не стремились, а больше ошивались в штабах.

Не знаю, как передать тоску и печаль, те чувства после Победы... когда не пустили нас домой даже в отпуск, а на год (а кое-кого и на два-три) оставили оккупантами в так называемых странах народной демократии. Тоску офицеры глушили вином, продолжали спиваться. Именно тогда появилась выписка из авторитетного Л.Н. Толстого.

«Военная служба вообще развращает людей, ставя поступающих в условия совершенной праздности, т.е. отсутствия разумного и полезного труда и освобождая их от общих человеческих обязанностей, взамен которых выставляют только условную честь полка, мундира, знамени и с одной стороны безграничную власть над другими людьми, а с другой рабскую покорность высшим себя начальникам».

Дело, конечно, не только в толстовском авторитете. Его восприятие было подготовлено фронтовым опытом, самой жизнью. Никогда не думалось, что так нелегко произойдет переход к Миру.

ДЛЯ КОГО СЮЖЕТ

Приятно иметь дело с начитанным человеком. От него узнаешь много интересного, а то и дополняешь образование. Не зря в тюрьмах и лагерях начитанные, хорошие рассказчики романов находились на особом привилегированном положении. Именно таким для меня оказался Владимир Васильевич. Условно называл я его «чернокнижником»: мы были знакомы по «черному» книжному рынку. Приходилось только удивляться, когда он успевает читать, будучи преподавателем вуза, загруженным по горло лекциями и собраниями. Не было ни одной мало-мальски заметной новинки, которую бы он не знал, не помнил подробностей. Ильфа и Петрова, Булгакова мог цитировать почти дословно. Как не позавидовать такой памяти. Но сейчас речь о другом. Была у нас с «чернокнижником» такая своеобразная игра. Вспоминая какой-нибудь житейский случай, происшествие, мы задавали вопрос – для кого подошел бы этот сюжет – Достоевского, Толстого, Хемингуэя, Бабеля и т.д.

Ну, вот хотя бы такой фронтовой примечательный эпизод. Поведал его бывший военный юрист. Во время провально-стремительного отступления нашей армии получил он задание от самого командующего фронтом судить трусов и паникеров. Приехал в дивизию, а их этих «малодушных» набралось более трехсот бойцов. Ну, расстреливать всех было и некогда и вроде не логично. Кто же тогда воевать будет? Решил для трибунала отобрать два десятка. А по какому признаку отбирать? Не по скорости же драпанья – кто больше пятками сверкал. Проще было бы устроить жеребьевку, но тогда потеряется показательность и устрашение. Ломбозовски-мордovorотный буржуазный метод, конечно, тоже не годился. Но этот служитель Фемиды не зря носил подполковничьи погоны и был коммунистом. Как бы само собой пришло решение, которое и совесть освобождало и годилось для отчета начальству. Пару вопросов про отца-мать, деда-бабку, и дело в шляпе. Соблюден революционно-классовый принцип.

Вот только в спешке – отступление все еще продолжалось – ему, подполковнику досталась грязная работа. Всех осужденных отвезли на расстрел по частям перед строем, а один по какой-то заминке остался. Охранял его

солдат-нестроевик в очках, и подполковник понял, что у этого очкарика рука не поднимется застрелить такого же, как он, бедолагу. Он поехал сам с ним в поле, заставил его рыть могилу (тот все еще не верил своей обреченности!). Выстрелив в затылок, подполковник удивлялся, почему все же этот олух не пытался бежать. Неужели настолько деморализован? За всю войну этот трибунальщик подписал сотни смертных приговоров, но только собственноручно убитый человек долго, да, видно, и до гробовой доски не давал ему покоя. Являлся во сне. Когда он поделился об этом с сослуживцами, то те полусерьезно-полущутя посоветовали еще самому расстрелять хоть с полдюжины осужденных. Привыкнуть можно ко всему.

Мы с «чернокнижником» определили этот сюжет: я – для Ремарка, он – для Бабеля.

КАК ОТВЕТИТЬ ОППОНЕНТУ

Свои заметки о войне я давал читать многим знакомым и незнакомым людям. Большинство отнеслись как к правдивому искреннему свидетельству очевидца. Но были и критические оценки, упреки в «антипатриотизме». Даже со стороны «участников ВОВ». Кроме «плюрализма» одно из объяснений для меня вот в чем.

За каждым солдатом-окопником были на войне десятки людей, которые «обслуживали» «передний край», кто писанием бумаг, кто обеспечением боеприпасами, продуктами, обмундированием. Интенданты, ездовые, ремонтники, почтовики, бесчисленные штабники, политработники и прочие «обеспечиватели». (Я вовсе не с упреком к ним: у каждого своя участь и своя судьба. Даже мы, саперы, а были и полковые, и дивизионные, и армейские, ходили на передовую «на задание», затем возвращались в относительные ближние «тылы».)

Конечно, и они попадали под бомбежки, реже под артобстрелы. Но это не та тяжелая, роковая участь окопников, пехотинцев. Обеспечивателям было все-таки легче. А для кое-кого была, как тогда еще говорили, «не война, а мать родная»... Отсюда и их «повышенный патриотизм». Между прочим, к 40-летию Победы для того, чтобы не тратиться на ветеранов войны, а как-то их задобрить брежневское правительство всех скопом без разбора заслуг наградило некогда очень боевым и почитаемым орденом «Отечественной войны». (Его еще называли «лейтенантским» т.к. им награждали в большинстве случаев взводных и ротных.)

Ну, так вот, не все участники являются по сути фронтовиками. Отсюда и оценка, осмысление войны у каждого со своей колокольни. А уж не говоря о тех, чье знание войны ограничивалось брошюрами, книжками, недобросовестными рассказчиками. Да и учебниками, в которых то превозносилась роль «гениального полководца» генералиссимуса, то решавшего судьбу сражений члена Военсовета Хрущева, то раздутого до анекдотичности политотдельца Брежнева. Затем в противовес опять же раздуваемой роли Жукова.

Мне хочется привести присланное мне одно из писем с сохранением орфографии как отклик на мои фронтовые фрагменты в журнале «Энергия».

«Откровенно говоря, не хотел я Вам писать т.к. в Вашем возрасте человека не убедить, не переубедить невозможно. Но в последнее время развелось бесчисленное множество «историков» и «экономистов», как тараканов в

домах: покойный «комиссар-историк» волгогонов, пресловутый яковлев, афанасьев и прочие радзинские. Полно и «стратегов-полководцев» типа астафьева и солженицена. Если бы не капитан Солженицен, то войну проиграли! А главный герой, конечно власов! Вот и флаг у нас власовский, хотя вместе с гитлеровскими штандартами был брошен к мавзолею!

Ваша статья плевков в лицо участников ВОВ. Не знаю как могли видеть при эвакуации бойцов, которые «прятались по плавням, рошам, балкам». Ладно б климов или какой-то резун-суворов, но для участника ВОВ... Ваш дерьмобрех – характерная черта всех дерьмокатов во главе с самим демократическим «гарантом» – Вашим президентом! Оглянитесь вокруг и посмотрите, что творится на развалинах нашей страны. Борис кровавый, с руками по локоть в крови, что-то лепечет иногда по ящику, а Вы ему подпеваете, дурача народ. Открываете «малые тайны» Великой Отечественной. Очень печально все это.

В ВОВ полегло много моих родственников, отец моей жены погиб в 1941, израненный пришел с войны отчим моей жены. А в это время: «Воевали не так! Воевали не с тем!» Вы, Павел Павлович, упустили расхожую тему про ГУЛАГ. Сейчас вся страна превращена в один сплошной ГУЛАГ, везде решетки, днем стреляют, а Москва – сплошной бандитский притон во главе с Нужиновым. Судя по всему, Вы читаете очень демократические газеты типа: «Лживые аргументы и подтасованные факты», как их назвал наш покойный писатель А. Знаменский, «Московский сиськамолец», продажные «Известия». Поэтому прилагаю вырезки из других газет. Извините за, может, резкое письмо. Но враг будет разбит и Победа будет за ними. С наилучшими пожеланиями Цыпченко Николай Митрофанович».

Стоило ли отвечать этому «засомбированному» представителю старой «гвардии»? Конечно, небезынтересно было бы знать, в какой среде он выкристаллизовывался и как закалялся: позиция ведь определяется не только наличием ума, а и тем, оказался он эком или «вертухаем», окопником или штабистом, политработником. Словом, оппонент предстал характерным, показательным, и я решил, что ответить ему все-таки надо, хотя бы для того,

чтобы в подобных спорах со стороны было виднее «кто есть кто».

«Уважаемый Николай Митрофанович!

Я с уважением отношусь ко всякому даже архикритическому мнению при условии, что оно не содержит призывов к насилию и национально-расистской вражде. Ваше хлесткое письмо хотя и отдает революционной нетерпимостью и категоричностью, но, надеюсь, Вы не сторонник переворотов, свержений, расправ, репрессий и прочих боевых атрибутов. Потому как за насилием следует новое и новое насилие, и, в конце концов, зло приводит к саморазрушению и самоуничтожению. Может быть, поэтому в мире все-таки сохраняется Добро и продолжается Жизнь.

Но вернемся к некоторым Вашим возражениям. «Не знаю, как могли видеть при эвакуации бойцов, которые «прятались по плавням, рошам, балкам». Ладно бы об этом писал климов или какой-то резун-суворов, но для участника ВОВ...»

Скорее всего, Вы действительно не знаете, да и не хотите знать фактов и свидетельств очевидцев. А спросите любого участника войны из Действующей армии, и он не сможет отрицать, что при освобождении оккупированных немцами территорий России, Украины, Белоруссии почти все мужское население, особенно в селах оставалось дома... (Я в частности, был свидетелем этого, пройдя Украину с востока на запад). И не случайно, если Вы помните, в послевоенные годы любая анкета при оформлении на более-менее ответственную работу или командировку содержала такой вопрос: «Находились ли вы на оккупированной территории?...».

А ведь этот факт, пожалуй, еще более значителен, как показатель морального идеологического состояния страны, чем те пять миллионов наших пленных в первые месяцы войны. И это только один пример. Причины и следствия в нашей истории надо еще осмысливать и осмысливать. А хлесткие клички прояснению истины и самоосознанию не помогут.

Будьте здоровы духом и телом! П. Супруненко».

У. ПАМЯТНОЕ

НАС ПРИМИРИЛО КГБ

Нужно полагать, нет журналиста, у которого не случался бы хотя бы один «ляп». Во многих редакциях имелись даже специальные «черные» доски с названием «тляп-ляп». На них вывешивались опровержения, ошибки, ляпсусы, опечатки и прочий газетный брак... В журналистике я провертелся не одно десятилетие, и приятно было отметить и для себя и для других, что за весь продолжительный срок у меня не было ни одного серьезного прокола. По крайней мере, такого, за которым следовал выговор или наказание и более ощутимое. Но вот случился и у меня этот «ляп», да в таком виде и с такой стороны, что даже трудно было предположить что-то подобное.

И весь парадокс состоял в том, что дернул меня черт написать восторженный очеркишко об очень симпатичных мне людях, близких и знакомых. А они за это накатали на меня «телегу»... Правда, не в «кегебушку», а в какую-то партийную или редакционную инстанцию. Не хватало мне еще таких неприятностей! Можно, конечно, философствуя, согласиться с тем, что всякое благодеяние наказуемо. Но я вскипел, как самовар, таким возмущением, что решил прервать с этой семьей всякие отношения, хотя до этого заходил по близкому соседству к ним не реже одного-двух раз в неделю.

И я действительно сдержал данное себе слово и около года не навещал этот дом. Но неожиданно обстоятельства сложились так, что я решительно, ни минуты не колеблясь, пошел к ним, не думая об ущемленном самолюбии. Словом, история стоит того, чтобы рассказать о ней подроб-

нее. Тем более, что люди эти известны были не только в пределах города, страны, но и за рубежом.

Владимира Виардо я знал чуть ли не с пеленок, и не мог не написать о нем, когда он стал лауреатом международного конкурса имени Ван Клиберна в США. Американская печать отмечала встречу двух знаменитых молодых музыкантов (обоим было по 23 года, когда получали премию), как символическую в дни, когда утверждалось сотрудничество двух великих народов. Нелишне было повториться, что настоящая музыка понятна всем без переводчика, ведет к единению людей. Зная обстановку, я описал, как мальчик стал музыкантом. Не обошел роль бабушки, особы по характеру властной и настырной, прибегающей к мерам «репрессивным». Влияла, конечно, мать, певица с прекрасным колоратурным сопрано, но она, к сожалению, из-за вечных гастрольных поездок не часто видела сына. Отца тоже рядом не было. Жил у тетушки. В общем, семейная обстановка далеко не идеальная. На беду с малышом приключилась болезнь Боткина с осложнениями и рецидивами. Врачи запрещали садиться за пианино. Терзались родные: здоровье-то, очевидно, важнее любых талантов. А слух у парня был феноменальный. Словом, общую школу закончил экстерном. Потом престижное училище Гнесиных в Москве, консерватория.

Кто-то поговаривал о его зазнайстве, обижался, и никак не могли понять, что даже самые доброжелательные друзья могут быть «ворами времени». Особенно в такие часы, когда находишься не за роялем и появляется потребность побыть одному, подумать, пережить сомнения и вновь обрести уверенность. Приходилось заниматься по 14-16 часов в сутки. Тут уже не только сила воли, но и увлечение темой, углубление, свои толкования, находки.

Все, в спешке написанное под настроением радостно-го известия из Америки, я прочел Володиной матери – Наташе. Одобренный очерк прозвучал на радио. И тут взбеленилась Володина бабушка: как это с ней не согласовали, почему не отражена роль не менее талантливой матери, зачем упоминать не жившего с ребенком отца и т.д. Поцыгански шумная Тамара Николаевна под горячую руку и накатала жалобу на недобросовестного автора. Нельзя не сказать о самой неистойвой бабушке. В ее жилах действительно текла цыганская кровь: ее мать – молодая таборная красавица при каких-то романтических обстоятельствах стала женой кишиневского вице-губернатора, покончившего со временем самоубийством. Жила мать (это уже прабабушка Володи) совместно с дочерью Тамарой в Сочи в двухэтажном особняке зятя, известного курортного врача.

Во время войны случилось большое несчастье: на фронте погиб Наташин брат и арестовали Тамару Николаевну. Арестовали не без причин. Ее мать, экспансивная цыганка в разговоре в присутствии соседки дала свою оценку неудачам на фронте: «Если бы сдохла эта рябая собака, война бы кончилась». Имелась в виду рябизна Сталина. Соседка оказалась стукачкой. Пожалев старую мать, Тамара Николаевна взяла вину на себя: это, мол, она сказала те страшные слова. Следователи охотнее согласились «беседовать» с молодой красивой женщиной, чем со старухой. Ей предлагали искупить вину, став осведомительницей. Она наотрез отказалась. Ей вlepили десять лет лагерей «за язык», как тогда говорили, имея в виду статью за распространения клеветнических слухов и измышлений. Срок отсидела от звонка до звонка. И после возвращения со всей искренностью признавалась, что годы, проведенные там в лагерных бараках с интереснейшими людьми,

были самыми содержательными и чуть ли не счастливейшими в ее жизни.

Поэтому и в наших спорах с ней не разделяла восторженных оценок солженицынского «Одного дня», а манеру письма находила не эстетичной. Тут я учитывал не только ее воспитание в пансионе благородных девиц по изящной словесности. Среди бывших эзков подобные читатели, как ни странно, встречались. Была тут, очевидно, и материальная подоплека. Лагеря, в которых пребывала Тамара Николаевна находились не в Сибири, а в сравнительно сытой Кубани. Кроме того, она, как сердечница, была освобождена от физических работ. Дополнительная «вольготность»: муж ежемесячно присылал ей продуктовые посылки, тогда еще разрешаемые.

И еще один штришок... Муж Тамары Николаевны устраивался работать врачом по соседству с лагерями, в которых находилась его несчастная молодая жена – красавица. И нередко простаивал в выбранном укромном месте, почитая за счастье увидеть хоть за колючей проволокой свою любовь. Продолжалась такая романтическая история не один год, и Тамара Николаевна стала легендарной героиней в реальных и вымышленных женских пересказах, полных вздыханий и сантиментов. Но жизнь сурова и даже жестока в своей прозе. С некоторых пор идеальный муж Тамары Николаевны исчез с горизонта, и история получила печальную развязку: врач сошелся с медсестрой вдвое моложе его по возрасту. Тамара Николаевна даже с больным сердцем стойко пережила и эту трагедию, дожидая до хрущевской реабилитации и даже дождалась триумфа воспитанного ею внука. Не знаю, насколько широко использовала она при этом свой эзковский опыт. Но прошлый лагерный жаргончик был в ходу, как и «принудиловка»: непоседливому интеллигентному мальчишке попадало от бабки не только по мягким местам, но и по пальцам. На что, впрочем, будущая музыкальная знаменитость обиды не затаила и вспоминала требовательную воспитательницу с благодарностью.

Осуждение Тамары Николаевны, конечно, сказалось на ее дочери: Наташу с ее божественным голосом исключили из консерватории, не допускали в театры, не давали прописки в городах. С горем пополам она устроилась в Запорожскую филармонию, получила возможность разъезжать по стране с концертами. Бабушка молила Бога за здоровье Хрущева, принесшего не только ей освобождение, но и возможность учиться внуку в Московской консерватории. И даже вот участие в международных конкурсах и концертах. Но не долго музыка играла...

Среди тех вопросов, которыми меня донимали несколько дней в КГБ ряд следователей, был и такой: «Какие книги Солженицына передавал вам Виардо? Нам известно, что вы просили его привезти их из-за границы...». Я все начисто отрицал и даже старался воздействовать на них логикой: зачем же мне было ставить под удар молодого талантливого человека, когда я, как и многие, имел возможность слушать солженицынские вещи по «Свободе», «Немецкой волне», «Би-Би-Си», «Голосу Америки» – вот сколько станций вещало тогда автора «Архипелага ГУЛАГ» по несколько часов в сутки.

У Володи Виардо, как и у многих московских шестидесятников, обширная библиотека полузапрещенных и вовсе «крамольных» книг. Были у него и доверенные читатели, заходили в гости закордонные. Потоки самиздата и привозной литературы наводняли страну, и кегебисты выуживали, провоцировали. Виардо не стали выпускать с концертами за границу. Дело могло закончиться и более

крутыми мерами КГБ. И поэтому, не заходя еще домой, когда меня выпустили из «кегебушки», я пошел к Виардо. В тот же вечер мать позвонила Володе в Москву с сообщением, кто и чем интересуется в его родном городе...

Вскоре к Тамаре Николаевне персонально пожаловали гости из конторы. Нет, их интересовало не ее лагерное прошлое и не вопрос, пишет ли она своих свидетельств о нем. (А такую охоту среди бывших зэков они тоже вели.) Учитывая оставшийся страх у бывших лагерников, кегибанцы (по Зиновьеву) пытались найти себе сторонников. У Тамары Николаевны хотели выяснить, какие разговоры вел я, бывая в их доме, не передавал ли я что-нибудь через Володю. Нужно ли говорить, что тут бабушка Виардо сдержала свои эмоции, забыла свою на меня обиду и стала расписывать, какой я заботливый отец, как помогаю воспитывать не только своих детей. Словом, того, за чем приходили, вынюхиватели не получили.

Так нас примирило КГБ.

БЫЛО ТАКОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Очевидно, со временем, да уже и сейчас, наверное, многим читателям будет не совсем понятно, как их отцы и деды «переболели» в 60-70-ые гг. Ремарком и Хемингуэем. А из наших отечественных такими, не столько «инженерами», сколько «лекарями человеческих душ» оказались И. Эренбург, И. Ефремов, В. Дудинцев, К. Паустовский. Писатели, как и многие прозревавшие, здравомыслящие люди делали свой выбор. Не без драматизма и сожалений шло возвращение к реализму после революционной похмельной романтики.

С ними мне пришлось встречаться как журналисту. Взятые у них интервью не могли быть опубликованы из-за того, что после оттепели наступили заморозки. И, как заметила А. Ахматова, «маразм крепчал»...

Тем более, что власти и кнутом, и пряником по возбуждаемой инерции старались поддерживать коммунистический пафос, перековку, вымыслы, домыслы и прочие соцреалистические штучки. И не только в литературе, но и в области пресловутых преобразований природы, «переделки мира». На экологию в пленках тогда еще не обращали должного внимания. И небезынтересно возвратиться к тому, чем были обеспокоены тогда эти широко известные писатели.

Сотрудничая литрабом (так сокращенно именовали литературные работники сами себя) в «Курортной газете», в сентябре 1967 года, мне довелось не один раз встречаться и беседовать с К.Г. Паустовским. Происходило это в Ялтинском Доме творчества, где отдыхал тогда больной писатель. У моря он почувствовал себя намного лучше, так что строгая жена сочла возможным допустить к нему ненастырного журналиста. Я приносил ему привезенные из Москвы редактором новости, старался укладываться в отведенное мне время.

Запомнилось чистосердечное признание Константина Георгиевича: «Старики на подвиги не способны...». Имел он в виду не только себя одного. Хотя и были основания не согласиться с ним: только недавно перед этим он послал протестующее письмо против суда над Синявским и Даниэлем, просил считать его свидетельским показанием. Демократизм, казалось, нейтрального природолюбца, конечно, не остался не замеченный властями и «органами». Все надежды возлагал на молодежь, честную и смелую, не свя-

занную путами прошлого. Упомянул Е. Евтушенко, бывших своих учеников в Литературном институте – Ю. Казакова, А. Кузнецова. Сказал, что когда преподавал там, то недооценил тогда эту работу.

Я не преминул спросить о шумно входящем тогда в литературу Солженицыне. Отзыв выглядел не конкретным: мол, необъятный лагерно-ссылный режим, невиданная зона рано или поздно представит своих больших писателей. Понятно, интересно было бы спросить о письме рязанского учителя Солженицына Паустовскому, в котором критиковался исповедально-мемуарный жанр и ограничение, таким образом, художественно-литературных обобщений. Но я об этом письме тогда не знал, а адресат его не вспомнил. Как и автор «Повести жизни» не знал, что читал Солженицын его «придирчиво» – с многочисленными пометками на страницах.

Больше мы касались в разговоре природоохранных тем, взаимосвязи общества и природы.

ВЫБИЛСЯ В ЛЮДИ

Мы сидели в холле одного из московских издательств. Помещение довоенной прочной архитектуры «по Собакевичу», и в какие светлые тона не окрашивают стены, как не подсвечивают своды лампами дневного света, сумрачность остается. Мы с Вадимом А. однокашники по Днепропетровской «альма-матер». Конечно, при встрече расспросы, новости, анекдоты – все вперемешку. Не последняя тема между мужиками и женщины. Тем более, когда они сами о себе напоминают. «Вот моя первая любовь...». Мимо нас прошла молодая особа не так привлекательна лицом, как крутыми бедрами. Игриво ухмыльнулась, спросила что-то незначительное, вроде «вы еще не уходите?».

Вадим уточнил: «Первая любовь в этом учреждении». Я заметил кольцо на его руке: эта старая манера только начала вновь широко возрождаться. Знал, что Вадим разошелся со своей прежней супругой, нашей однокурсницей. Она оказалась не менее его самолюбивой. А в семье кто-то кому-то должен уступать. По Толстому, более уступчив тот, кто больше любит. Впрочем, может, причина и в его долгих отлучках: не всякая жена их выдержит.

Не раз приходилось становиться свидетелем их перепалок. Наедине я выговаривал Вадиму за его оскорбительные выпады: ведь нет оснований ее подозревать, обвинять. «А я для профилактики...». Хотя они при случае изливали мне душу, но, понятно, никто их не примирит, если они сами не поймут, не вразумят себя. Свое кольцо и новую женитьбу Вадим многозначительно объяснял, что ему без жинки в Москве никак нельзя... И чуть позже объяснил истинную причину. Нет, брак вовсе не фиктивный, не для прописки в Москве. «Обосновался я в столице через КГБ...».

У меня, конечно, увеличались глаза. Тем более, что я хорошо помнил, как мы с Вадимом, да и с другими «уважающими себя» ребятами еще в университете не дали чекистам «сагитировать» себя на службу в «органах». И даже обменялись мнениями по поводу вызовов в «казенный дом», хоть и давали подписку о неразглашении проводимых с нами бесед. Вадим был доволен произведенным эффектом от своего интригующего заявления. С фиктивным

браком в Москве можно схлопотать и уголовную ответственность, а он, Вадим, гражданин законопослушный.

Определиться ему на работу в «колбасо-изобильной» столице помог сам председатель КГБ СССР Семичастный. Они с ним гоняли тряпичный мяч в довоенном детстве в донбасском поселке. Как ни странно, не отказался принять его в своем грозном ведомстве на Лубянке. Понятно, его звонка оказалось более, чем достаточно для прописки.

Вадим вернулся к «окольцеванию». Вероятно, можно было и не торопиться. Многие после разводов, наученные скандалами и дразгами, сходились, не регистрируясь. Помянули «принцип банана»...

В африканских деревнях, если партнер не нравился, жена вывешивала банан, и это значило, что между ними все кончено. Без скандала и даже без лишних разговоров.

– Да, это хороший принцип. Но мы к нему вернемся при коммунизме. А пока что, надо регистрироваться.

– Для государства? Семья – опора?

– Может и для государства. Но главное для женщины. Она должна быть уверена в завтрашнем дне. Да и для мужика удобнее, по крайней мере, для меня.

И он начал убеждать в своей правоте. Недавно с ним стряслась такая история. Напился до чертиков – захотелось куда-нибудь улететь. Прикатил во Внуково – билетов нет. Начал шуметь, размахивать удостоверением перед военным комендантом, схватили его за воротник. Забрали у него документы.

На следующий день не протрезвел еще как следует, но понял, что дело может закончиться печально – выгонят с работы. Поехал кланяться в ноги коменданту, а тот разговаривать не желает. Хочет поизмываться. Увидеть стоящим на коленях. Словом, пока всю комендатуру не перепоил коньяком, не умилил за несколько дней, документы не получил. А ведь могло быть хуже. Вот он уж такой, пока деньги есть – не уймется, пока не спустит. А так жене получку на стол – смотри, ходит чистый, сытый, не с помятым лицом.

Выходит, жена – для сохранения зарплаты? Я не произнес этого вопроса вслух. Он у меня возник как вывод из всего сказанного. Не от этого ли я не слышал от Вадима его заразительного, раскатистого, не умолкающего хохота. Что-то неузнаваем он стал. Или это только мне показался он с какой-то затаенной невысказанной грустью.

В Москве Вадим «вписался», хотя говорил, что москвичи – люди особой породы. Имелись в виду повышенная продажность, приспособленчество, холуйство и т.п. И хотя он выбился в люди, заведовал отделом, но жизнь новоиспеченного москвича так и не сложилась. Разошелся он и со второй женой, и некому было «сохранять» зарплату. Между прочим, столичных жен не только в шутку называли «домашним КГБ», всерьез они же ведали и финансами.

В ДОМАШНЕМ ПОРЯДКЕ

Физиогномика – довольно противоречивая штука. У иного – ярко выраженный бандитски покореженный тип лица, а он всю жизнь мирно занимается канализационными делами в ЖЭКе. Другой – с благообразным, чуть ли не иконописным ликом, и вместе с тем с убийствами на его преступном счету.

Передо мной сидел сухонький кроткий старичок, в белоснежной рубашке и при «галстук», с такими прямо-

таки по-девичьи тонкими чертами и застенчивостью, что я даже засомневался, тот ли это человек, которого мне не без гордости рекомендовали в парткоме завода: «Да, есть у нас и бывший боец невидимого фронта»... Надо было чем-то разнообразить трудовые подвиги на хлебопекарном производстве, и я не исключал от встречи интригующей развязки. И она действительно последовала. Поведал он спокойно и скромно нечто страшноватое даже для меня, прошедшего три года на фронте.

Тут нужно оговориться, что переживал я тогда не лучшие дни в своей жизни. После неоднократных вызовов в областное КГБ, многочасовых бесед с несколькими следователями (а они подчеркивали, что это еще не дознание, а только профилактика для моей же пользы), я и остался у них, по чекистскому жаргону, «под колпаком». Числился в «черном списке» и не мог найти работу. В сторожа меня с высшим образованием не брали, к редакциям, школам не допускали – там была своя номенклатура райкома партии. Оказалось, существовала она и в таком районном масштабе.

В этом подвешенном состоянии долго не продержись по диссидентской традиции дворником или кочегаром, скрыв диплом. Но я все еще надеялся что-то придумать. И тут напал на одну жилу: подряжался писать истории заводов и фабрик. Работа по-своему мне даже понравилась. Оформляли меня «подснежником», как футболистов, руководителей самодеятельности, художников, на какую-нибудь должность, зарплату слесаря, маляра или даже инженера. Я получал год-полтора зарплату, хотя договорные обязательства выполнял за полгода. Да и то, не отмечаясь, не вешая номерок, а трудясь, как кустарь-надомник. Кто упрекнет меня за ловкачество – пусть попробует...

Я честно и даже нестандартно отработывал свой хлеб: вникал в производство, разыскивал документы, просил писать воспоминания. Многие мои простые герои, особенно из старшего поколения, рады были, что не забыта их «не жизнь, а жестянка», исповедовались, исписывали толстые тетради. Будь они пограмотней и образованней, смотри, проклонулся бы дремавший литературный журналистский талант.

Да и так, разве не интересно оставить свои мемуары внукам и правнукам?! А сколько всплывало правдивых, вопиющих деталей нашей «оптимистической трагедии».

Вот на том же московском хлебозаводе № 1. В голодный послевоенный 47 год за хорошую работу начальник цеха премировал работницу здесь же на производстве, после смены, буханкой хлеба. А на проходной ее задержали. Начальник же цеха струсил и сказал, что не выделял никакой премии. Женщине-ударнице вlepили по суду лагерный срок. Или вот ужасный случай, когда охранник застрелил мальчишку, прямо, когда тот перелезал через забор, держа под мышкой отбракованную буханку.

Мне и самому приходилось не раз переживать голод. Я хорошо понимал своих родителей, которые позже не переставали радоваться пышным белым булкам, батонам, паляницам на столе и выражали признательность «партии и правительству» за изобилие. О хлебе я писал, может быть, наиболее охотно и искренне. А на моем счету были истории и обувной фабрики «Буревестник», и Днепродзержинского цемзавода, и московского производственного объединения художественной росписи. А вот с Запорожским добровольным пожарным обществом не получилось. Уже было написано несколько глав, и начальство радовалось живо и занимательно излагаемой летописи. А я

полагал, что наряду с Куприным, Гиляровским, братом Чехова причастен к пожарной эпопее человечества. Но тут мне не дали закончить работу и уволили срочно по звонку «оттуда». На очередной встрече с кегебистами (а они не вызывали уже меня «туда», а приходили ко мне домой или назначали беседу в редакции) я с досадой спросил их: «Неужели я представляю для вас опасность и в пожарной команде?». И они чистосердечно признались: «Но не можем же мы допустить, чтобы вы работали в нашей системе»... Только позже я сообразил, почему оснащенные техникой современные пожарники входят в эту «систему»: они нужны со своими водонапорными стволами в случае необходимости для разгона скоплений «толпы»...

А со старичком интервью не получилось. Дошли мы с ним до такой откровенности. Все более осложнялась война в Афганистане. Старичок не громко, но с оптимизмом сказал: «Еще как прижмем!». Но ведь горы: в ущельях танки камешком пришибить можно. А он свое, на Кавказе, мол, тоже в свое время трепыхались – выкурили как миленьких. Газами? «Нет, зачем же так грубо? Пришлось кое-что в колодцы подбрасывать»...

КОМУ ПОМОЖЕТ ИСПОВЕДЬ

Как невесело шутят мои сверстники-фронтовики: снаряды падают все ближе и ближе... И все чаще речь идет не о том, с кем бы ты пошел или не пошел в разведку, а о том, каким словом помянут тебя люди. Есть один грех, в котором не мешало бы нам ветеранам повиниться. Многие из нас кривили душой, шли на поводу – занимались «раздуванием» невероятных подвигов и массового героизма во время Великой Отечественной в духе «соцреализма». Мало заботились о правде, а проще говоря, поддерживали официальную брехню, даже если кто при этом нейтрально помалкивал. А подобное насаждение лжепатриотизма, военных игрищ и игрушек приводило к тому, что прозревающие подрастающие наши сыновья и внуки, в частности афганцы, теряли уважение, мягко говоря, к тем, кто их обманывал, по сути пропагандировал войну, агрессивность, оккупацию даже дружественных стран.

Мы, как положено отцам, старшим, не проявляли трезвости, смелости жить не по лжи. И как результат, гибель многих так называемых «воинов-интернационалистов», разочарование, опустошенность, а затем и разгул насилия, «дедовщины», бандитизма, особенно после многолетней преступной афганской авантюры. Конечно, рано или поздно общество придет к самоочищению, самосохранению, отрезвлению от смуты. У тех из нас, кто способен к здравомыслию, есть возможность исповеди, признания, анализа своих ошибок, заблуждений. Это поможет и нам, и нашим детям – нравственному восстановлению, согласию. Одни могут проявить исповедальность устно, другие сделать запись на видео и магнитные кассеты, третьи – оставить письменные свидетельства, воспоминания.

«...Сохранение памяти о своем истинном прошлом – без чего нельзя восстановить самих себя духовно... сохранить связь с прошлым – собирать письменные воспоминания старых людей, независимо от того, досталась ли им в жизни заметная историческая роль или рядовая».

Эти многозначительные слова А.И. Солженицына были написаны к серии публикаций Всероссийской Мемуарной Библиотеки (ВМБ) еще в 1993 году. Но они еще

большую актуальность приобретают сейчас с возвращением его на родину. Еще за рубежом он вместе с женой занялся собиранием, отбором рукописей, подготовкой многих из них к печати. Вышло уже 11 книг этой замечательной серии. Среди авторов и представители дворянских фамилий, и советские военнопленные, и те, кто попадал в Бухенвальд и Гулаг. К некоторым томам А.И. написал предисловия.

Нужно полагать с возвращением его из изгнания эта огромнейшая важнейшая работа будет продолжена. Подобие книги «сгустка народной памяти и опыта», очевидно, нужнее других жанров. Ведь по авторитетному опросу читателей, мемуарная литература на одном из первых мест. И поэтому эти заметки будет, возможно, логично закончить «прогнозом» Л.Н. Толстого: «Мне кажется, со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

С первой минуты нашего разговора он меня оgoroшил и ошарашил. Сообщение было настолько ошеломляющим, что я не знал, как на него реагировать. Расспрашивать подробности – значило бы лезть в душу. Высказывать сочувствие – выглядело бы банально да и запоздало. Пусть сам решает, насколько я располагаю к откровенности. И хотя он торопился, проговорили мы с ним и в этот день и на следующий несколько часов. И было о чем: ведь за плечами у него оказалось семилетнее заключение в лагерях и тюрьмах.

Столкнулись мы с Леной Сапой на знаменитой Ялтинской набережной. Кого только не встретишь здесь на этом международном перекрестном пятачке: дальних и близких товарищей, сослуживцев, земляков, родственников, с которыми не виделся несколько лет. И обнимаются люди, хлопают друг друга по плечам: «Где бы еще пришлось! Надо же!».

Вот так неожиданно у лучезарного моря, в сентябрьскую бархатную пору встретился я с запорожским приятелем, исчезнувшим с моего горизонта лет десять тому назад. Но, откровенно говоря, тогдашнее общение не доставило особой радости. Был я в «подколпачном» состоянии у кегебистов, и напоминали они о себе неотступно. Увольняли с работы, являлись в квартиру с какими-то проверками, вызывали в милицию с выяснением причастности к какому-нибудь уголовному делу. Словом, давали понять, что они от меня не отстанут. Я рад был хоть на время оторваться от них, уехав на свидание с Джалитой – так в древности называли Ялту.

В таком состоянии, конечно, появляется потребность, чтобы тебя кто-то, если не поддержал, то хотя бы посочувствовал. Доброжелательно хлопнул по плечу и сказал: «Держись старик! Все проходит! Будущее не за подонками: они еще пожнут то, что сеют». Леня Сапа вместо этого стал живописать о своих преуспеваниях: после заочной учебы в Днепропетровском университете устроился на работу в Киеве в министерстве просвещения, заканчивает диссертацию, сюда в Ялту приехал на своем автомобиле...

Еще совсем недавно я знал его в Запорожье рабочим парнем, ставшим литрабом в многотиражке, пробующим

себя в поэзии. Жил недалеко от меня в рабочей общаге. Это не в бараке, но где-то на подобном обречении. И вот такой, можно сказать, взлет. Его начали печатать в республиканских газетах и журналах. Квартира в Киеве. У меня не то, чтобы зависть, пусть даже белая, но грешным допущением мелькнула скверная догадка: не причастны ли здесь «славные органы». Они обычно не остаются в долгу перед теми, кто им помогает.

КГБ действительно оказалось причастно. Причем, украинские «органы» были ретивее московских: они неусыпно выискивали националистическую «заразу», выслуживаясь, проводили «профилактику». Я вспомнил при этом довоенный анекдот о превосходных службистах – украинцах. Попадая в армию, русский спрашивает, где находится политотдел, еврей – как попасть медсанбат, а украинец выясняет, как пройти в полковую школу командиров.

Так вот на себе то я их старательно познал. Но о том, что Ленью Сапу вызывали в Запорожье еще в 1968 году в областное управление КГБ, я не ведал. Ему предлагали сотрудничество, говорили лестные слова о поэтическом таланте, об ответственности. Вспоминали и его прошлые «грехи». А столкновение с властями у Лени произошло еще в школьные годы. Начал пописывать стишки на вороватых, пьяненьких бригадиров, сельсоветчиков. Затаили, конечно, злобу. Но рот не заткнешь, ручку с бумагой не отнимешь. А тут представился случай. На уроке истории учительница очень уж рьяно оправдывала вторжение наших войск в Венгрию в 1956 году. Ученик Сапа возьми и «ляпни» – сравнение с действиями Гитлера.

Учительница на уроке замяла «крамолу», но по начальству – как положено – доложила. А через несколько дней в клубе милиционер спровоцировал старшеклассника на столкновение, не пропустив его на киносеанс. Сопротивлявшегося, его затащили в сельсовет, били валенком с гирькой внутри. Леня левша, развернулся, дал сдачи.

Сопротивление милиции. Бросили в проходящую машину, распяли на дне грузовика. Пока ехали «учили» кулаками и сапогами так, что он потерял сознание. Пришлось вызывать «скорую помощь». В тот раз вызволил отец.

Второй конфликт произошел уже с более серьезными последствиями. Хлопец из пригородного села Каменского подросток, закончил школу. С выданной «волчьей» характеристикой об институте нечего было и мечтать. Оставался путь «гегемона» – поступил в железнодорожное училище, учился на электрослесаря. И готов был, как истинный поэт, отозваться на чужую беду не только в стихах.

В пригородном поезде услышал крик мальчонки. Выбежал в тамбур и увидел, как милиционер в капитанских погонах бьет подростка. (Вспомнилось, что тогда его бил тоже капитан. Ему и впредь придется сталкиваться с квалифицированными чинами.) Вмешался в произвол. Страж порядка крикнул помощников. Суд. Начинающему поэту для более разностороннего познания жизни врубили годовой срок исправительно-трудового лагеря – ИТЛ.

Как можно заметить, Сапа был горячим, заводным хлопцем. Но не настолько, чтобы увлечься блатной романтикой или потерять жизнеутверждающие ориентиры. Тут мы подошли с Леньей к выяснению того, что же привело его к сопротивлению. Несомненно, сказалось родовое наследие. Даже расположено его родное село, как раз на краю того знаменитого Великого Луга, где находили прибежище беглецы – бунтари, сечевики. Хотя, впрочем, их потомки перетерпели и революцию, и ее совковые последствия. Как говорится, были Тарасы Бульбы, а были Бульбашенки. На активный протест решится не каждый. Да и

нетерпимость бывает разная: и здравомыслящая, и истеричная, и с другими оттенками. Но, говоря поконкретнее, у Сапы двух дедов – крестьян в 37-ом замордовали, расстреляли за то, что они не радовались колхозам. Попал тогда в переплет и отец, но как-то вывернулся, через полгода катажки его выпустили. Он воевал, был ранен, контужен, дошел до Берлина. Был человеком с чувством достоинства, нетерпим к несправедливости. А потом, когда сын его прослыл вольнодумцем, последовали такие загадочные трагические события. Отца возле двора насмерть сбила проезжавшая машина. Через несколько дней на том же перекрестке, также от машины погибла и его мать. Очень уж невероятно для случайности, считает Леня. Конечно, больше всего корректировала «линию судьбы» и поведение сама жизнь. Дополняла ее и литература. Один пример Т.Г. Шевченко чего стоит – «караюсь, мучаюсь, але не каюсь». Влияло все, вплоть до сил небесных. Судьба – это цепь обретенных причин. Но жизнь вмещает в себе добро и зло, правду и ложь, верность и предательство, любовь и ненависть. Каждому представляется выбор и расплата. В юности, как и большинство из нас, Леонид Сапа многое совершал спонтанно, интуитивно. Ну, а дальше пришлось сознательно выбирать тяжелые испытания и чистую совесть.

Помогали добрые неравнодушные люди: старшие поэты Василь Лесняк и Иван Кашпуров, редактор заводской многотиражки Николай Попель. Последний, кстати, прошел свой страдальческий пятнадцатилетний гулаговский путь. В Днепропетровске, где Сапа стал работать на областном радио редактором, кегебисты вызвали его не в свое кодро, как в Запорожье, а в военкомат. И вновь беседы о «патриотической» помощи органам. Это же, мол, долг каждого гражданина. Вот будет совещание молодых поэтов с приглашением киевских гостей, дадите информацию на радио и «попутно» для них – о разговорах в кулуарах... Они создавали впечатление, что скрыться от них невозможно и на другой планете. С переездом в Киев продолжились и там вызовы в это ведомство «госстраха». Только кроме предложений сотрудничества, последовали угрозы наказания за распространение идей буржуазного национализма, антисоветизма и т.п. – набор известный.

Но открытого преследования они остерегались: много шума за рубежом да и внутри, они проигрывали в общественном мнении. А он уже печатался в республиканских газетах и журналах, читал стихи в «сомнительных компаниях» проукраински настроенных граждан.

Вероломство, бандитские приемы коммунофашистских органов известны. Но одно дело читать о них, и другое – ощутить на себе. Очень многие ломаются, идут на сделку с совестью. Сапу схватили в Ворошиловграде (нынешний Луганск) во время командировки, куда приехал он методистом от Министерства образования. Спровоцированный директор кооперативного техникума пытался вручить взятку за умолчание всяких нарушений. Но, в первых, это нарушения не материально-финансовые, а методического характера и особыми осложнениями директору не грозили. Ни свидетелей, ни доказательств, один донос запуганного человека. Следователь Ворошиловградской облпрокуратуры Сыроватская этот лжедонос оформляла постановлением от 24 января 1986 г., как явку с повинной еще до попытки вручить ему взятку. На закрытие дела она подсунила обвиняемому мифическую психиатрическую экспертизу. Никакой экспертизы там не было, а просто в кривом зеркале изложена вся его 25-летняя жизнь от Запорожья до Киева. Следователь откровенно сказала:

«Вы же видите, кто вас сажает. А с КГБ бороться бесполезно...».

Они были настолько наглы и самоуверенны, что потеряли даже свою хваленую «бдительность» – не отобрали повестку о вызове в киевское КГБ, присланную Сапе еще перед этой провокацией. А он ее сохранил.

Состряпанный приговор – 9 лет лишения свободы. «Девять лет! Девять всосавшихся гадов, девять ран расцвели кумачом... И околочен я ржавой оградой. Но не стал стукачом...». Что только не пришлось пережить, передумать в те годы, когда «пропускали» его через 9 тюрем, 9 концлагерей, 3 психушки, 34 карцера с пытками, наручниками, психотропными «лекарствами». И это не в людоедство репрессивной сталинщины, гнилостного маразматизма брежневщины, а в пору пресловутой «перестройки».

В Ворошиловградском СИЗО (следственном изоляторе) дважды в день кололи под лопатки, в мышцы, в ягодицы неразогретую серу, от которой сразу распухало тело, подскакивала сумасшедшая температура и охватывала адская боль. Еще забивали в рот 10-12 неизвестных по назначению таблеток, после которых глаза вылезали из орбит, жгло все тело. В камере с двухэтажными нарами 16 эсков, и все действительно ненормальные или имитируют сумасшествие. Один себе кулек с дерьмом на голову одевает, другой собирает с пола окурки, кладет в кашу и ест.

Сапе, как бы демонстрировали: мол, и ты таким станешь... За три двадцатидневных цикла ему сделали более 7000 уколов, принудили принять около двух тысяч таблеток. Десять раз его, забив до крови, бросали в так называемую «пресс-хату». Это камера в ШИЗО – штрафном изоляторе, где его избивали сокамерники, нанятые тюремщиками за пачку чая или папирос. Натравленные операми отпетые уголовники, отбивали ему селезенки и почки, с размаху прыгая ногами на позвоночник. По три раза за ночь ему устраивали «удавки». Делается это при упоре колена в спину обхватом горла согнутой в локте рукой. Человек теряет сознание, а если не рассчитать нажим, дело кончается удушьем.

Коренастого, здорового парня сделали инвалидом: он вынужден был ходить на костылях. Кстати, шесть костылей побил на своих мучителях. Те же продажные, поощряемые уголовники пытались его «опустить» – сделать педерастом. Он заявил администрации, что покончит жизнь самоубийством, дав знать о причине на волю. Несколько раз объявлял «сухую голодовку», находясь на грани жизни. И всю дорогу его палачи откровенно издевательски напоминали: «Ну, что, будешь еще писать?». Он написал сотни заявлений по различным инстанциям и адресам. Не давало покоя страшное сознание, что, может, у кого-то возникнет, и, прежде всего, у подрастающего сына, хоть частичка сомнения в том, виновен ли он и не польстился ли на эти вонючие взяточные деньги. Была и другая цель – разоблачение этой коммуно-фашистской живодерни, беспредела расправ, организованной преступности в лагерно-околоченной системе и советского, и самостийно-украинского Гулага. Солженицынский «Архипелаг» надо дополнить и продолжить.

Только здесь в лагерях и психушках Сапа понял размах и суть кегешно-совкового «перевоспитания» людей, превращение их в быдло, приспособленцев, доносчиков, подонков. Быдлом легче управлять и помыкать, грабить и насиловать. Его разоблачительная писанина начала внушать им тревогу. Поэтому они так часто переводили его из

лагеря в лагерь. Дважды делались попытки спровоцировать его на «случайный» выход из зоны, чтоб при «попытке к бегству» отправить на тот свет, или хотя бы намотать новый срок. Нужно было научиться разгадывать их замыслы, уменья конспирации. Старый метод прятать «торпеду» – пленку с листами бумаги в задний проход не годился. Они мастера шпионить и в заднице: зорко всматриваясь на проходной, заставляют надуться...

Одна из хитростей узника: он зашил письма в изготвленный козырек головного убора – «деголевки». В другой раз наделал невиданный переполох среди гулаговских церберов различных рангов: его заявления стали появляться напечатанными на печатной машинке. Начались пере-проверки, усиление охраны. А ларчик раскрывался просто, во время свидания с женой он наподписывал своей росписью внизу множество чистых листов. Она их забрала и позже отпечатывала и рассылала его заявления. Верная любимая Наталка здорово помогала ему.

Естественно, что он посвятил ей и сыну так много стихов, написанных за колючей проволокой. «Тропою каторжной иду я на зарю...». «Я, как подснежник первый по весне, сквозь снег кровавый пробиваюсь к солнцу». Понятно, не без грустных сомнений, – «неужто отмечталось, неужто отжило?». Довелось «перестроечному эску» переосмыслить и «перестроечную болтанку»: «и штукатурыт павильоны, где кровь сочится с кирпичей».

Запомнилось, как в колониях готовились к переменам задолго до начала путча гекачепистов. Составлялись списки «балласта», т.е. самых неугодных беспокойных эсков, «не поддающихся перевоспитанию». Сапа находился тогда в днепропетровской ИТК. В первый день путча начальник колонии Годинник расхаживал по территории, окруженной БТРами, и вслух ликовал: «Мы – исполнительная власть, можем взять автоматы и всех вас перестрелять». Сапу он называл первым в этом черном списке.

В защиту опального поэта выступили видные адвокаты, писатели, депутаты, радио «Свобода», газеты, правозащитные организации, президент Всемирного тюремного братства капеллан Рой (США). А его продолжали мордовать в самостийном Гулаге. И только в 1992 году «помиловали», так и не реабилитировав, не пересмотрев дела.

В личной судьбе отразилась общая смута. Много и в лагерно-правовой, и в экономической Украине законсервировалось, как в примерном заповеднике. Выпячиваемая «украинизация» становится понятием нарицательным. Руховцы не оправдали надежд. Около трех десятков партий выглядят мелко и несерьезно. Партноменклатура, занимаясь демагогией и косметикой, превращает реформы в пугало. Игра на национальных струнах, спекуляция на казачестве превращается в опереточную бутафорию.

Сапа заговорил о «диктатуре наций» (а значит и языка?). Но ведь это изоляция от цивилизованного мира. Я не разделял радикальности моего собеседника. За одним насилием последует другое. И простят ли единомышленники его «полумоскальство»? Он вручил мне один сборник стихов на украинском – «Любов перемагає все» и второй – на русском «В застенках перестройки». Он сумел их издать в один 93 год! Помогла лагерная закладка? Леня улыбается своей уверенной белозубой улыбкой.

Мы беседовали с Леней, иногда сбивались на спор, под рокот морских волн. Они ритмично накатывались, как поэтические строки. Но в эту размеренность вклинивалась сбивчивая проза жизни.

VI. НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

ВТОРАЯ ИЛИ ПЕРВАЯ МУЗА

Об этом доме в Москве по Большой Пироговской, 35 можно было бы поведать драматические и даже фантастические истории. Но и прозаическая его реальность представляет немалый интерес. Ведь в нем сравнительно длительное время с 1927 по 1933 годы жил и творил М.А.Булгаков (в столице за 20 лет он поменял пять квартир). Как раз в эти плодотворные годы и сопутствовала ему, и облегчала нелегкую участь писателя его жена и помощник Л.Е.Белозерская.

Прошло более полувека со времени его присутствия, и дверь квартиры открыла хозяйка... Не будем впадать в стандарт и говорить как она молодо выглядела. Хотя стройность и даже изящество нельзя было не отметить. (Не зря, как выяснилось, Любовь Евгеньевна оказалась причастна к балету, впрочем, вынужденно, поскольку заставили обстоятельства.)

Книжный шкаф, круглый стол, закрученный витками торшер, массивное овальное зеркало, оригинальный диван-лабя, прозванный «закарюкою» – все от тех дней. Только кошка другая... И Любовь Евгеньевна предупреждает, что она может неожиданно во время беседы прыгнуть на... голову гостя. Нет, не с агрессивными намерениями, а в знак особого к нему благорасположения. Вполне возможно, что эта проворная красавица с пристальным взглядом немигающих внимательных глаз находится в родстве со знаменитым Котом-Бегемотом. Вернее, с его прототипом... О четвероногих жильцах квартиры разговор особый: как они вошли в быт и на листы рукописей.

Со всех четырех стен – тот примечательный булгаковский иронично-лукавый взгляд с фотографий. Мол, ну посмотрим, послушаем, чем я вам остался в памяти...

Одна из фотографий, может быть, самая ценная Любовью Евгеньевной, висела над кроватью в массивной дореволюционной рамочке. И хоть размер ее скромно-открыточный, но привлекает она к себе внимание хотя бы потому, что Михаил Афанасьевич выглядит на ней довольно необычно – прямо-таки по-мефистофельски. И взор насуплен, а главное – с моноклем. Кажется, хотел кого-то поразвлечь, подразнить, а может и в пику тем, кто желал бы видеть его сломленным, запуганным, согнутым. А он вот такой неунывающий, с вызовом, озорством. Дорога фотография с отчетливой твердо-размашистой надписью: «Маме Любе, нежно-любимой, и ее Муке и Флюшке. Мак. 1928 г. 19 ноября. Москва». Маком – именем героя одной из сказок – «Мика, Мака и Микуха» назвал себя сам Михаил Афанасьевич. Так и повелось среди знакомых.

Флюшка – это кошка в доме Булгаковых. Удивительно своеобразная, игривая, артистичная и, конечно, не без чувства собственного достоинства, как все представительницы ее вида. Другой такой понятливой и яркой не было. И поэтому Любовь Евгеньевна считала, что она прототип Бегемота. Хотя для большей проказливости кошку понадобилось автору превратить в кота. А Мука – это тоже реальная кошка и также попавшая в литературу.

В конце 20-х годов прошлого века вышла книжка для детей «Мука-Маки». Стихотворный текст написал один из друзей дома Владимир Долгорукий (псевдоним Вэдэ), а рисунки выполнила художница Наталья Ушакова. Иллюстрации под стать тексту получились живые, потешные, занятные. А чтобы не оставалось сомнения по поводу прототипов, на одном из листов рукописи даже была надпись – «Багровый остров» (название пьесы М.А. Булгакова). А в одной из портретных зарисовок угадывалось шаржированное сходство с хозяином шумной веселой квартиры.

«Почему у дяди Маки

Нет сторожа – собаки?»

(Пробел учли и «сторож» вскоре появился.)

Конечно, главным попечителем «зверинца» была хозяйка. У нее с детства – любовь к животным. Ее трогательная привязанность к ним была разделена и Михаилом Афанасьевичем. А лапасто-хвостатые друзья умели ценить дружбу.

В компании с хозяином квартиры они затевали такие плясы – их Михаил Афанасьевич называл сатурналиями, – что иногда летела кувырком одежда, посуда, рукописи. Хозяйка квартиры прощала эти оргии и потому, что творили их ее любимцы, и потому, что Мак отводил душу со зверьем. После всех неудач, проволочек, недоразумений, разносов, нервотрепок в редакциях, театрах, издательствах «сатурналии давали дома разрядку и зарядку». Кроме незабвенного Бегемота в «Мастере и Маргарите», кот присутствует и в «Театральном романе». А чтобы не остались в обиде представители собачьего племени, Михаил Афанасьевич изобразил на своем рисунке Бутона.

Да что рисунок! Пес – главный герой прославленной повести «Собачье сердце». Она, между прочим, посвящена Л.Е. Белозерской. А перед этим в «Гудке» был напечатан фельетон «Говорящая собака» – он-то, возможно, и послужил толчком для необычного сюжета и повествования.

И собакам и котам – «всем сестрам по серьгам» – отдал Мастер, не решаясь признать чье-то превосходство из братьев наших меньших по сообразительности, рвению в службе, верности человеку. Для воплощения других своих творческих замыслов Михаилу Афанасьевичу понадобились существа менее реальные. В одной из папок, где сохранились немногие из рисунков писателя, Любовь Евгеньевна обращала внимания на подпись: «Банге-Рогаш с кольцом 5 каратов 14.05.28 г.».

– А ну, скажите, кто такая Банге?

Подобными вопросами хозяйка проверяла иногда своих гостей на звание булгаковедов. Банге – это, со временем появившаяся, собака Понтия Пилата.

Рогаш – существо загадочное, ни на что не похожее, ни на кота, ни на пса. Возможно, вобравшее что-то и от них, а скорее, пожалуй, от лиса. Между прочим, как отмечают некоторые современники, в булгаковском лице было что-то напоминающее лиса... Только не того традиционно-сказочного, увертливого, а вот этого более добродушного и доверчивого, осовремененного Экзюпери в «Маленьком принце». Нет, на булгаковском рисунке, очевидно, изображен дьяволенок, изящный, начинающий, перспективный, возможно тот, который вскоре преобразится в «Консуланта с копытом» (первоначальное название романа «Мастер и Маргарита»). Первые варианты знаменитого

произведения, его необычные образы и сюжетные повороты рождались в этом доме.

Когда муж проявлял свою вспыльчивость, «выходил из себя», Любовь Евгеньевна успокаивала его шуткой: «Это в тебе Рогаш заговорил...». Домовой тоже имеет право на свой характер. В каждом из нас, наверное, живет свой чертенок.

Фотографии... По ним, как по кадрам кинохроники, «прокручивается в памяти прошлое», в частности, «хождение по мукам» Любовь Евгеньевны. Вот она круглолицая с пухленькими щечками, с наивным беззаботным девчоночьим взглядом в будущее, в форме ученицы Демидовской гимназии в Петербурге. А будущее это готовило ей тяжелые испытания. Отец умер рано – она его почти не помнила. В семье осталось четверо детей, старшую сестру и ее, младшую, взяли в закрытую гимназию на казенный кошт только потому, что отец, выходец из обедневшей дворянской «фамилии», работал преподавателем в Демидовском лицее. Без такой благотворительности матери пришлось бы совсем трудно. Но все испытания были еще впереди.

Выпуск из гимназии совпал со всеобщим потрясением – Первой мировой войной. Люба, после окончания курсов, сестрой милосердия попала в тифозные госпитали на Ковельщине. Запомнилась деталь: появление вражеского самолета в небе воспринималось не как угроза, а как развлечение. Затем последовало возвращение в Петербург, потянулись революционные будни, началась служба в банковских учреждениях.

Воспоминания – уже без фотоизображений: фотографироваться было и некогда и не на что. Работу приходилось не выбирать, а соглашаться на ту, которая подворачивалась. Нужно было выживать и приспособливаться. В городе Вольске на Саратовщине, куда поехала к маме, преподавала в школе гимнастику и танцы. Несмотря на гражданскую войну, танцами не пренебрегали. Здесь, в Вольске от голодного времени остались могилы мамы и брата. А она, Люба, чуть раньше переехала к родственнице в Киев. Город остался в памяти не столько службой в каких-то эфемерно-меняющихся учреждениях, сколько шумом бесконечной стрельбы и трупам на улицах при смене пяти или шести правительств. «Немудрено было при их калейдоскопичности сбиться со счета!» В это время могла и встретиться в Киеве с Михаилом Афанасьевичем. Но, видимо, была еще не судьба...

...Потом последовала эмиграция – Одесса, Константинополь, Берлин, Париж... (Там, в поисках работы и пробовала силы в балете.) Возвратиться на родину – надо было иметь мужество. Ей было, что порассказать о своих скитаниях при встречах в Москве Михаилу Афанасьевичу. Из этих рассказов родилась булгаковская пьеса «Бег». Но кроме этого, он собственноручно написал план ее предполагаемой книги «Записки эмигрантки». Это долго оставалось его завещанием. И она его со временем выполнила. Л.Е. Белозерская длительный период работала в журнально-газетном объединении, в редакции «Литературной газеты», издательстве «Советская энциклопедия». Женщиной она была приметной. Ей посвящали стихи, писательница Н. Векстерн посвятила ей свою книгу «Ж. Санд» (из серии ЖЗЛ). Большинство писем, документов, рукописей, фотографий М.А. Булгакова Любовь Евгеньевна передала на хранение в Пушкинский дом в Ленинграде и в отдел рукописей библиотеки им. Ленина в Москве.

Старые пожелтевшие газеты... Нет, они вовсе не оддневки – кое-что из напечатанного в них переживет не

одно поколение. Любовь Евгеньевна извлекла из залежей сохранившиеся экземпляры русской газеты «Накануне», издававшейся в 20-е годы XX века в Берлине (она тогда работала в этой редакции). И вот она показывает свои публикации корреспонденций М.А. Булгакова. Уже тогда в своем чемоданчике, получившем прозвище «щенка», журналист Булгаков носил маршалский жезл большого мастера. (Не портфель, не папка, а чемоданчик, – очевидно, осталась привычка врача.)

К Любови Евгеньевне приходили нередко за консультациями артисты, телевизионщики, журналисты, художники. Ведь она на 47 лет пережила своего бывшего знаменитого мужа и на 17 лет – свою «соперницу» (что, впрочем, не могло служить утешением).

Известно, каким верным, беззаветно любящим другом была для М.А. Булгакова его жена. Какая? Конечно, последняя, Елена Сергеевна. Она сохранила и добила напечатания встряхнувшего общество его необыкновенного романа «Мастер и Маргарита». Ей сполна отдали дань мемуаристы, литературоведы, журналисты. Оценили ее подвиг, обаятельность, духовную и физическую красоту. Не зря она получала величественные имена – Евы, Авроры, Маргариты. Были изданы ее дневники и письма. Да и похоронена она рядом с Михаилом Афанасьевичем, на почетном месте Новодевичьего кладбища. Мастер, как и в финале романа, обрел выстраданный покой со своей Маргаритой.

А как же вторая муза, Л.Е. Белозерская? (По счету браков Булгакова она числится именно второй.) По принятым обычаям и неписаным законам она, как вторая, оказалась полузабытой и затененной.

Так уж заведено в нашем грешном мире, что для многих мужчин мало одной, Богом данной женщины, и они устремляются на поиски своей самой подходящей, самой соответствующей половины. Биологи, психологи, этнографы, психоаналитики и другие специалисты спорят о моногамии и полигамии, непредсказуемости и странности любви, а мужчины (женщины чуть в меньшей мере) продолжают поиск... Ну, если простые смертные обречены на подобные метания, то творческие индивидуумы уже по своему складу определены в искатели...

О том, как много значила Любаша, Любана, Любан, Любинька (и еще подобные ласковые обращения мужа), лучше всего, очевидно, может передать перечень созданного Михаилом Афанасьевичем за годы их восьмилетнего проживания. Широко известный, наделавший много шума роман «Белая гвардия» он посвятил ей. Она для него писала под диктовку, переводила с французского, выполняла различные поручения, вела хозяйство. Да еще выкраивала время на верховую езду и автомобильные курсы. Не исключалось приобретение автомашины: так налаживалась жизнь в нэпманское время.

За эти совместные годы появились пьесы Михаила Афанасьевича: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Адам и Ева», «Кабала святош», и особенно приметный, связанный с ее рассказами об эмиграции, знаменитый роман «Бег». Ко всему этому и страницы первой редакции романа о дьяволе, который со временем получил название «Мастер и Маргарита». Ни до, ни после не было такой полноты творчества. Не было недостатка и в трудностях, драматичности реальной жизни.

О том, как все это переживалось (в частности, обыск в квартире писателя), Любовь Евгеньевна сохранила такую подробность. Гэпэушники заявили в такое время, когда Михаила Афанасьевича не было дома. Вдруг знакомый

стук в дверь. Она бросилась открывать и, увидев его, сказала шепотом: «Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск...». Он держался «молодцом». Чекисты-«искусствоведы» занялись не только книжными полками, но и креслами – кололи их длинной спицей. И тут Михаил Афанасьевич неожиданно громко заявил: «Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю за это...». (Кресла эти были куплены накануне на складе бесхозной мебели.) «И на нас обоих напал смех, может быть и нервный», – вспоминала Любовь Евгеньевна. Вот такие шуточки. Обошлось без ареста.

Какое-то время спустя, в 1926 году писатель обратился в Совет народных комиссаров и добился, чтобы ему возвратили изъятые рукописи. Но желание писать дневники у него с тех пор пропало.

По признанию всех друзей и знакомых, Михаил Афанасьевич был хорошим и даже примерным семьянином. И это на фоне яростных дискуссий о браках втроем, пробных браках, коллективной любви. И отношения с женами у Михаила Афанасьевича были предельно честными и открытыми. При расставании дело никогда не доходило до скандалов. Первая жена Татьяна Николаевна Лапа вспоминала, что в домоуправлении все очень удивлялись, что они разошлись (после 16 лет верности и взаимопонимания).

Может, чувства изживают себя?.. Возможно, это генетическая потребность обновления... Или превратности судьбы – кто объяснит?.. Но расставаться надо достойно. Когда у Михаила Афанасьевича появилась Елена Сергеевна, и они сошлись, то еще несколько месяцев проживали в одной квартире, под одной крышей с Любовью Евгеньевной. Конечно, тяжело, мучительно. Но что было делать в условиях нехватки жилья, «коммуналок» и уплотненности?..

У Михаила Афанасьевича не было тайных любовниц. Нравственный, моральный уровень его самого и его «муз» был таков, что они не могли опуститься до пошлости, дрязг и скандального «выяснения отношений». Уж не говоря о жалобах и доносах в партком и профком на неверных мужей или жен...

Писатель Булгаков мог с полным основанием отнести на свой счет чеховское признание: «Медицина была моей законной женой, литература – любовницей...». Только эти соотношения сложились достаточно драматично и в сложное время революции, гражданской войны, разрухи. Университетская подготовка, опыт земского врача давали возможность выжить при самых экстремальных обстоятельствах. (В годы революционной вакханалии в родном Киеве молодой терапевт вынужден был даже на время стать венерологом.) И бегая в Москве – он приехал в нее в 1921 году – в поисках заработка, Михаил Булгаков вполне мог сохранить верность «законной жене» – медицине и стать преуспевающим обеспеченным врачом. Но, очевидно, не он первый, не он последний, кто, вопреки житейской логики и расчету, пришел к своему призванию. И три его «музы» не только вдохновили его, но и существенно помогли на тернистом подвижническом пути.

КОГО НЕ ЗАБУДУТ ПОТОМКИ

В один из своих приездов в Москву мне посчастливилось провести вечер у «человека из будущего» – назовем его так. Он действительно больше, чем кто-либо другой, представлял людские мечты в конкретном их воплощении.

Хотя за стенами его квартиры кипели тогда, в начале 70-х гг., другие страсти. В частности, в печати, по радио и телевидению шла неистовая травля А.И. Солженицына. С особым остервенением и наслаждением, даже упоением, оскорбляли еретика маститые ученые и писатели. Казалось, вот-вот потребуют, если не его растерзания, то выставления на лобном месте для всенародного оплевывания.

Меня подмывало спросить мнение по этому поводу у Ивана Антоновича. Но мой вопрос в то время мог выглядеть, если не провокационным, то бестактным. И поэтому я его дипломатично приберег к удобному моменту. А пока что беседа пошла к выяснению места писателей в том предсказуемом грядущем будущем. Твердой уверенности, что потомки наши умерят материальные излишества, погоню за комфортом и переключатся скопом на духовные ценности, Иван Антонович не выражал. Но всё же надежды не терял. Перед литературой возникли важнейшие проблемы: человек и техника, человек и общество. От их решения зависит, в какой психологической атмосфере окажутся наши потомки. И роль фантастики не такая уж увлеченная, как кое-кому может показаться.

Я вспомнил замечание Жюль Верна о том, что фантастика является своеобразной критикой действительности. И Ефремов увидел крушение современного ему общества. Вот почему в конце своей жизни он почувствовал неудовлетворенность, пришел к мысли о возможных катастрофических последствиях прогресса науки. При этом замечал, что хотел бы остаться хоть и сдержанным, но всё же оптимистом. Люди станут более совершенны, одумаются. Ведь подавляющее большинство людей не хотят самоубийства, заботятся о детях. На писателях особая ответственность. «Смотрите, какая значительная роль одной какой-нибудь примечательной книги для пробуждения совести, тревоги у тысяч и тысяч, а может, и миллионов».

И тут Иван Антонович после рассказа о себе представил не то чтобы идилическую картину, но попытался с верой или знанием, а может, и с тем и другим во взаимосвязи, представить один из вариантов грядущего.

...В юношеские годы были разочарования. Но в такие годы они не страшны. Слишком далеко и высоко приходится в юности забираться в своих книжных, не совсем реальных, нередко наивных странствиях. Но жизнь возвращает на землю. Случается и на мель попадать. Ничего трагического в этом нет. Важно не потерять перспективы, не скатиться к крохоборству. Сохранить тягу к знаниям, благородные романтические устремления...

Мечты и детские, и более зрелые, естественно, наталкиваются на трудности. И тут надо найти ту оптимальную линию, которую можно осуществить. Самому это сделать трудно и почти нереально. Жизнь непроста, сурова. И была б еще более неприветливой и мрачной, если бы не было у молодежи опоры со стороны старших, бывалых и опытных. Они-то и помогают перенести юношеские устремления на рельсы реальности. Такими учителями, которые дали мне не только знания, но и заряд воли, нервной энергии были ленинградский учитель математики В.А. Давыдов и академик П.П. Сушкин. Я возвратился в школу красноармейцем-переростком, собирался бросить учебу. А они меня заметили, поверили в меня. Началась учеба. А потом снова скитания. Но это уже были скитания другого рода – экспедиции.

Вообще, путешествиям я придаю большое значение. И убежден, что инстинкт к передвижению, «охота к перемене мест» – одно из основных устремлений человека. Оно идет еще от первобытного состояния, когда охотник был

разведчиком новых мест. Однообразие притупляет наши чувства.

Мечта о бродяжничестве не дает покоя молодым. Но скитальцы бывают разные. В бродяжничестве, которое было популярно до революции, во многом «виноват» Горький. Его бродяга противопоставлялся «скопидомам» – людям, расчетливым до скупости, как писал В. Даль. Такой тип превратился в фигуру политическую, хотя и был без положительных действий, деклассированный. Сравнительно привлекательней бродяги Джека Лондона – своеобразные пионеры, которые шли неведомыми путями, открывали новые области.

В наших условиях сама жизнь выправила и направила по нужному руслу бродяжничество. Оно возрождено на новой основе, стало пионерством в различных областях. Думаю, что в будущем это увлечение примет невиданный размах и в силу тяги к природе, жажды впечатлений, да и по причине самого воспитания. Я описал в своем романе «Туманность Андромеды», как будут перебрасываться школы из одного места в другое, климатические зоны станут изучаться на месте...

Сейчас так велик взлет техники, что и фантазии особенной не надо. Важно сохранить интерес к живому миру. Есть серьезная опасность – пустое увлечение техникой. На Западе «ангелы смерти» устраивают сумасшедшие гонки на мотоциклах и авто. Вот и приходится слышать от некоторых незрелых людей: «Толстой лицемерил в сексуальных вопросах» или «У Достоевского слишком мелочные переживания». Такое интеллектуальное убожество к добру не приведет. Хочется верить, что потомки будут лучше нас. Но поручиться за это трудно. И если их интересы ограничатся только транзисторами, автомобилями и другими подобными аппаратами, то в этом и наша вина. Погоня за вещами должна переключиться на погоню за духовными ценностями.

В этом предостережении должны и могут помочь писатели. Задача перед литературой сейчас, возможно, как никогда раньше, ответственнейшая. Трудно себе представить, чтобы техника опередила, подавила мораль. Иначе машина станет не средством, а целью.

Писатели должны решать реальные, а не дутые проблемы, создавать не подделки, а по-настоящему волнующие, полезные произведения. Правда, и сейчас есть произведения, которые хотя бы частично отвечают высоким требованиям будущего, но какие смогут выдержать испытание временем – предсказывать не берусь. Пророчество – дело рискованное даже для фантастов. Я думаю, что такое испытание выдержит тот автор, который все силы ума и сердца отдает литературе, основательно знает жизнь, ведет себя честно...

Романтика не расходится с реализмом, у нее лишь иной угол зрения. У нее шире взгляд, она больше связана с историческим прошлым, местом, комплексом явлений, ведет дальше этого явления. Для меня нужно объяснение причин. У реализма более узкий, более детальный взгляд, и хотя он и глубокий, но без достаточной перспективы. Тут есть опасность утраты не только широты, но и обещания, которое сулит жизнь. А без такой надежды, мечты и сама жизнь невозможна. Чем меня привлекает такая фигура, как Дерсу Узала? Дерсу Узала дан как тип исторический во всей связи с природой, а потом уже как индивидуальный характер. Тут обычаи, традиции, широкий охват жизни, ее закономерностей. Мне хотелось бы видеть писателя, как историка Земли. Планеты. Писателю не обойтись сейчас без помощи кибернетики. Ведь в мире ежегодно издается

огромное количество новых романов и повестей, не говоря уже о переизданиях. Человек тонет в книжном океане. Это тоже немаловажная угроза. При стандартности жизни и образа мышления человек живет не здоровой потребностью приключений, а литературной наркоманией. Почему на Западе стал популярным Джеймс Бонд? Обыватель не видит другой возможности стать героем, иначе, как становясь тайным агентом. Это героизм наизнанку. Где уж тут до мечты!

Как же спастись в беллетристическом наводнении? Одно самостоятельное воспитание тонкого вкуса к литературе тут не поможет. Необходимы объективные критерии и оценки. Основным отражением в литературе, очевидно, станут волнующие людей темы: их чувства и мысли, эпос путешествий и т. д. Но как выбрать что-то значительное, талантливое? Несомненно, без электронно-кибернетических гидов тут не обойтись. Немаловажны социологические исследования по литературному творчеству, читательским интересам. Руководствоваться авторитетами или интуицией становится рискованно.

Меня часто спрашивают, не вытеснил ли писатель-фантаст сказочника, не утрачен ли престиж сказки, фольклора? Думаю, что угроза не с этой стороны. Дело, очевидно, в изменившихся условиях. Фольклор основывается больше на событиях, имевших место в жизни, отталкивается от них. Другой вид фантазии, я бы сказал, чистой фантазии, человек создавал более абстрактно, более отрываясь от земли, придумывал, строил события, которых никогда не было. Эта мечта была самым сильным оружием, с помощью которого он одерживал свои победы. Она охраняла человека от невзгод, не давала ему сломиться. Щит мечты, броня фантазии – я не знаю более надежной защиты. Мечта была тем мечом знания, с которым он пробивался и пробивается к будущему. Опасение внушает не исчезновение сказочников. Утрачивается задача фантазии из-за чрезмерного увлечения комфортом, голой техникой, материальными излишествами. А человеку присуще духовное восхождение!

И вот один из «откликов»...

Уважаемая редакция!

В № 6 за 1994 г. (журнал «Энергия») опубликована статья о И.А. Ефремове, где говорится, что П. Супруненко, якобы, встречался с писателем и беседовал с ним. Являясь почитателем И. Ефремова, я ждал, что редакция или читатели отреагируют на это «интервью». К сожалению, «интервью» либо не было замечено читателями (катастрофически мал тираж журнала, благодаря «реформам» по «дебилизации» всей страны!), либо ему, увы, не придали должного значения.

Итак, не отрицая возможности встречи автора с писателем, хочу заметить, что «интервью» носит явно провокационный характер, обливая помоями светлую память выдающегося ученого-мыслителя. Кстати, П. Супруненко даже не отрицает этого, когда называет свой вопрос о А. Солженицыне к И. Ефремову «если не провокационным, то бестактным».

Время «застоя» здесь ни при чем – когда иные псевдодемократы ходили с фигой в кармане, рассказывая анекдоты на кухне. Попутно досталось и М. Горькому, который противопоставлен Д. Лондону. Будем справедливы: в советское время Горький вряд ли бы бродяжничал.

Иван Антонович был убежденным коммунистом, в отличие от «коммутантов» типа Яковлева, Волкогонова и других – о чем свидетельствует все его творчество. П.

Супруненко, похоже, не читал «Туманность Андромеды» – монументальную повесть, воспевающую коммунизм. К сожалению, конец XX в. не оставляет надежды на возможность построения такого общества в обозримом будущем, как и возможность решения глобальных проблем: экологической, энергетической, демографической и многих других. Наш мир медленно погружается в унылое и трагическое время «Часа быка».

Очень надеюсь, что редакция журнала опубликует мое краткое письмо. С глубоким уважением к коллективу редакции и пожеланием успехов.

**Ваш постоянный читатель,
член Российского СоЭС,
геофизик Н.М. ЦЫПЧЕНКО**

Уважаемая редакция!

Для начала дам справку. Мое интервью с И.А. Ефремовым, которому автор письма приписывает «явно провокационный характер», было в свое время послано для ознакомления писателю, и в ответе он его одобрил (буквально – «оно получилось интересно»).

Я полностью согласен с уважаемым Н.М. Цыпченко, с его просьбой опубликовать письмо: оно лучше всяких комментариев говорит само за себя. Разногласия среди читателей существуют не только по поводу творчества И.А. Ефремова. Слава Богу, что есть возможность их высказывать, и за это ни авторов писем, ни журналистов не вызовут «куда следует», как практиковалось в те памятные времена.

О том, насколько «убежденным коммунистом» был И.А. Ефремов, лучше всего можно судить по его произведениям, в частности по роману «Час быка», который запрещала советская цензура. Да и по обыску, изъятию рукописей в квартире писателя.

Читателям старшего поколения (а я принадлежу тоже к ним) не стоит, наверное, заниматься причитаниями о том, как наш мир погружается в унылое и трагическое время, о безнадежности будущего. Оно, по всей видимости, не будет ни коммунистическим, ни капиталистическим. Внуки не глупее своих дедов, выйдут из самых сложных испытаний и определяют свое время согласно содержанию. Этому сдержанному оптимизму учат книги И.А. Ефремова.

С уважением П. П. СУПРУНЕНКО

Я успел еще получить от Ивана Антоновича открытку, в которой он подтверждал свои раздумья. А вскоре его не стало. Не забыли его не только читатели. В его квартиру ворвались, как тогда их называли, искусствоведы в штатском. Рылись в оставшихся рукописях, бумагах.

Вроде надо было удивляться. Ведь Ефремов был законопослушным, лояльным писателем. Ну, позволяя себе пропагандировать парасихологию (в «Лезвии бритвы»), намекнул на опасность тоталитаризма (в «Часе быка»). Но и этого оказалось достаточно... Впрочем, это у них, кажется, называлось профилактикой. Я вспомнил при этом одного моего знакомого журналиста. Он, сам бабник и забулдыга, устраивал своей ни в чем не повинной жене скандалы, упреки в измене. И на вопрос, зачем он так делает, отвечал: для профилактики...

Поживи еще несколько лет при нарастающем маразме и кретинизме так называемого застоя, не ввел бы Иван Антонович в свою фантастику имен Сахарова и его сподвижников, как это сделал Артур Кларк?

ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ

Когда мы не утруждаем себя более глубоким разбором случившегося, то валим всё на судьбу-злодейку. Хотя еще древние римляне видели в ней связанную цепь причин. Я задумался об этом после того, как чуть-чуть не попал в ссылку в Сибирь. И одной из причин не случившегося оказался разговор с примечательным писателем и отзывчивым человеком – Владимиром Дудинцевым. Мы могли встретиться с ним на фронте: оба прошли через военное пекло. Более вероятной была возможность оказаться в одной связке на альпинисткой тропе в одних и тех же местах на Кавказе в ущелье Адыл-су в мои студенческие скитания. Но немного разминулись. И уж наверняка он мог накатать на меня обзор, как делал это по другим сборкам в бюллетене «Комсомольской правды». Но ко времени моего прихода в редакцию он как раз ушел оттуда на вольные писательские хлеба.

Затем встреча наша стала более predeterminedной. После того как мною начал заниматься КГБ, я, мягко говоря, стал ощущать дискомфорт. Меня не только исключали, увольняли с работы, но и давали понять, что не оставят в покое. Правда, в свое ведомство уже не вызывали, но просили зайти в редакцию или отделение Союза писателей. Случалось, заявлялась ихняя миловидная стерва в милицейской форме ко мне домой с проверкой документов и трудовой занятости целенаправленно, ни к кому другому в доме не заходя. А то вызывали повестками в отделение милиции, в областное управление МВД и выясняли мое алиби в каком-нибудь уголовном преступлении. Словом, были настроены опекать меня своей заботой всерьез и надолго. И, видимо, заносили об этом отчеты в досье, делали вид перед начальством, как необходимы органы для жизненно спасительной борьбы с «идеологической диверсией».

И я не выдержал: решил скрыться от их «всевидящего ока». Может, в какой то мере подтолкнул меня на это и старый журналистский волк, запорожский корреспондент железнодорожной газеты Ленья Ардашов. С привычной для себя постоянной легкой улыбкой он рассказал о своей передрыге в злосчастном 1937 году. Зашел к нему его приятель прокурор, с которым он частенько с пивком поигрывал в шахматышки, и по-дружески посоветовал ему срочно, немедленно взять билет и уехать из города. Он, мол, частому назад был вынужден подписать ордер на его арест по представленному списку. Ардашов последовал доброму совету и несколько месяцев скрывался у сестры на подмосковной даче, только ночью выходя на прогулки. Подоспело разоблачение ежовщины, и Ленья, уцелевшим, благополучно вернулся домой.

У меня ни сестры, ни дачи не было, и поэтому я решил скрыться подальше – в Сибирь... Выписался, снялся со строгого паспортного учета, взял запасное белье. Добрые знакомые мне еще раз предлагали денег на дорогу и обустройство. По пути остановился в Москве, в общежитии у сына, аспиранта Академии наук (больше всего я боялся, что из-за меня КГБ нагадит ему, начинающему жить).

В связи с моим «бегством» в Сибирь хорошо было бы посоветоваться с кем-либо из опытных и авторитетных людей. Выбор мой пал на Владимира Дудинцева. Может потому, что у меня с ним уже была одна памятная встре-

ча... Предпраздничный день 31 декабря был полон хлопот. Дудинцев торопился куда-то с отъездом. И, тем не менее, нашел возможность принять гостя. Сразу же, как я вошел в квартиру, предложил со всеми отобедать, неудобно было как-то сразу садиться за стол, но и отвлекать время на разговоры также не стоило. Разместились в тесноватой кухне. Буквально в тесном кругу. Владимир Дмитриевич был деловому настроен и за обедом: ожидал от меня вопросов. Лицо у него старше своих лет, усталого озабоченного человека.

Сын Ванюшка, лет семи, краснощекий сорванец, поглядывал иногда на незнакомого дядю, а больше был занят своим котом с роскошным пушистым хвостом. «Так и ждет, как со стола пирог упадет», – заметил мальчишка. Домработница Маша, словоохотливая дородная девушка, тоже не преминула откликнуться на это замечание. «Видите, он у нас служит на задних лапах. У вас там, – обращалась она ко мне, – наверное, так служить не умеют? А здесь в Москве все служат...» В.Д. понимающе улыбнулся Машиным обобщениям.

Реплика внесла разрядку в немного скованную для меня обстановку за столом. В перерыве между подачей блюд, а потом и с переходом в комнату, протекала беседа. Когда Ванюшка нетерпеливо посматривал в окно, я спросил В.Д. не причастен ли сынишка к той ватаге, которая воевала против «бешенного мальчишка» (так и рассказ назывался, тоже наделавший шума). В.Д. согласился, что подобное событие произошло здесь во дворе, что и сейчас каждое утро можно видеть, как выводят на прогулку откормленных псов надменные «хозяева жизни».

Я попытался выяснить, сходил ли замысел автора с толкованием многих читателей – не напоминал ли его рассказ «Муму»? Если нет жизни от номенклатурных жильцов собаке, то, каково приходится людям. «Писатели редко предполагают последующее истолкование их творений». Дудинцев в беседе не раз уклонялся от прямых ответов. А потом и объяснил почему. «Связь у меня с читателями, можно сказать, подпольная, конференции и встречи мне были запрещены. Нахлынуло много посетителей: я даже не знал как поступить. Пришлось установить приемный день. Очень много писем, приглашений в гости, предложений помощи» – «Но были и оппоненты?» – «Но я не спорил... А то писали жалобы...». Подумалось, нужно было подразумевать доносы. Отсюда и сдержанность.

Вспомнили обсуждение романа в ЦДЛ: здание находилось в облоге, с «охраной», конной милицией. Прорвалась только куца информация. Паустовский резко сказал – о дудинцевской беспощадной правде, которая нужна людям, Тендряков о ненависти к руководящим Дроздовым. Симонов пытался сглаживать углы. Прямолинейный Овечкин призывал к разоблачению: «Как можно вымыть человека, не сняв с него одежды? Как можно лечить язву, не прикоснувшись к ней?». Сам Дудинцев понадеялся тогда, что такие чиновники, как Дроздов, обречены подобно динозаврам. Ну, они и взбеленились: с новым усердием ломали хребты непокорным, забивали рты кляпами. Это почувствовал на себе автор романа. Да и многие его читатели.

В.Д. вначале совмещал разговор с починкой настольной лампы, а потом стал просматривать пробирки с дроздофилами. Он вел свои опыты, собирая материалы к роману «Белые одежды» – новому обличению.

Дудинцев был заметным предшественником Солженицына на новом «крутом маршруте» советской литературы. Судьба его складывалась менее драматично, чем у ав-

тора «Архипелага ГУЛАГ», хотя выживать ему тоже пришлось нелегко. Не хлебом единым. Но и хлебом тоже. Помогали соотечественники и даже за граница. Случилась, как мне тогда поведал Дудинцев, «манна небесная». Один из зарубежных издателей прислал ему изданный роман, и в страницах его – чек или даже купюры. Гонорар был настолько весомый, что автор смог купить автомобиль, чтобы ездить на дачу за выращенной картошкой. Власти не стали преследовать «валютчика»: избегали шума. Стоит ли говорить о том, что записанная мной беседа не могла быть напечатана. Не исключено, что она хранится где-нибудь в архивах КГБ.

В этот новый неблагоприятный заезд в Москву мне не хотелось надоедать с визитом к опальному писателю. У него, нужно полагать, и своих забот хватало. Хотя прошло около двух десятков лет, а его, в назидание другим, держали в черном теле, не печатали. Но очень уж муторошно было у меня на душе. Куда ехать, к кому обратиться? Никаких знакомых в Сибири не было. В редакцию не возьмут, сразу по команде уволят. Определяться, как мой старший сын, лесорубом или нефтяником для романтики – уже не те годы. Да и погода московская подоспела к бесприютной безнадеге: давили к земле тяжелые тучи, сбивал пронизывающий ветер.

Еще и встреча с одним новоиспеченным москвичом – писателем, бывшим моим студенческим однокашником оставляла горький осадок: мы прошли мимо его дома, и он не пригласил даже погреться, на чашку чая. Во время нашей «прогулки» Владлен Анчишкин разглагольствовал об особой группе крове у москвичей, о том, как Москва бьет с носка, и советовал мне молить начальство на коленях о прощении и снисхождении. Он даже обещал позвонить кое-кому о приеме... И это говорил бывший фронт-овой артиллерист с боевыми орденами, с которым мы жили в одной комнате в общежитии, делились скудными харчами. Я поторопился с ним распрощаться.

Затем все-таки решился позвонить В. Дудинцеву. Почувствовал ли он беспросветное уныние в моем голосе, обрел ли он отзывчивость в своих бедах или наследовал ее по природе, не знаю. А только попросил приезжать немедленно, так как через 3-4 часа он должен уезжать из города. Разговор состоялся непродолжительный. Во время него он выяснял, уточнял некоторые детали, подробности, вроде того, не даю ли я интервью иностранным корреспондентам, не собираюсь ли туда, «за бугор»? И при расставании ещё раз наставлял, убеждал, что их, т.е. властей, не надо бояться. Разве не видно, что они сами стали бояться огласки, инакомыслия, самиздата. От наступающих перемен никуда не деться. Нужно возделывать свой сад... И действительно, не много ли им чести – самого себя отправлять в добровольную ссылку. С обретенной поддержкой отзывчивого человека я возвратился домой. В работе набрел даже на одну «золотую жилу». Но об этом в отдельном рассказе.

ПОЙМЕМ ЛИ МЫ СЕБЯ

В накуренном редакционном кабинете каждый волновался по-своему: один курил сигарету за сигаретой, другой шагами «измерял пространство» между столами, третий нервно чертил и зачеркивал что-то на газетной полосе, четвертый сжимал кулак... Словом, равнодушных не было.

– Гадко на душе. Дождались. Нашли после Павла Корчагина героя, который миски чужие вылизывает...

– А от чего гадко? От своего же приспособленчества...

– Кто знает, как бы ты себя там повел. За колючей проволокой сознательность порой иначе проявляется...

И так далеко за полночь. И не одна схватка. Охрипшие, со свинцовыми головами (самое тяжелое редакционное дежурство не доводило до такого) расходились по домам, доспаривая на улице. После таких словопрений невольно задумывался: откуда такие противоречия? Разница вкусов и возрастов? Их почти не было. Неглупые, толковые ребята, окончившие университеты, любившие литературу. И вот разногласия.

Ответ пришел не сразу.

Критика не вносила ясности. Она была такой же противоречивой, к тому же велась с оглядкой. Литературоведы часто решали схоластический вопрос – положительный или отрицательный герой Иван Шухов, умен он или не очень, сложный у него характер или примитив... Одни, превозносили автора как новоявленного Льва Толстого, другие низводили его до уровня районного очеркиста, обвиняя в натурализме. А, в общем, уповали на лучшего судью – время.

Но сколько можно ждать?

Когда перепалки в редакционных кабинетах поутихли, тревожные мысли не ушли – спор продолжался с самим собой. Понемногу дискуссионный чад выветривался из головы, появлялось новое отношение к повести.

Правильно ли я понял автора? Никто не мог ответить на этот вопрос лучше, чем сам Солженицын. Вот тогда и созрело решение написать ему письмо.

«Спор по Вашему «Одному дню» и сейчас еще много. Иногда я думаю, а что было бы, если б показали не один день, а этак с годик – вот переполоху было бы. А так, за один день, Вас даже похвалить изволили. Ну, вот тут и загорелся сыр-бор. Одни называют Вас приспособленцем, другие закрывают уши от соленых словечек, третьи квалифицированно судят, как бы выиграл главный герой, если бы у него было пролетарское происхождение; четвертые рвут и мечут – почему не показан цвет нации, те полмиллиона арестованных интеллигентов-борцов, настоящих людей, пятые –...

Словом, претензий и толков много, а только без учета времени и условий. По-моему, хорошо! Для одного дня просто здорово! История-то, она, как мне кажется, штука и самая простая, и зависит не от умных интеллигентов, таких как Цезарь и даже Иванов-свет Денисовичей. Они-то на своих плечах все держали и держат: и войну, и тюрьму, и «культы личностей», и все беды, какие только на них не валяются (как же им отказать в центральном месте в повести?!).

А что уж этот Иван Денисович ведет себя так вяло, сонно, пассивно, а иногда и приспособиваясь к обстановке, так это лучше бы спросить у него – такова у него записка, да и обстоятельства так сложились. Критики находят в нем каратаевщину и возмущаются. Что ж, возможно, есть что-то и от Каратаева. Но мне почему-то вспомнился на этот случай Тюлин, короленковский перевозчик. Это о нем говорили, как об истинном представителе народа. Ну, вот представим, что река не играла, и Тюлин попал в лагерь. Я себе легко представляю не только это, но и то, что стал бы он никем иным как Шуховым Иваном Денисовичем.

Конечно, времена меняются. И если Тюлина мало кто раньше замечал кроме литераторов, то наступили времена, когда за Иванов Денисовичей произносил тост сам вождь

всех времен и народов: он пил не столько за их ясный ум, сколько за дьявольское стоическое терпение. Если брать одного Ивана Денисовича, может жалко и обидно за него. Но если взглянуть на них сплоченных в стройные ряды, то невольно приходит тот мудрый афоризм, что каждый достоин своей участи. Словом, впечатление у меня такое, что я побывал вместе с Вами в лагере (да еще и сейчас в какой-то мере нахожусь под этим впечатлением).

А что касается Вашего «Матрениного двора», то через него как никогда отчетливо я увидел Россию, великую и печальную. Есть у нас ракеты, и гиганты индустрии, и выставки достижений, но они не заслоняют этого двора...

Спасибо Вам за правду!

Трудная у нас жизнь, а с ложью и того горше. И странно, поэтому выглядят некоторые наши писатели. Пишут много, читать нечего. И не примечательно ли, что правдивое слово в нашей литературе прозвучало не от признанного «инженера человеческих душ», а от человека, которому уже нечего терять...

Один мой товарищ по этому поводу горько пошутил:

– Видно, почаше наших писателей надо определять в места не столь отдаленные. Может быть, начнут писать правдивые произведения.

Юмор, прямо скажем, мрачный. Но что сделаешь, если у нас на Руси издавна уже смеются сквозь невидимые миру слезы.

Дорогой Александр Исаевич! Я понимаю, как дорого время. Но если уж у Вас хватило терпения дочитать это письмо до конца, то может, найдется несколько минут для того, чтобы черкнуть записку: «С вашим толкованием Ивана Денисовича не согласен, или наоборот». Дело не в тщеславии читателя, которому ответит сам автор, а в сознании своей правоты. Без нее жить трудновато. В этом весь гвоздь».

Прошло продолжительное время, но послание не осталось без ответа. Александр Исаевич не только поблагодарил меня за письмо, но и отметил, что написано оно «с сердцем и памятью». И еще по поводу затронутой темы:

«Благодарю Вас за ясное понимание выбора героев и их поведения. Вы так все отлично объяснили, что мне добавив нечего, каждый бы читатель так понимал! Да, потому и взял я Ивана Денисовича, что на плечах его – все, здесь, в лагерных условиях, он как бы на переднем крае. Тем, кто «сохранял идейность», сидя около теплой печки и подальше от «общих работ», конечно, досадно, что кто-то другой, а не они окажутся главным героем в исторической перспективе».

Так начиналась переписка читателя с писателем.

КАКАЯ ОНА, НОВАЯ МУЗА

Иногда в порыве и в увлечении делаешь такие поступки, на которые потом никогда бы не решился. Даже совестно становится от своей наивности. Но предпринять что-либо уже бывает поздно. Слово, не закрытое под семью замками, уже вылетело почтовым воробьем и поймать его никак нельзя. Так получилось и у меня с другим письмом к Солженицыну.

О его повести продолжали спорить так ожесточенно и, наконец, так искренне, как давно не обсуждали литературное произведение. Сталкивались различные убеждения. Суть была вовсе не во вкусах и наклонностях – через книгу

приближались к пониманию происходящих событий. Осмысливалась жизнь.

Никогда, пожалуй, этот спор в печати не доходил до такого накала, как в те дни, когда выдвинули «Один день» на присуждение Ленинской премии. И поначалу можно было надеяться, что автор станет лауреатом. Была бы не просто оказана высокая заслуженная честь. Это была бы победа «ревизионистов», там, в «верхах», не столько пеклись о правде, сколько приспособливали Солженицына к политиканству, к своей борьбе за власть.

И вот дернуло же меня накануне окончательного решения написать Солженицыну поздравление. Мне хотелось сделать это одному из первых, потому что, казалось, я больше всех желал такой награды. Но после статьи в «Правде» стало ясным: «Одному дню» бьют отбой.

И вот в такие неприятные минуты автор должен был получить еще и письмо с поздравлением. Становилось неловко за поспешность. Правда, в письме у меня были и такие строчки:

«Правится Вам или нет, но Вы, как видите, становитесь властителем дум, борцом за свободу и демократию в самом истинном значении этих великих слов. Если там, в верхних инстанциях, догматики и талмудисты (назовем их так мягко) не удостоят Вас премии, то я надеюсь, Вы особенно огорчаться не будете. Черт возьми, верьте, рано или поздно придет к Вам Нобелевская премия, или что-нибудь поважнее, вроде всенародного признания. Жаль только, что такое признание приходит часто с опозданием».

Может, не совсем осознанно, но получалось, что я первый предрек ему «Нобелевку».

Кроме того, я обратился к Солженицыну с просьбой высказать свое отношение к телевидению. Работая на студии, я хотел подготовить ко Дню радио и телевидения специальную передачу. Я готов согласиться, что экран, пришедший в квартиры, ей-богу, великое достижение и даже чудо, как выпендрено писали о нем в печати. Даже в нашей провинциальной студии аудитория исчислялась миллионами людей – «тираж» трудно и страшновато себе вообразить. Я готовил такие вопросы: «Что Вы скажите о первом опыте телевидения, о его успехах и неудачах, его значении? Есть ли, будет ли телевидение искусством? Каким Вы представляете телевидение в будущем?».

Безусловно, «голубой экран» – трибуна необычная, и влияние его на литературу и самих писателей – вопрос безынтересный.

Но выяснить его у автора «Одного дня» именно в то время было не совсем кстати. И вот какой ответ последовал из Рязани в июне 1964 года. «Благодарю Вас за дружеское письмо. Очень сожалею, что на анкету Вашу не могу ответить не только потому, что это был бы род интервью, но и потому, что на нее исчерпывающе ответил Рэй Бредбери в книге «Фаренгейт, 451». (Честно Вам скажу: на телеэкран никогда не смотрю и считаю его полезным разве только для пенсионеров.)».

Коль уж зашел разговор о телевидении, то я решил довести его до конца. Тем более, что не только у одного Солженицына было такое предубеждение против «Новой Музы».

«Вполне допускаю растущую роль телевидения в порядке общения между людьми на дальних расстояниях и как одно из средств для познания и самообразования.

...Все может стать искусством, если за него возьмется подлинный художник.

На данной стадии развития кино и телевидения – не считаю ни то, ни другое искусством. Предмет искусства,

на мой взгляд, не может быть преходящим, он остается. Вот почему, когда кино или телевидение берутся экранизировать настоящее монументальное искусство, это всегда плохо или безмерно ниже оригинала (Гомер, Толстой, Шекспир и т.д.)». (Это из письма ко мне М.Шагинян.)

По-разному привязывались к «голубому экрану».

Молодежь, не анализируя особенно эстетического отношения искусства к действительности, рвалась из душных комнат на улицу, не переносила, как заигранных пластинок, шаблонных повторений и тянулась больше к кино-театрам, где демонстрировались неореалистические итальянские фильмы. Редко, но прорывались на телеэкран интересная беседа или концерт. Общее впечатление было непростое, противоречивое. Об этом и хотелось написать в ответном письме Солженицыну.

Писатели редко появлялись на экране, так же редко выступали перед читателями. Естественно, люди хотели видеть больше, чем им дозволено смотреть через установленные шторы.

Тогдашние ораторы выступали больше по шпаргалкам да все долдонили прописные истины. На собрания и лекции людей тянули буквально силком – задерживали на проходных, не выдавали пальто в раздевалках, за непосещение лишали премий на производстве. «Живых» писателей на ТВ видели редко.

Как-то я встретил на студии одного из местных литераторов. Он возмущался: как это люди из-за экрана откладывают книги. И спасая литературу, считал телевидение врагом номер один. Книги он защищал по-своему и решительно.

– Вот возьмите, к примеру, брачную ночь... Какие поэтические строчки посвящены ей в книгах! А представьте, можно ли изобразить такую ночь на экране?!

Слушавшие его уже не улыбались, а хохотали. А он пожимал плечами:

– Не смешно...

Но когда приходилось сопоставлять картины Брэдбери с действительностью, было далеко не до смеха.

Будущее выглядело не так уж фантастически и отвратно, а прямо-таки мрачновато.

Человек находился в толпе. Ему не надо было думать. Журналы превратились в разновидность ванильного сиропа, книги – в подслащенные помои. Слово «интеллектуальный» стало бранным. Специальные пожарники денно и нощно боролись за людское счастье. Они выкачивали при надобности жидкую меланхолию, заменяли кровь. В домах на стенах – видео-шпалеры. Царила бездна красок и пустая болтовня. После телепередач было такое чувство, как будто вас протащили сквозь стиральную машину или высосали гигантским пылесосом.

ПОВОД ДЛЯ УЛЫБКИ

Доходили слухи, что на московской квартире Солженицына был проведен обыск. Что с ним?..

Я послал ему новогоднюю поздравительную открытку с изображением очень потешных балалаечников. «Вижу Вашу грустную улыбку при взгляде на этих представителей «казенного оптимизма»...».

На мои пожелания весны и счастья, кроме благодарности и добрых ответных пожеланий, были и такие строчки: «Со страшным опозданием отвечаю потому, что несколько месяцев меня не было дома. А письмо Ваше при-

шло аккуратно и даже нераспечатанным. Чтобы в другой раз избавить Вас от такого окольного пути, сообщаю Вам свой адрес: Рязань, 12, проезд Яблочкова, 1, кв. 11. Прочел Ваш ответ Вучетичу, несколько раз посмеялся. Статья, конечно, была не его – а ведь никогда нигде не дали ответить. Лягнул – и сошло».

Речь шла о статье, написанной мной как отклик на гнусное выступление Вучетича в «Известиях». Я полагал, что Солженицыну будет небезынтересно ее прочесть и получить представление о более объективных и искренних его читателях в отличие от подставных, «организованных» для травли. Вот как выглядел этот отклик.

«О чем идет речь, если не напускать туману, не делать показных реверансов перед Твардовским и не кусать его потом за пятки, как это делает автор статьи. Что нужно понимать под героической тенденцией, за которую распинается Вучетич, и критическим началом «Нового мира», который он с оглядкой осуждает. С одной стороны, люди, живущие в прошлом, жалеющие о старых сталинских временах, люди типа Кочетова, Вучетича и других, которые не решаются уже признаваться в этом в изменившейся обстановке. С другой стороны, направление «Нового мира» – Твардовский, Эренбург, Дудинцев, Солженицын и многие другие. И в том и в другом направлении не все до конца последовательно или не совсем откровенны в силу различных причин, чтобы не навлечь на себя гнев начальства. Есть и такие, которые придерживаются удобного нейтралитета.

Я, конечно, не скрываю своих симпатий к «Новому миру». Не только потому, что он читается нарасхват, выход каждого номера с нетерпением ожидается даже такими предубежденными читателями, как Вучетич. Популярен журнал и среди рядовых людей. В той библиотеке, где я беру книжки, на журнал записываются в очередь. И слава Богу, что у нас сейчас стали возможными очереди не только за маслом и холодильниками, мясом и автомашинами, а и за журналом. Пример довольно редкий: более распространенная практика принудительной подписки на периодические издания...

Правда, журнал основательно задерживается с выходом. Очевидно, это происходит не по вине «новомировцев». Но ничего, наши читатели – народ терпеливый. Было бы что ожидать!

И популярность такая вовсе не случайна. Журнал стал современным «Современником». Он помогал читателям разобраться и в прошлом и в настоящем. Ведь не все объясняется только культом личности. Слишком тяжелое время мы прожили, чтобы не извлечь из него уроков. Разве можно забыть голод, репрессии, тяжкие потери на войне. И чем их оправдать? Не тем ли, что весьма долго воспевали мы героев с большой буквы и принижали простых людей. Пассивную массу кое-кто по-прежнему не прочь бы считать подмостками и пьедесталом для возведения больших и малых культов. Вот где истоки вучетичского прораствания к «монументальности», его разглагольствования о всяческом развитии героического начала.

Но если жизнь развивается через противоречия, то не надо ни замазывать, ни затушевывать их, а отметить прогнившее и поддерживать новое. Отсюда и внимание к простым людям. Рядовому читателю легко понять Твардовского, которого цитирует Вучетич: «Сосредоточение внимания на «герое» – да еще в своеобразно-номенклатурном должностном понимании этого слова – неизбежно сочеталось с пренебрежением к «рядовой массе», которая, как

уже было сказано, чаще всего составляла лишь «фон» для главного «героя»».

Труднее разобраться читателю в непоследовательности и пустозвонных декларациях Вучетича о «сынах народа, о типических представителях, независимо от того, кто они, начальство или рядовые труженики».

Ах, Вучетич, Вучетич, занятый разъяснениями «неподготовленным» читателям Твардовского, не занимается он в сети политпросвещения. А то бы усвоил, что творцом истории являются, прежде всего, трудящиеся, создатели материальных ценностей. Там бы на очередном семинаре вместе с Лактионовым, возможно, уважаемый академик и разобрал, что «номенклатурные» герои – сбоку припеку, что есть какие-то более значительные закономерности в истории.

В том-то и заслуга А. Солженицына, что его заключенный Иван Денисович и колхозница Матрена, являются теми людьми, которые держат на своих плечах, на шею таких гигантов мысли, как наш просветитель. Не понравились, значит, эти герои Вучетичу? Ну, что ж, если о них помнит недоброжелатель, это еще одно доказательство их живучести и злободневности произведения. Жаль только, что подобных книг печатают мало, либо не печатают вовсе. Дайте возможность самим читателям судить о поэзии Евтушенко, Окуджавы, Ахматовой, прозе Пастернака, Дудинцева, Паустовского и Некрасова. Ведь их писали люди честные, большие художники, подвижники.

На все свои причины. И на высказывания Вучетичей тоже. Для современников они – пережиток того прошлого в настоящем, которое принято называть периодом культа личности. В той атмосфере неуверенности, боязни, насилий, злоупотреблений развелось немало подхалимов, лицемеров, конъюнктурщиков. Страшная сила инерции, привычки, последствий психоза. Кто поможет людям выразить этот ад? Конечно, не монументалисты типа Вучетича. Надежда их на литературу – как совесть народа.

...Есть одна китайская легенда о первом человеке Паньгу. Он был таким огромным, что заполнял собою весь мир, а когда умер, из его тела были сотворены люди и вся природа. Голос сделался громом, глаза – небесными светилами, тело – почвой. Кровь потекла реками, волосы превратились в травы и деревья и т.п. Только люди могли произойти из живых существ, поэтому, рассказывается в мифе, людьми стали насекомые, которые ползали по телу Паньгу. Некоторые китайские (да не только китайские) руководители склонны и сейчас, по своим рассуждениям, рассматривать подвластных, как насекомых.

К какой разновидности противников догматизма относится Вучетич, представим определить ему самому. Я только, откровенно говоря, не убежден, что если завтра подует другой ветер, «героический» скульптор не выступит с заявлением, что он подписал свою статью, не читая журнала «Новый мир», следуя примеру своего коллеги Лактионова».

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Каждая строчка с упоминанием Солженицына представляла интерес. Но о нем ничего не просачивалось в печать. Явно кто-то кого-то боялся. Хотелось, естественно, узнать побольше. Впрочем, не часто ли я возвращался к автору «Одного дня»? Не переоценивал ли его? Ведь сколько было модных писателей. Но не проходило и чет-

верти века, как они не только не производили прежнего впечатления, но и забывались вовсе. Как предугадать? Опытом, интуицией, кибернетикой, знаниями? Ведь в истории, как и в биологии, развитие и отбор идут через непролазные чащи ошибок.

Наивно было бы мне, рядовому читателю, выдавать векселя на бессмертие. Но и нельзя не видеть, как необходим был такой писатель как Солженицын. Он помогал осмысливать жизнь. Вопрос в то время так или иначе сводился к культу. Была в нем необходимость или нет? Споры продолжались не столько на страницах газет и журналов, сколько на кухнях. Да и то не со случайными знакомыми. В открытую попробуй!

Да, о Солженицыне не так просто будет забыть, если он наталкивал на серьезные размышления, заставлял думать. Невежество, незнание, неинформированность – все это одно из последствий и одно из условий распространения «советской религии». Идол, подобно богу, ненасытен ни в славе, ни в жертвах, которые ему приносились невежественными идолопоклонниками. Вера враждебна знанию?.. Все массовые психозы основывались на слепой вере.

Все это связывалось с разбором все того же неразгаданного интеллектуалами вроде темного мужика Ивана Денисовича.

«Одним днем» сказано, конечно, далеко не все. Не зря автор взял такой короткий срок. И так повесть кочевала по квартирам и редакционным столам около года. А покажи он всю трагедию каторги, кровавые муки, ни повесть, ни роман не увидели бы света еще лет двадцать...

– Неужели мы еще долго не пойдем себя? Помните, «ямы копать, столбы ставить и колючую проволоку от самих себя натягивать – чтобы не убежать»...

– А все-таки протест у вас кавторанговский. Порывы благородные, но беспомощные, бессмысленные. Пожалел бы вас Иван Денисович, как детей малых и неразумных.

Так писатель доходил до читателя. Наверное, необходима была и обратная связь. Может в будущем она будет более совершенна благодаря кибернетическим чудесам. А пока, что оставались эпистолярные средства связи. Не покидало желание, хоть добрым словом поддержать писателя, когда его обложили со всех сторон.

Я поздравил Солженицына с Новым годом:

«Так хотелось, чтобы Вы были счастливы. Но это, наверное, почти невозможно для писателя. Да и вообще, что такое счастье? Счастливы ли, например, Синявский и Даниэль в лагере? Или тот же Шолохов, когда ему пророчат творческое бесплодие, а он упивается славой и сивухой?

Но не стоит, наверное, впадать в такие мрачные раздумья перед Новым годом. Ведь и Вы, вероятно, верите в лучшее будущее. Что ни говорите, а некоторые основания для этого есть. Вас уже нельзя упрятать..., дать замолчать литературе. Читали Вы признания лингвистов?

«В художественной литературе мы сталкиваемся с отступлением от «норм правильной речи» буквально на каждом шагу. Многие из читателей повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», возможно, негодовали, натываясь на слова и обороты, чуждые их языковому вкусу, распространенные в среде, речь которой никак не должна считаться литературной. Но представим на минуту эту повесть очищенной от всех элементов жаргона, неправильной, нелитературной речи. Как много потеряла бы она, став заурядной по языку, лишившись формы, удивительно удачно, найденной автором для описания ушедшей навсегда страшной действительности».

Кажется, любой другой стиль, любые иные выразительные средства не соответствовали бы замыслу автора и общему тону повествования. Да и то сказать, Иван Денисович не может похвастаться дипломом об окончании университета, он не читает лекцию о культуре речи, а повествует о своей жизни. Чутьем языка, удивительным искусством рассказчика наделил его автор, как будто слившийся с ним в одно лицо и в то же время умело направляющий и организующий его речь как бы из-за сцены. Это литературный прием, родственник тому, который использовали великие мастера русского слова еще в XIX веке: Пушкин – в «Капитанской дочке», Гоголь – во многих своих произведениях, Лесков – в «Сказке о тульском косом Левше и о стальной блохе» (Сборн. «Наша речь» для народных университетов, 1965 г., стр. 96).

О Вашей чуткости языка, о ярком вкраплении в общелитературный языковой фон пишет Ильинская в брошюре «О богатстве русского языка» (1964 г., АН СССР).

Благодарны Вам читатели и за «Калиту» – как он родственен Матрене, как близки они людям. Как мне говорили, в Москве читают Ваши короткие рассказы... Я просил Александра Исаича прислать их для перепечатки... На издание надежд не было.

О многом думалось в предновогодние вечера. Может, правы испанцы, говоря, что терпение – это второе мужество. А может и ближе к истине стендалевские слова: «И чтобы бороться с мнением современников, художник должен обладать честностью, а это такая же редкость, как и гениальность. Все может быть. Мир так противоречив, разнообразен и безумен».

Письмо на этот раз не осталось без ответа, хотя пришел оно с необычным опозданием. «Дорогой Павел Павлович! Отвечаю с опозданием на три месяца потому, что все эти три месяца я не был дома. Положение мое сложней, чем Вы представляете, но в письме всего не опишешь. «Крохотные рассказы» мои очень искажаются при переписке, но выслать Вам просто экземпляра нет.

Простите за краткость! С искренним расположением и памятью. Солженицын. 7.3.67».

Пройдет немного времени и мне напомнят об этой переписке в КГБ...

СМУТНАЯ ВСТРЕЧА

Печать и ТВ по-разному отражали и как бы со стороны эту давно ожидаемую встречу. Но интересно было взглянуть на нее изнутри. Встречающих насчитывалось не более двух тысяч. Вроде для такого события и маловато. Но при наступившей апатии к политике, да и к литературе тоже, да при дачном сезоне, это количество выглядело значительным. Особенно, если учесть накал страстей. (О точном времени поезда нигде не сообщалось, говорилось только – 21-го июля вечером на Ярославском. Значит, собрались только самые любознательные почитатели, зеваки и ярые недоброжелатели...)

Поначалу все выглядело относительно спокойно при наглядно-показательном большом присутствии не только милиции, но и ОМОНа, да и «присматривателей» на крышах. Тут власти были не менее бдительно предусмотрительны, чем при высылке... Среди собравшихся как одинокий парус маячил поначалу единственный транспарант с таким текстом:

**«В России трудно каждый знает,
Но Солженицын приезжает.
Он совесть наша и пророк,
Как обустроить – дал урок».
И на обратной стороне:
«Солженицыну спасибо –
Наши муки описал.
И фашистский ГУЛАГ красный
Всему миру показал».**

Стишата, мягко говоря, не очень впечатляющие. «Проза» была похлеще. Но она появилась с выходом главного гостя на трибуну на привокзальной площади, вернее в закоулке ее, там, где стоял без пьедестала никто иной, как привычно истуканистый Ильич.

Александр Исаевич долго не появлялся на этом небольшом, но бурлившем митинге. Говорят, на него как свора натиснулась, напала многочисленная толпа журналистов так, что он «отступил», спрятался в тамбур. Вот тут-то и понадобились омововцы для расчистки пути. Близко перед самой трибуной с появлением виновника торжества как по команде (да, скорее всего без «как») были развернуты транспаранты – белые листы ватмана с черными отчетливыми буквами.

На один из них сразу среагировал А.И., показав в его сторону пальцем и кисло улыбнувшись... Да и было от чего: текст гласил «Солженицын вон из России!». Другие транспаранты были не менее недоброжелательны: «Солженицын, отдай свою виллу детям-сиротам!», «Солженицын, поздравляем, твои последыши привели Россию к краху», «Солженицын – агент ЦРУ!». И что бы было еще понятнее – уточнение: «Солженицын приведет в Россию солдат США». Ну, а такой ком-плакат, как «частная собственность – источник зла», казался и вовсе нейтральным и не к месту. И приходилось только удивляться, что не было здесь открыто фашистских и антисемитских лозунгов. Хотя на московских газетных развалах продавалась брошюра типа пасквиля некоего Климова, обличающего А.И., как антипатриота, сиониста и еврея... Словом, эти национал-патриотические ребята, наглости и агрессивности которым не занимать, готовы были и здесь на вокзале устроить провокацию. Перебранка около транспарантов чуть-чуть не перешла в мордобой. Оголтелых и бесноватых было явное меньшинство, и это, очевидно, их и сдержало.

В общем же, встреча была не только не торжественной, но и какой-то не только из-за дождя пасмурно-серокожей, скукоженной, смутной, как и само время. Да и при «смутном мнении» россиян о Солженицыне, как заметил об этом он сам во время своей поездки.

ОТЛУЧЕННАЯ

Разговор зашел о М.А. Булгакове. Я вычитал, что бывший муж Елены Сергеевны, ставшей вскоре женой Михаила Афанасьевича, крупный военачальник Красной Армии в порыве ревности явился к писателю с пистолетом и угрожал его пристрелить... (Булгаков писал после, что проклинал свою робость, объясняя ее и невероятной усталостью. Оправдание, мол, было, но утешения не было.)

Рассказал я этот случай не без умысла и Наталья Алексеевна, впредь будем называть ее как принято кратко – Н.А., с ходу среагировала. Ее, мол, это ничуть не удивляет. Я, вроде бы шутя, уточнил: так что, она бы оправдала убийство, если бы оно случилось? Она вполне серьезно:

«Да, любовь все оправдывает...». А дальше откровенья ее обрели еще более конкретные очертания. Я помянул ее знакомого, которого она таинственно и романтично именовала «Магом» и «Кавалером роз», причем помянул с нелестным эпитетом, и дальше станет ясно почему. На что она выпалила и совсем неожиданное: «Да оставьте вы «Мага» в покое! Если хотите знать, то он спас Светлову, а может и Исаевича. Если бы его не было, то не исключено, что я кого-нибудь из них убила. Я была доведена до того. На Светлову у меня бы наверняка рука не дрогнула».

Светлова – это «разлучница», ставшая второй женой А.И. Солженицына. Но речь сейчас не о ней, и даже не о том, насколько слова, сказанные Н.А. Решетовской двадцать лет спустя после перенесенной драмы, передают серьезность ее намерений. (С одной стороны она как-то заявила священнику, что убить кого-то не смогла бы, а с другой, – на самоубийство решилась...)

Сейчас стоит сказать, как появился этот «Маг» – Дон Жуан от КГБ. В дни беспросветной депрессии и отчаяния от развода Н.А. при подвернувшейся путевке уехала к морю в Алушту, в надежде отойти от кошмара. За ее столиком в столовой оказался галантный словоохотливый мужчина. Он начал проявлять знаки внимания, в частности дарил в зимнее время шикарные роскошные букеты роз: отсюда второе его прозвище от Н.А. – «Кавалер роз». Курортного романа она не допустила, но знакомство продолжилась и в Москве. Будучи угнетенной отлучением от своего знаменитого мужа, от смысла жизни, с униженным достоинством, если не сказать позором, она не отказывалась от услуг курортного знакомого. А он все проделывал как маг – без проволок, бескорыстно и загадочно...

О себе он не откровенничал. Догадывалась ли Н.А., с кем имеет дело? Судя по тому, что не называла его имени, фамилии, догадывалась. В одной из бесед она поубавила туману таинственности и показала его на слайде. Он стоял под роскошным иудиним алуштинским деревом, прямо как будто для него распустившимся. Ниже среднего рост, плотно скроенный, подтянутый. Со следами военной выправки, лицо маловыразительное. Н.А. сочла нужным заметить, что фотографию, подаренную им с надписью «моей алуштинской находке»(!), она порвала: на ней он не похож на себя.

Вскоре оказалось, что загадочного «Мага» знают и редакторы АПН, с которыми общалась Н.А. в связи с изданием книжки своих воспоминаний «В споре со временем». (Много о нём не распространялись, но занятие его прояснилось: в военное время, да, кажется и после, он работал военным юристом с высоким званием, носил морскую форму, но это значило принадлежность не к флоту, а к другой конторе.) Кто из этой компании больше всего помог ей в обмене рязанской квартиры и московской прописке (а это могло разрешить только самое высокое начальство), Н.А. не уточняла. Главное, с чем ее обхаживали и «Маг», и особенно редактор ее книжки Константин Игоревич Семенов, так это то, чтобы ее экс-мужу приписать побольше пороков и неблагоприятностей.

Триумфальное распространение его книг по свету, его растущая слава и влияние в середине 70-х не на шутку встревожили советское руководство. Для борьбы, для компрометации мятежного писателя была запущена на всю мощь пропагандистская машина, мобилизована «общественность», привлечены даже западные компартии и сочувствующие коммунистам интеллектуалы. Почему бы не использовать для этой цели и бывшую жену?

С явным кегебешником она столкнулась один единственный раз в августе 1973 г. в Рязани, когда он, не скрывая своей принадлежности при официальном вызове, начал расспросы об «Архипелаге ГУЛАГ»: нет ли у нее экземпляра этой «взрывоопасной» книги, как свидетельствовали, мол, их данные. Хотя она перепечатывала на машинопись этот «страшный» труд мужа пять лет тому назад, экземпляра она не имела да и не знала, где он может храниться. Муж сам оберегал ее от подобной опасной осведомленности. Во время этого непродолжительного допроса в рязанской гостинице Н.А. расплакалась и кегебешник отпустил подобру-поздорову домой. Больше явные чекисты ее не беспокоили.

По совпадению в тот же день с ней беседовал другой представитель – из АПН – по поводу издания ее мемуаров. Кстати, начала она их писать с поощрения и одобрения Александра Исаевича: хвалил первые пробные главы, говорил, что цены им не будет... Теперь после пережитых потрясений, разрыва она увидела в них смысл своего разумного существования. Конечно, расплакаться она могла, но никакая лезть, посулы, внушения, а тем более угрозы не могли бы спровоцировать, заставить лить грязь. Толкнуть на клевету, предательство своего бывшего мужа. Хоть обиды, горечи и хватало с избытком: как назвать эти чувства – гневной любовью?

Она была в почете, уважении, похвале и читателей, друзей, и таких знакомых как Ростропович, Твардовский, Копелев, Чуковский. Ради самозабвенной жертвенной помощи своему мужу она оставила свою успешную преподавательскую работу в вузе, вся растворялась в его творчестве. И вот оскорбительное отлучение. Оставаться покинутой, посрамленной, загнанной в угол, у разбитого корыта? Тут, наверное, самая покорная взбунтуется. Издание ее книги было бы спасением, отдушиной.

Апэновским редакторам она доставила немало хлопот: они гнули свое, она отстаивала каждый абзац, спорила, отказывалась подписывать верстку. А могла и отказаться от сказанного, сылалась на тяжелую депрессию, как это случилось в одном из интервью иностранным корреспондентам. Давал себя знать характер донской казачки, или избалованность единственной маменькиной дочки, выросшей без отца? Компетентные, квалифицированные журналисты ее обхаживали, убеждали, внушали...

По расхожему мнению, Агентство печати «Новости» считалось в те годы как бы филиалом КГБ. Хотя такой знаток этой темы, как диссидент А. Амальрик, свидетельствовал, что там было достаточно штатных и внештатных сотрудников КГБ, но часть журналистов прямого отношения к нему не имела. Осведомителей он разделял: а) по слабости, б) безразличных корыстолюбцев, в) азартных стукачей... Кем был ее редактор К.И. Семенов, она так и не разобралась, но, в конце концов, она поверила в его доброжелательность. Без его «дипломатии» книжка бы не появилась вовсе. Ее издание в 1975 г. в АПН не только на русском, но и на многих языках предназначалось в основном для зарубежного читателя. Но какая-то часть тиража осталась и на родине, причем не в свободной продаже, а по распределению среди номенклатуры и пропагандистов. Но книга «В споре со временем» (иностранные издания фамильярно называли ее «Саня») далеко вышла за те идеологические узкие цели, на которые рассчитывали издатели и их наставники. Вот как вглубь и вширь толковалась она в мировой печати.

«Если браки так часто бывают неудачными, то это происходит от того, что люди не способны на такую жерт-

венную любовь. Люди вообще и художники в частности. Недостатки творческой личности – это обычные мужские недостатки, но только гипертрофированные. Враги Расина, Гете и Достоевского упрекали их в чудовищном эгоизме. Но каждый человек эгоист, а каждый художник – чудовище. Быть подругой писателя не сахар. Для этого нужна изрядная доля любви и самоотречения. Только святая может согласиться на то, чтобы в жизни человека, которого она обожает, всегда присутствовала соперница – его творчество. И какая соперница! Все знают фразу Толстого «Я люблю жену, но еще больше я люблю свой роман»... Писатель требует всего от женщины, которую любит, а взамен дает лишь минуты мимолетного счастья; он беспрестанно ускользает от нее и беспрестанно изменяет ей (то физически, то духовно, а часто и так и этак)... Наша единственная возможность искупления создать героиню по образу той женщины, которой мы не смогли дать счастье, и посвятить ей роман». (Кстати, А.И. ни одного произведения женщинам не посвящал. – П.С.) Рецензент «Фигаро» 17.3.77 оценивал книгу Н.А. как волнующую, прекрасную, исполненной серьезности, нежности и ностальгии.

С «Фигаро» переключалась «Ле Монд» 25.3.77:

«Решетовская не скрывает недостатков своего бывшего мужа. Его эгоизма, его убежденности, что он «пуп земли», центр, вокруг которого должно все группироваться, но все это недостатки, присущие многим писателям, и не надо быть лауреатом Нобелевской премии по литературе, чтобы узнать себя в таком портрете и согласиться с его справедливостью... Мы можем также завидовать Солженицыну, что в его жизни была женщина, которая пережив все, что он заставлял ее пережить, способна рассказать об этом браке с полным отсутствием ожесточенности и злобы, с такой нежностью, любовью и незамутненностью». И еще о «взволнованном жаре оскорбленной души и нежностью чеховской тональности ее рассказа».

Не все отклики были такими похвальными, встречались и упреки в сведении счетов с экс-мужем. Ему, понятно, тоже не нравились чрезмерные откровения бывшей жены. А еще он повторял уже не раз высказанные им подозрения в ее сотрудничестве с КГБ. Обидевшись, она в раздаваемых интервью порицала его за тиранию, безнравственность и даже хлестаковщину... (Отнесем это и за счет повышенных эмоций.)

Конечно, были бы общие дети бывшие супруги, нужно полагать, вели бы полемику более сдержанно. Рано или поздно природа напоминает, если не сказать мстит за самовольный отказ от материнства или отцовства (его, кстати, настоятельно проповедовал в свои ранние годы А.И., как жертву ради большого творчества, потом пришла переоценка заблуждений).

Но что бы не говорилось и не писалось, ее большое возрожденное чувство вне всяких сомнений. Вопреки советам и здравому смыслу, она вторично вышла замуж за ею же оставленного мужа, когда он был не великим знаменитым писателем, а сельским учителем с онкологическим тяжелым недугом. На такой шаг не каждая, даже горячо любящая душа, решится. Он сам признавал, что она спасла его. Но жизнь так непредсказуема...

Еще оговоримся: судьба, драматизм личной жизни А.И. не был исключением. У вернувшихся из ГУЛАГа близких его сотоварищей Л. Копелева, Д. Панина, В. Шаламова и многих, многих политэзков жизнь со своими женами и возлюбленными не сложилась. Сказывалось не только расставание на долгие годы (а любовь многие испытания выдерживает, но менее всего длительную разлу-

ку). Участь советских «декабристок» была намного ужаснее, трагичнее, чем у их дворянских предшественниц. Кровавая система, если не расстреливала, ссылала, травила жен и детей «врагов народа», то давила, добивала их пропиской, увольнением с работы, учебы. Этот садизм режима вынесла на себе сама Н.А. И можно ли осуждать ее, что не оказалась «железной», закаленной как сталь, что не до конца выдержала испытание – вышла замуж. (Даже не так уж важно, давал «свободу» муж, из ГУЛАГа.) Кто поручится, у кого хватит фанатизма на отрешенность и подавление и духа, и плоти?

Судьба реальной Н.А. оказалась сложнее, трагичнее бедствий, перипетий Нади Нержиной (Надя и Глеб – прообразы Н.А. и А.И. в романе «В круге первом»). Жизнь богаче... И сурового матерого ээка на воле не раз прошибала слеза... Не зря по мировой статистике, читатели все больше и больше отдают предпочтение мемуарной исповедальной литературе перед беллетристической. Личные судьбы выходят за пределы своего субъективного мира.

И, наверно, будет уместным, не лишним привести отрывок из одного из моих писем к А.И. Солженицыну, посланных ему еще в Вермонт. Речь шла все о тех же мемуарах Н.А. «...Да, в ее апезновской книге есть несколько «выпадов», назовем их так. Но в целом, она принесла, вопреки замыслам КГБ, больше пользы, чем вреда. Не забудем, что вышла она в то время, когда Вас объявляли «власовцем и уголовником», и когда Залыгин и Быков, не говоря о прочих, определились к Вам довольно однозначно – «не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения» («Правда» 31 авг. 73 г.).

До такого «гнева» Наталья Алексеевна не опускалась. И не зря ее книжка распространялась читателями в ксерокопиях. А потом с появлением гнуснейших пасквилей Ржезича и Яковлева акции даже неполноценной книжки Решетовской повышались. Она несла все-таки во многом правдивую информацию о Вашей жизни и творчестве. Существенно для читателей было и то, что за чтение этой книжки их не тянули в каталажку, не увольняли с работы. Не забудем и то, что Н.А. активно протестовала против гебистских клеветнических изданий Ржезача и Яковлева.

Я не могу судить о ее взаимоотношениях с КГБ. (Тогда я еще не беседовал на эту тему с ней – П.С.)

Насколько можно догадываться, при ее женской экспансивности, политической наивности, кегебешники пытались использовать ее, а она их, имея в виду сотрудничество в Агентстве печати «Новости». В ее затравленном «самоубийственном» состоянии она нашла в себе силы не переступить черту, не смалодушничать для постыдных подписей, как это сделали выдающиеся писатели, ученые, одним словом – артисты...

Более того, она много делала для сохранения Вашего архива, для написания мемуаров. Нужно надеяться, Вы не будете отрицать ее право на это. Как и того, что она играла в свое время и какую-то положительную роль в Вашей жизни... Или нужно бросать в нее камни, как это делают некоторые экзальтированные Ваши поклонники? И уж не думаю, что Вы не допускаете великодушия к одинокой женщине с онкологическим недугом и почти слепой. Да Вы, кажется, и делали попытку по-христиански найти взаимопрощение» (28.12.90).

Ответа я не получил. Но молчание тоже может сойти за ответ.

Нынешние читатели более свободны в своем выборе, в том числе и в интересе к жизни и творчеству своего великого современника. В этом им определенно помогут

книги (целая «серия»!) Н.А. Решетовской: «Александр Солженицын и читающая Россия», Москва, 1990 г.; «Солженицын. Обгоняя время», Омск, 1991 г.; «Разрыв», Иркутск, 1992 г.; «Отлучение», Москва, 1994 г. Это книги, в которых отразилось время.

Р.С. Г. Ржезач, чешский эмигрант, «порученец» КГБ.

Н.Н. Яковлев, сын маршала, с уголовным прошлым, профессор, автор клеветнической книги (пять изданий!), получивший пощечину от А.Д. Сахарова...

КАК ВОЗРАСТАЛ ПРОТЕСТ

Без компромисса, говорят, не проживешь. И действительно, без уступок, соглашений можно самоизолировать себя до конфликтов со всеми. Но насколько большая разница между компромиссом и сделкой с совестью. Соглашением и соглашательством, и даже «постыдным предательством», как признался в нем сам один из представляемых нами примечательных людей.

Речь идет об Александре Исаевиче и К.И. Чуковском. Корней Иванович был из того ряда, что и Пастернак, Булгаков и немногие другие, у которых спрашивали, каким образом они уцелели при Сталине. Была молва, что Чуковскому помог небезызвестный миллионер Хаммер, которого просил об этом как приятель одесский богач Левинсон, уехавший в Америку. А будущий писатель был не просто полусиротским сыном одесской прачки, но и этого Левинсона. Хаммер являлся влиятельной фигурой для советских правителей и отстоял, мол, писателя перед Сталиным, так что «ни один волос не упал с головы». А риск поплатиться не только волосом, но и головой, у писателя, по той же молве, был, и немалый, так как в свое время распространялся он по поводу большевиков, что, мол, фонари стоят не заняты...

Сам Корней Иванович объяснял свою сохранность тем, что во время проклятого культа старался писать незаметные вещи, оставаться в тени, пребывал на литературных задворках, не привлекающих внимания сталинских опричников. («Человек я громкий и бросающийся в глаза, избрал себе тихую гавань, где и писал вполголоса».)

На отчаянные протесты против коммунистической опричины редко кто решался. Как бы там ни было, но Корней Иванович по своему жизненному опыту и данному Богом таланту оказался человеком демократичным и чутким к гонимым литераторам.

Дожив до своего «патриаршества» в советской литературе ко времени появления Солженицына на писательском горизонте, стал, можно сказать, одним из его крестных отцов. А Твардовский дал ему одному из первых для прочтения рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», чтобы проверить своё ошеломляющее впечатление. Корней Иванович тоже был в восторге от повести. И закрутились вихри, споры, дразги, а потом и травля вокруг необычного, необыкновенного автора. В прекраснейшем человеческом документе – «Дневнике» Чуковского (а его он вел более чем полвека!) сохранились интереснейшие детали, замечания, признания.

«...Встреченный В.Катаев возмутился, что повесть фальшивая: не показан протест, хотя бы под одеялом. А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабы гимны, как и все.

...К.Паустовский признался: «Меня пугает в Солженицыне одно: он – враг интеллигенции... Оттого он так любит Твардовского».

...Встреченный в Барвихе маршал Соколовский стал ругать Солженицына за проповедь блатного языка... В разговоре употреблял крутые солдатские ругательства. А боится блатного языка».

С июня 1963 г. начались встречи и с самим Александром Исаевичем.

«...Взбежал по лестнице легко, как юноша. В легком летнем костюме, лицо розовое, глаза молодые смеющиеся. Оказывается, он вовсе не так болен, как говорили. Много рассказывает о своих тюремных годах. Когда подошел поезд, как молодо помчался он догонять его – из всех сил, сильными ногами, без одышки... Легкий, жизнерадостный, любящий».

«...В феврале 1964 г. пришел в студию МХАТа посмотреть инсценировку «Случай на станции»... «Все, что я хочу сказать читателям, я скажу в своих произведениях – и мне не нужны посредники». И стал так нехотело отзываться о журналистах, что один из них предпочел уйти».

...10 сент. Пришел Солженицын. Моложавый. Отказался от кофею, попросил чаю. Рассказывает по секрету о своем новом романе: Твардовский от него прямо с ума сошел... Узнал, что я пишу о Зощенко. «Много читал его, но не люблю. Юмор кажется грубым». Гуляли с ним под дождем в саду – взошли наверх и вдруг ему стало худо. Лида уложила его в нижней комнате – дала ему валокордина».

...29 сент. 1965 г. Поселился у меня Солженицын. Из разговора выяснилось, что он глубоко поглощен своей темой и не слишком интересуется напр. Пушкиным, Л. Андреевым, Квитко. Я читал ему любимые стихи. Ему они никак не понравились. Зато о лагере может говорить без конца».

...Враги клеветают на него: распространяют о нем слухи, будто он власовец, изменил родине, не был в боях, был в плену».

...Поразительную поэму о русском наступлении на Германию прочитал А.И. – и поразительно прочитал. Словно я сам был в этом потоке озверелых людей. Читал он 50 минут. Стихийная вещь – огромная мощь таланта. Он написал поэму 15 лет назад. Буйный водопад слов».

...Я ближе присмотрелся к нему. Его, в сущности, интересует только одна тема – та, что в «Случае на станции» и в «Ив. Денисовиче». Все остальное для него как в тумане. Он не интересуется литературой как литературой, он видит в ней только средство протеста против вражеских сил. Вообще он целеустремлен и не глядит по сторонам».

...О Твардовском, о его двойственности. Твардовский Солженицыну: «Вы слишком злопамятны! Надо уметь забывать – вы ничего не забывает». Солженицын: «Долг писателя ничего не забывать».

...Спросил его жену: есть ли у них деньги... Кроме того, А.И. говорит: богатство не в том, чтобы много зарабатывать, а в том, чтобы мало тратить. «Говорю ему, тебе нужны ботинки. А он: еще не прошло 10 лет, как я купил эти».

...С Солженицыным снова беда. Твардовский, который до запоя принял для «Нового мира» его «Раковый корпус» – после запоя отверг его самым решительным образом».

...Он ясноглазый и производит впечатление простеца. Но глаз у него сверлящий, зоркий, глаз художника... Походка у него уверенная, он источает из себя радость...»

...О 1937 г. Шло поголовное уничтожение интеллигенции... Каждую ночь я ожидал своей очереди».

...я боюсь, что это начало той планомерной кампании, какую начали эти бандиты против меня в отместку за мою дружбу с Солженицыным».

...7 октября 1968 г. Сегодня, увы, я совершил постыдное предательство: вычеркнул из своей книги «Высокое искусство» – строки о Солженицыне. Этих строк много. Пришлось искалечить четыре страницы, но ведь я семь месяцев не сдавался, не разрешал издательству печатать мою книгу».

...И теперь, когда издательство заявило мне, что оно рассыплет набор, если я оставлю одиозное имя, я увидел, что я не герой, а всего лишь литератор».

...Мне предсказывали, что, сделав эту уступку цензурному террору, я почувствую большие мучения, но нет: я ничего не чувствую, кроме тоски – обозлили».

Из предсмертных записок 1969 г. 16 июня. «Внезапно приехал с женой А.И. Погода святая... «Мне очень легко писать то, что я пережил, но сочинять я не могу...». Жена подтверждает: когда у него застопорится работа, он становится мрачен, раздражителен. Жена Наташа ведет его архив... он ведь академик какой-то из литературных академий Парижа, а также почетный член американской академии». Вот такие получились штрихи к портрету...»

Очевидно, зря так сурово осудил себя Корней Иванович – «постыдным предательством». Скорее, был компромисс, в крайнем случае, отступничество. Но то, что он сделал для Солженицына, искупляло во много раз его слабость. Он, кстати, проявлял участливое внимание не только к коллегам литераторам, но и к своим многочисленным читателям. После прочтения его великой книжки «Живой как жизнь» о языке я послал ему письмо по поводу некоторых новоявленных слов. В ответе он поблагодарил за послание и, между прочим, заметил, что ему «тоже нравится «бревнюк» и «корытники» – тем более, что корытники часто бывают бревнюками...».

Приходили новые люди из нового поколения. Они уже не знали тех страхов. Да и угроза массового физического уничтожения устранилась. Власти и их подручные, черносотенные, бездарные все больше и больше сами боялись с 1917 г. Опомниться и ужаснуться, как это сделал А. Фадеев, они не могли. Для протеста необходимы были чистая совесть, мужество, да и ответственность за данный Богом талант. Исключения из Союза писателей, осуждение, помещение в лагеря и психушки, ссылки, принуждение к эмиграции и другие репрессии обрушились на Е. Эткинда, В. Войновича, В. Корнилова, В. Буковского, Л. Копелева, В. Орлова, Г. Владимова и других. Многим из них вменялось в вину встречи, связь с Солженицыным, написание произведений по его заданию».

Среди отважных обличителей удушения свободы была и Лидия Корнеевна Чуковская. Отец мог гордиться последовательностью и бесстрашием дочери. Она писала гонимому и травимому Солженицыну: «Вашим голосом заговорила сама немота. Я не знаю писателя более долгожданного и необходимого, чем Вы. Где не поггло слово, там спасено будущее. Ваши горькие книги ранят и лечат душу. Вы вернули русской литературе ее громовое могущество».

Общество пробуждалось правдой, всколыхнулось неистребимым «Самиздатом» и «Магнитиздатом» – новой формой распространения запрещенной властями пресле-

дуемой литературы. Протест нарастал, несмотря ни на какие гонения и репрессии.

СОХРАНЯТЬ ЛИ ПЕРЕПИСКУ

Поначалу я хотел вынести в заголовок такой вопрос: «Может ли быть дружба условной?» Мне в свое время очень понравилось определение Сахарова, не помню по чьему адресу – «поддерживаю условно...». Вообще же, безусловных отношений, в том числе и любовных, не бывает. Даже в юных максималистских порывах.

О моих «условно» дружеских взаимоотношениях с Н.А., первой супругой Солженицына, дают какое-то представление и переписка и автографы на ее книгах, которые она мне презентовала. «ППС с признательностью за доброе отношение и посильную помощь. 13.2.90 г.». «ППС с самыми добрыми чувствами. 13.9.92 г.». «ППС – в чем-то единомышленнику, в чем-то оппоненту. 14.1.92 г.». «ППС в прошлом моему помощнику на добрую память. Янв. 95». «СПП немного сожалея, что слишком ему доверилась. 20.5.95 г.».

Вот такая эволюция. Последняя надпись после выхода моей книжки об А.И. Я там допустил «ляп», покаялся, и Н.А. негласно простила меня. Речь о моей бестактной, недопустимой ссылке на Н.А. в ее заявлении, что Симонян был «гомиком»... Но с другой стороны, этот факт очень важен, так как он объясняет, чем шантажировало его КГБ, и почему лучший друг юности написал о Сане свою клеветническую «научную» брошюрку. Без моей публикации эта кегебешная «тайна» так бы и осталась покрытой мраком неизвестности.

Просматривая свои письма к Н.А., я сомневался, сохранять ли их. Ведь как много остро пережитое теряет со временем свое значение. А потом подумалось, что, возможно, эта переписка будет небезынтересна для темы «Писатель и его читатели». При этом, нелишне учесть, что писались эти письма в те годы, когда не только за хранение книг Солженицына, но даже за разговоры о том, следовали «профилактика», вызовы в КГБ, увольнения с работы и т.п.

Переписка, а потом и дружеские отношения с Н.А., помощь ей, были естественным продолжением моего интереса к творчеству А.И. Это наполняло жизнь остротой более пристального восприятия, пробуждением совести, освобождением от царившего лицемерия. У одних этот процесс прозрения, осмысления происходил более бурно, по-диссидентски, а у большинства с сомнениями, с оглядкой на детей, родителей, не столь жертвенно и фанатично.

Для сохранения архива Солженицына я оказывал Н.А. «посильную помощь» с разбором документов, писем, книг. Хранением копий на случай обыска (большой чемадан с ними я отвез в деревню к надежному товарищу, такому же как и я «чернокожнику»). С Н.А. приходилось нередко спорить. Она не только то поносила А.И. последними словами, то страстно горячо защищала его. И тут ее «любовь-ненависть» покинутой, оскандаленной можно понять. Хуже, когда она оказывалась не на высоте даже не только как экс-жена Солженицына.

Не будем преувеличивать ее выпады против него в ее первой книжке. (Без них эта книжка просто не была бы издана прокегебешным издательством АПН. Да и в целом, в то время книжка принесла больше пользы, чем вреда. Вопреки пропагандистской клевете об А.И., она все-таки

давала правдивую информацию; об этом я писал и самому А.И.)

По здравому смыслу, Н.А. не надо было связывать себя официальными брачными узами с Семеновым, редактором ее первой книжки. Этот апезновец был, если не явным штатным скрытым кегебистом, то очень тесно связанным с этой «конторой». Судя по всему, в этом романе любви было мало, если вообще она там была. И не зря Н.А. сама тщательно скрывала этот брак и полтора десятилетия после смерти Семенова.

Я узнал об этом «тайном» браке, как и многие, только из обмена «любезностями» между Н.А. и А.И. на страницах газеты в середине 90-х годов. Но легко «здро» судить со стороны. И кто из нас без греха. Многие сглаживает, смягчает, уравнивает всемогущее время. Несомненным стало и то, что Н.А. заслужила всепрощения и сочувствия в свои последние трагические годы. При своем онкологическом заболевании груди, неудачной операции, неутрахающих болях, почти полной слепоте, в безысходном одиночестве. Судьба ее, пожалуй, одна из самых трагедийных среди и приметных и бесчисленных советских «декабристок». Примечательно, что при всей преданнейшей трогательной переписке, помощи мужьям-энкам по возвращении, браки распались у Копелева, Панина, Шаламова и многих других менее известных.

Я, насколько мог, убеждал Н.А. писать о себе не только из-за причастности к славе А.И., но и покореженной, изуродованной, изувеченной судьбе поколения. Участь Н.А. усугублялась и ее личной виной: она в молодости лишила себя материнства. Может, отчасти и потому, что росла она одной избалованной дочкой у одинокой мамы? Ей была уготована и редчайшая участь вернуться с того света после самоубийства.

Натура деятельная, импульсивная, с казачье-донской закваской, с искоркой божьей, она пыталась не мириться с судьбой, делать выбор. Но кто скажет, сколько много или мало в нашей доле зависит от нас и сколько от Всевышнего.

Письмо Н.А. 20. 4. 79. На ваше письмо не так-то легко ответить. Напрасно вы думаете, что моя химия спасает меня от пессимизма. Отнюдь нет. Я вообще всегда была склонна к пессимизму в отличие от А.И., который долгое время действительно был оптимистом, а потом старался, как и сейчас старается, уверить себя и всех, что он оптимист. Его путь хотя и векторен, но в то же время зигзагообразен. На одном из зигзагов снова появилась религия, которая внушалась ему в детстве, а потом была им отвергнута. Он умеет себе внушать, увлекаться. Мне кажется, что я в состоянии понять причину (даже причины: разные периоды жизни – разные) его нынешней сверхрелигиозности, но пока писать и говорить об этом не буду. Мешает то, что многие не верят, что я могу судить обо всем объективно. И я стараюсь меньше судить, а больше описывать все так, как оно происходило.

Хочется уличить Вас в противоречии: то вы пишете мне в Рязань, считая меня живой, то удивляетесь, что я нахожусь «в здравии и благополучии»?.. Любопытно, о какой молве Вы намекаете? Что я сошла с ума? Кончая собой, будучи сумасшедшей?..

Истина была слишком неприглядна для А.И. (Накануне получения Ноб. премии перебежал к молоденькой!), чтобы ее как-то не вывернуть. А сделать это можно было лишь единственным образом: объявить меня недостойной его. И тут уж все средства оказались хороши.

Если у Вас будет желание прочесть мою первую книгу (выжимки из того, что я написала, часть не самое важное!) – я могу ее Вам временно выслать. Работая над дальнейшим, и Вас встретила среди корреспондентов. Например, Ваш отзыв на «Захара Калиту»: которого Вы сравнивали с «Матреной». Н.А.

Из писем П.С. 13.3.79. Ваше письмо заставило лишний раз о многом задуматься. А это гораздо важнее, чем льстило бы оно самолюбию или доставляло приятные минуты. И хотя часто шумят об избытке информации в век НТР, а только шум этот нередко получается монотонный. Может, это объяснимо провинцией? В областном центре, подобно нашему, атмосфера особенно удушливая: столько выбросов, газов, пыли, что, кажется, уже не помогут никакие очистители и научные рекомендации (может Вам, химику, а не гуманитария, легче оставаться оптимисткой?).

Коптим небо... Не с этим ли во многом связан и климат нравственный? Одни притупляют себя алкоголем, другие скопидомничают, третьи – предрасполагают к вере... (пишу, а с улицы доносится песня Высоцкого о пассажирах, которые покорно засыпают...). Прямо-таки как в массовом сеансе гипноза. Кстати, о птичках, на этот раз божьих. Можно понять поиски Толстым своего вседержателя, отчасти понять даже старую потребность – если его нет, то необходимо его выдумать. Но как уразуметь православную ориентацию А.И.? Отчего это пошло, где корни, в чем повашему причина? Вопрос беспокойный и потому, что к религии потянуло многих интеллигентов. Или это только форма?.. Столько противоречий... Вот такой незаурядной, противоречивой фигурой был и А. Твардовский. Собираю материал о нем, а там видно будет. Делать-то что-то надо. У меня вышло несколько книжек (на укр. языке). Но последнее мое положение журналиста очень осложнилось... (подобный рассказ не для письма). Искренне рад, что Вы находитесь в здравии и благополучии, потому как даже до окраин долетали всякие тревожные слухи. И хорошо, что не всякая молва подтверждается. П.С.

16.5.79. Не могу не поделиться своими недоумевающими вопросами. Речь о книге Ржезича – ее, пожалуй, можно назвать показательной и «специальной». 1. Ну, прежде всего, почему ее нельзя найти даже в каталогах научных библиотек? Для кого она предназначена? Почему такая «таинственность»? 2. Если речь идет о таких серьезных вещах, которые имеют отношение к КГБ, почему этот орган не представил архивных документальных материалов? 3. Случайно ли автором оказался чех? Неужели не мог книгу об А.И. написать наш соотечественник с неменьшим знанием условий и окружения? 4. Логично ли объявлять бездарностью автора «Одного дня», которого партийная печать и писательская общественность оценила как выдающегося советского писателя, выдвигала на высшую премию? Что мешало Ржезичу познакомиться с разбором и оценкой произведений А.И. видными учеными, критиками, писателями (Твардовским, Лакшиным, Чуковским, Граниным и др.?). В чем причина его «горячего» поклонения, а потом еще более «пламенной» метаморфозы? 5. Допустимо ли советскому издательству поощрять критику писателя по его... сексуальным способностям? Могут ли подтвердить люди близко знавшие А.И. обвинения в его истеричности, комплексе неполноценности, врожденном страхе, психопатических отклонениях? Или это результат нарушенной психики Ржезича – перебежчика, который метался из одного лагеря в другой? 6. Что представляет собой Симонян? В том, по определению изда-

тельства, «детективном романе» он выглядит одной из самых загадочных фигур.

И, наконец, такое каверзное сомнение – принесет ли эта книга больше вреда или пользы?.. Я был бы Вам очень благодарен, Наталья Алексеевна, если бы Вы хотя бы частично помогли в этих «разгадках» и облегчили мою участь читателя. Но я и так очень благодарен Вам за внимание. Но книгу пока что высылать не стоит: нет никакой уверенности, что она дойдет до адресата. П.С.

Письмо Н.А. 19.10.79. Все лето была либо очень занята на своем дачном участке, либо болела. Только-только начинаю свою обычную «лишнюю жизнь». Обнаружила, что не ответила на Ваше письмо. Но дело в том, что и обретая время, не могу ответить ни на один Ваш вопрос. Все это совершенно не для писем, не для почты. Н.Р.

Письма П.С. 24.10.79. Все-таки есть телепатия! (кстати, говорят, парапсихологией занимаются у нас в чертовой дюжине институтов). Собираясь в Москву (у меня там учится сын), я робко думал и о визите к Вам. И тут Ваша открытка... Если нет навязчивости с моей стороны, то можно ли будет Вас побеспокоить где-то в середине ноября? Нужно надеяться, что никакие нечистые силы (подобно булгаковским!) не помешают встрече. Не поблекли для Вас со временем «Мастер и Маргарита»? При недуге я перечитываю роман вместо лекарств и выздоравливаю. Не зря молодежь переписывает его (в наш полиграфический век). Даже ради ожидания подобных произведений стоит жить на этой грешной земле. П.С.

24. 2. 80. Прежде всего, поздравления с Вашим днем 26 февраля! И если бы дело хоть чуть-чуть зависело от моих пожеланий, то быть Вам олимпийской чемпионкой по лыжам, конькам и другим «сердечным» видам спорта! Хочется верить, что в следующую зиму встречу Вас на лыжной прогулке. Просто грешно при Вашей спортивной форме не использовать этих возможностей. Здоровье прежде всего, а остальное приложится.

Покидая Москву, еще и еще раз хочется поблагодарить Вас за гостеприимство, «польскую кухню» и Ваше великодушие. Знакомство с Вами – как открытие... И будь я живописцем, без промедления взялся бы за Ваш портрет, согласитесь, что такая затея не просто для чьего-то тщеславия.

Если бы моя книжка легенд не была такой незрелой (задержанной на полпути!), знаете, какую надпись сделал бы я? «НАР: Без вины виноватой, сопричастной Великой Русской Литературе»... Если найдется время написать мне, то сообщите, раздобыли для Вас книгу Яковлева. Если нет, я обещаю достать, хотя бы на черном рынке, где обмен идет полным ходом (явление тоже примечательное). Еще был бы рад узнать Ваше второе впечатление по «Евангелию от Булгакова», как называют его роман. Думаю, что образ Маргариты, несчастной и счастливой, обаятельнейшей из женщин должен Вам импонировать. И вспомним, в какое время создавалась эта вещь. Нет, к такой судьбе не останутся равнодушными и наши далекие потомки.

...В хорошую пору года появились Вы на свет, Наталья Алексеевна. Морозы, вроде, позади. Пост обостряет восприятие, хоть чуть-чуть освобождает от плоти и даже приобщает к мыслям о «спасении души»... А главное, вот-вот начало весны, надежд и тревожных ожиданий. Всего Вам доброго. П.С.

Письма Н.А. 29.2.80. Прежде всего – большущее спасибо за поздравление! А теперь спешу Вас успокоить: книга для меня уже есть, как и картинка для Вас. Правда, к Вам в связи с этим обращаюсь еще с одной просьбой. Если

сможете, достаньте последний сборник «Прометей», посвященный Льву Толстому. Как видите, в наш век ничего не достается даром! Читая книжку, все больше завожусь. Чем это кончится, не знаю. Но из-за того до «Мастера» никак не доберусь. Ответа мне от выставочной комиссии пока нет. Желаю Вам плодотворного времяпрепровождения и вообще всего лучшего. Н.А.

4.6.80. Если Вы и оторвали меня от дел, то это – от таянья, косябы и тому подобного!.. Все прочие дела временно отставлены. Что касается Старостина, то я его немного знаю, ибо он очень близок был с Кобозевым, после его смерти бывает у его вдовы, с которой мы в очень хороших дружеских отношениях. Очень хорошо, что Вас заняла мысль собрать воспоминания о Кобозеве. Кое-что в этом отношении, кажется, делается. Есть одна журналистка, которая тоже заинтересовалась Кобозевым. Недавно были «кобозевские» чтения (каждый май). Знаю, что она там выступала, но ее заинтересовали и его работы и, кажется, главным образом, его философские работы. Ведь у него есть книга «Термодинамика мышления». Мне кажется, что я Вам эту книгу показывала. Когда приедете, могу познакомить Вас с милейшей вдовой Кобозева.

Что касается «Гаража», «Сталкера» и пр. – ничего не видела. Кино в Москве как-то не вписывается в мою жизнь. Что же до «щедрого» солнца, то оно уж очень скупо в этом году, а после вашего пожелания и вовсе скрылось за безнадежными тучами. Но именно это и позволили мне сесть за ответы на письма. Как Вам работается? Над тем, что по душе? Или по долгу? И когда работа отпустит Вас? Жаль мне, что на Вашу долю досталось увидеть мою дачку в самое непривлекательное время.

В этом году все поздно. Отцветают нарциссы, цветут тюльпаны, вот-вот зацветет сирень – самая моя любимая... А там – великолепные пионы... Работать по-настоящему я могу лишь с осени до весны. Летом очень многое другое отвлекает и заполняет. Всего Вам хорошего. Н.А.

Письмо П.С. 27.6.80. Перелистал двухтомник Кобозева. Бросился в глаза портрет (он постоянно носил – и в МГУ – бабочку вместо галстука). По фото в нем скорее можно было угадать конференсье. Вот и доверяйся внешнему виду! А после такие мысли, что и в голове не помещаются. Правда, голова-то моя не приспособлена к восприятию науки. И с риском уподобиться чеховскому ученому соседу я все же решусь поделиться своим впечатлением от перелистывания. Прежде всего, импонировало предупреждение об угрозе обольвания. Или, говоря точнее, опасности миллиардного источника информации, как правило, односторонней, «отучающей от диалога, сосредоточенности и размышления», явления более опасного и менее решаемого, чем радиоактивные осадки и осквернение воды и воздуха (стр. 238). А если копнуть глубже, то энтропия информации дезориентирует и повышает энтропию поведения (вплоть до сверхнаглядного примера пьяного мужика). Но как соблюсти равновесие между векторным (направленным) и броуновским (хаотическим) элементами процесса? Природа вроде управлялась, а вот как возомнившие себя царями природы – человеки? Где та тропинка?.. (Не потому ли ученые мужи любят удаляться в горы, что там ее легче выбрать?) Вспомнил свои альпинистские вылазки в лагере «Наука». Конечно, броуновская линия (я назвал ее для себя «бродячей») привлекательна еще и ролью поиска. Но игра в жмурки над обрывами – не для нормальных людей. На нее не решаются даже наркоманы. А с другой стороны, «максимальная степень векторизации – стопроцентная монотонная направленность

мысли, воли и психики ведет к маниакальности»... (стр. 238). Вот и выбирай.

Хочешь, не хочешь, предпочтешь золотую середину. Вроде и ясно, что в конкретной ситуации люди то и делают, что бьются лбами о стены или друг о друга... Конечно, о Кобозеве нужна научно-популярная вещь (может быть?). А близким ему людям, естественно, необходимо собрать о нем воспоминания. Интересно, как он относился к литераторам (и вообще и конкретно). Вам и перо в руки, Наталья Алексеевна. Если нечего читать, а знаю, до библиотек Вы не достаете, то могу предложить небезынтересные свежеиспеченные мемории Веры Пановой. Я не поклонник ее таланта. Но, во-первых, она Ваша землячка, и будет, наверное, приятно, как ныне говорят, ретроспективно попасть в родной Ростов-град. Во-вторых, любопытно бывает познавать зигзаги женской психологии. Ну, хотя бы такая деталь. В 1935 г. репрессировали ее мужа, а годом позже она пишет поэму и посылает ее Сталину... Если пожелаете, могу выслать Вам ее книжечку по почте.

Не знаю, насколько типичный я читатель, но все меньше и меньше тянет меня к художественным произведениям. Впрочем, и мировая статистика свидетельствует об уклоне книжников к документальному жанру...

Если суждена людям интеллектуальность, стремление к достоверности и истине, а не щекотание себя литературными эмоциями, то, очевидно, прогноз не лишен подтверждения. Хотя вот Кобозев отмечает другие тенденции. А каково научное суждение Натальи Алексеевны? Неужели в таких литературных пенатах не тянет ее к перу, бумаге? Ну, пусть не к самой серьезнейшей прозе, а хотя бы к черновым заметкам о своем детстве, юности. Вам не надо доказывать: только таким путем можно вновь пережить ту прекрасную пору. Примите это как убедительную просьбу Ваших читателей.

Относительно описанных Вами очаровательных цветов, то наверно, по нашей мужской психологии всевозможные полевые незабудки лучше всяких закультуренных экзотов (по этой же логике мужчины не жалуют косметику). Как там поживает Ваша ясная поляна? Не собираетесь на юг, к морю? Милости просим на пути в Крым на привал в Запорожье. П.С.

Письмо Н.А. 21.5.80. Да, жаль очень, что вы так надолго отложили Москву и ее окрестности. Хотя весна и недобрая, но дел все равно принесла с собой много. Говорю, что из-за холодов не могу еще жить на даче. Я привыкла май проводить уже там: слушать соловьев, кукушку, любоваться своими тюльпанами. А теперь я сама по себе, а они сами по себе...

Превеликое Вам спасибо за Корина: впечатления очень сильные и незабываемые. Н.А.

28.7.80. Радует, что наши интересы продолжают пересекаться. Вот вы не на шутку заинтересовались Кобозевым. Наружность? Когда я его первый раз увидела, просто перепугалась. Ведь после полиомиелита, перенесенного в раннем детстве, он остался частично парализованным: левая рука висит плетью, правая сгибается не до конца, голова двигается только вместе с шеей. Но представьте себе, ко всему этому потом привыкаешь, не замечаешь вовсе. Он покоряет своим умом, проявляющимся даже в быстрой реакции при разговоре, в решительной определенности и ясности ее. Очень для него было характерно, что он провозжал нас после очередного собеседования по науке неизменным: «Действуйте».

Вдова Кобозева не перестает трудиться над его архивами. Очень сожалеет, что при его жизни – тяжелой, с бес-

конечными болезнями и больницами – она не вела дневников, ничего не систематизировала вовремя. Увидимся – поговорим подробнее. И об отношении к литераторам тоже.

Очень мне важно, когда, где писал Толстой то, что вы приводите, что в будущем писатели будут не сочинять, а только рассказывать? Уточните, пожалуйста. Ведь по этому поводу я привожу письма А.И. и Шаламова. Шаламов рассуждал, следовательно, по Толстому.

Мое детство никому не нужно. Писать о нем меня совершенно не тянет. Мой стиль совершенно иной: не по воспоминаниям пишу, а только отталкиваясь от писем, дневников, документов... Тут уж я до конца векторна. Никуда не отклонюсь.

Летом, как всегда, работа моя движется медленно. Много отвлекающих обстоятельств, да и голова хуже работает. Была не в порядке машина. Даже просто не заводилась! Сейчас, кажется, удалось привести ее в чувство. Хочется очень поездить. К сожалению, компаньонки мои одна за другой отпали. Тем не менее, вероятно, попутешествую.

Когда же вы соберетесь в наши края? Есть что вам рассказать Н.А.

Письмо П.С. 5.8.80. Более месяца тому послал Вам письмо. Начинаю беспокоиться, все ли у вас благополучно. Может не получили послание? Ведь я наклеил на конверт цветные марки, а мало сейчас любопытных филателистов?

А может все от солнца? Ведь его кое-кто в этом году готов объявить сумасшедшим? Кажется, Вознесенский в «некрологе». А только стоит ли винить светило? Ведь выйдя из себя, не предупреждает ли оно людей еще раз, чтоб не суетились, не зарывались, опомнились... Глядя с высоты на глупость в человеческом муравейнике, можно было бы уже и по-настоящему рассердиться. Хотя и предпочитаю, согласно годам и опыту, теневую сторону, или встречу утром и вечером. В каком-то мудром племени любителей ораторствовать на собрании предоставляли место на солнцепеке, да еще стоя на одной ноге. Сколько выдержит, столько и выступает. Эх, перенять бы опыт людям цивилизованным!

Впрочем, я тоже, кажется, увлекся лирическими отступлениями. В эпистолярном жанре принцип «одной ноги» тоже не лишней. Из АПН получил гонорар. Так что материал о Сергее Михайловиче, очевидно, пошел... Жаль, если Вы не получили мое июньское письмо.

P.S. Собрался нести на почту письмо и тут – Ваш ответ. Выходит, зря наговаривал на филателистов. И все-таки они вернутся – уверен в их любопытстве.

Слышали Вы что-нибудь о сборнике АПН «В круге последнем»? П.С.

Письмо Н.А. 13.8.80. Почему Вы не ответили мне, откуда взято высказывание Толстого? О «Круге последнем», увы, знаю. Поговорим о нем при встрече. Меня замучила машина. За неделю спустили три колеса. Отказалась от идеи путешествовать на колесах. Н.А.

Письмо П.С. 7.9.80. По Вашему примеру перехожу на «открыточный стиль». Откуда высказывание Толстого, не помню. Но твердо помню, что цитировались эти слова не одним автором, а в одной книжке были вынесены даже в эпиграф. Когда приеду в Москву, это нетрудно будет уточнить в музее Толстого. В таком же примерно духе делал признание А. Франс: для него, мол, записки кухарки или дворника важнее многих высосанных из пальца романов. П.С.

ПОСЛЕДНИЕ МОГИКАНЕ

Бурная молодость, зрелость напоминают о себе и в старости. Хотя для нее природа программирует вроде бы успокоительный закат. Солженицыну, видимо, не дано дожить век в тишине. Новую шумиху заварил он своей новой книгой о евреях. Кстати, в оценки ее они вовсе не едины. Как когда-то подготовленные спущенные КГБ ржезичи и яковлевы, теперь набросились предубежденно-наостренными дейчи (11.4.02. в эпатажно-провокационном «Москов. комсомольце» его придирки на целую полосу).

А до этого, год назад А.И., мягко говоря, озадачил его горячий супер-поклонник А.И. Сидорченко, опубликовав за свой счет вроде бы работу Солженицына «Еврей в СССР и в будущем России», написанной опять-таки вроде бы в 1968 г. «Вроде» потому, что это сделано без разрешения А.И. по какой-то случайной копии. Дело архискандальное, но реакции от А.И. не последовало. Сидорченко хвалился, что этим он подтолкнул А.И. расширенно углубить эту «деликатную» тему в книге «Двести лет вместе».

Под одной обложкой Сидорченко поместил и свои творения с разоблачением «плагиатора» Шолохова и утверждением автором «Тихого Дона» Ф. Крюкова. Сидорченко окончил философский ф-т Ленинградского ун-та, был референтом у академика-марксиста, защитил канд. диссертацию, написал книгу о Высоцком, в советское время прошел через две психушки и тюрьму... И уже этим «прохождением», исповедью представляет интерес. Вот каких определений у него удостоен Шолохов – «писатель-поневоле», «безграмотный шалопай, болван, паразит», плагиатор, «литературный выблядок сталинской диктатуры», Сталин назначил его автором «Тихого Дона», «желтоглазый бандит от политики приказывал желтому бандиту от литературы», «нельзя черного кобеля вымыть добела», «на всякую хитрую задницу в России всегда найдется известный орган с винтом» (матерщины С-ко в отличии от Ерофеева и др. «модных» почти не допускал), «сын гавноеда» (отец-инородец симулировал при растрате сумасшествие) украл творческое сало Крюкова и грыз в вешенской норе... и т.д. и т.п.

Ну, что же, какое время – такие и книги. И для познания даже подобная «исповедь» важнее андерграундного бреда. Алла Михайловна, вторая жена Сидорченко, милая здравомыслящая женщина разделяла обостренное правдоискательство мужа. К тому же (она инженер по профессии), пишет стихи. Вот ее строчки, адресованные Н.А. Решетовской.

**Вы были на вершине торжества
Любви неограниченной в пространстве.
Вы помните отчетливо слова,
Произносимые в хвалебном постоянстве.
Из года в год, через невзгоды лет
Вы пронесли «венки любви».
Казалось, вот он жизни взлет,
Но прерван путь и некуда идти...**

Чету С-ко я встретил в гостях у Н.А. Решетовской. Супруг развлекал собравшихся своей экстравагантностью. Говорил, что ему положено быть трижды нобелевским лауреатом за его изыскания, и трудно было угадать, хохмит он или проявляется его склонность к «преувеличени-

ям»... Между прочим, сообщил, что после врученной его книги о Шолохове, ему позвонил сам Солженицын и чуть ли не хвалил автора. Разговор, мол, продолжался 20 мин., и это подтвердила и жена.

С-ко торгует книгами, развал его на Тверском бульваре, денег хватает не только на хлеб с маслом, но и на издание своих творений. Его иногда «тягает», скубет милиция, но в психушку не помещают.

Среди знакомых, навещавших Н.А. Решетовскую был и подполковник, внештатный сотрудник военного журнала Леонид Михайлович Горовой с женой Таней. Он тоже пристрастный читатель Солженицына, пишущий о нем, собирающий публикации. И особую роль среди знакомых, среди помощников Н.А. занял Николай Васильевич Ледовских, ставший близким ей человеком, что было насущнейшей необходимостью при ее тяжелом, отчаянном положении (она почти совсем ослепла и с трудом поднималась с постели при переломе тазобедренного сустава).

Все знакомые последнего времени появились как читатели уже не только книг Солженицына, но и самой Н.А. – в перестроечные годы были изданы ее воспоминания в Москве и Иркутске. (Она даже была принята в один из союзов писателей России.) При помощи Ник. Вас. она написала и новую книгу о своем сотрудничестве с АПН и о том, как она все-таки защищала А.И. Но издавать такую книгу она благоразумно не решалась, потому как и без этого не раз вызывала недовольство А.И. своими публикациями. (Одна из последних в АиФ № 34, 2001 г. – «похорошила любовь Солженицына».) А то чего доброго А.И. может и прекратить ей оказывать помощь – он выделял деньги для содержания женщины, которая ухаживала за Н.А. Иначе было бы горе совсем беспросветное.

Хотя А.И. и называл Н.А. «вдовой», но все же, кроме денег, к 80-летию прислал ей букет и поздравительную открытку. И дай Бог ему здоровья и здоровья, потому как никуда не выходит, по веранде передвигается с палочкой и падает. Кстати, к ней приходила, приносила лекарства и в больницу, и домой Н.Д. Светлова – вторая жена А.И. Я навещал Н.А. редко, из-за своей аденомы, вернее, последствий, а ведь когда-то мы с Таней и на даче помогали и к нам Н.А. приезжала на новоселье, подарила прекрасный этюд Ивашова-Мусатова.

Времена усложнились не только с субъективной у каждого старостью. Почти каждый день (даже без «почти») сообщения об убийствах, авариях, грабежах, пожарах, катастрофах. И все же, все же, как говаривал мой отец, живой живое гадает...

В общении с такими людьми как Н.А., ее знакомыми, с книгами жизнь обретает свой дополнительный смысл. И еще подумалось о том, что мало у кого из писателей было столько разнообразных и необычных читателей. Это, наверное, последние могики...

Да и сам А.И. последний из могики, писатель, у которого было столько читателей – преданных, самоотверженных, пристрастных, одержимых, спорящих, дополняющих, распространяющих, страдающих... Из писем читателей начинался «Архипелаг ГУЛАГ». Жалко, что о них, их судьбах осталась ненаписанной небезынтересная книга. Кое-что успели поведать сами А.И. и Н.А., но сколько остались забытыми, похороненными в архивах КГБ.

Я хорошо знал Лидию Георгиевну Свиридову, врача, прошедшую войну с пехотой, в медсанбате. Затем она работала на Севере. У нее была одна из богатейших библиотек в Запорожье, и этим, конечно, заинтересовались кегебисты. Узнав, что она дает читать «Один день» коллегам,

предложили отдать им эту книгу, иначе будет произведен обыск. (В пик травли А.И. они начали «зачистку» личных библиотек.) «Один день» она сдала, но машинопись «Архипелага ГУЛАГ» сохранила, отвезла в глухое село своим надежным фронтовым друзьям. С ней обошлось, а сколько пострадало таких вот хранителей и распространителей, попавших в лагеря и тюрьмы. Зачем им был нужен такой риск и жертвы? Что за этим – повышенные эмоции, поиск истины, пробуждение совести?

Переданные мне Н.А. несколько папок ксерокопий писем А.И., других рукописей и документов, я, будучи «под колпаком», вручил на хранение кандидату технических наук Михаилу Валентиновичу Еханину. А его уже, как засеченного «чернокнижника» (посетителя книжного «черного рынка»), вызывали «куда следует». Он дальше отвез этот архив к другу на дачу в дальнем районе Подмосковья. В своем долге читателя (слово, наверное, нужно писать с большой буквы) не видел ничего особенного.

Студент МГУ Юра, мой младший, рассказывал, как они в общегитии разыгрывали такие шутки. На возвращенной в бумагу обложке какого-то учебника крупно надписали «Архипелаг ГУЛАГ»... Мол, решили проверить – никто не настучит? Владелец книги, не обратив внимание, или, забыв о надписи, читал ее в вагоне метро. И только тут заметил, что от него начинают отсаживаться пассажиры.

Никто не настучал... Наступили другие времена. Не только одалживали близким друзьям «крамольное» чтиво, но и собирались компанией, группой и читали ночью, передавая друг другу листы ксеро- и фотокопий, если книга доставалась на очень короткое время. Боже, мог ли кто представить даже в бредовом сне, что через каких-нибудь 15-20 лет Солженицына и Сахарова будут печатать в журналах, выходящих миллионными тиражами. А вскоре после этого в центре Москвы будут продавать на развалах «Майн Кампф» Гитлера и отечественную нацистскую фашистскую литературу. Газет развелось в Москве, что собак нерезанных. В каждой была обязательной подборка анекдотов. Пошла какая-то анекдотомания бандитского времени.

ИЗ ПИСЕМ

Дорогой Александр Исаевич! Хочется от всей души поздравить Вас с приближением чуда!.. Иначе трудно назвать те полвека из 70, которые человек может пройти через круги, попадая в преисподню и возвращаясь вновь, подвергаясь испытаниям. Говорили, что Данте возвратился оттуда с подсмаленной бородой... А какие рубцы остались на душе? Вам кое-что удалось поведать миру и об этом. В признании недостатка вроде не было. А какое чувство на таком рубеже у Вас – Прометей, Сизифа, Фауста или Дон-Кихота?..

Многое хотелось бы Вам написать. Да и это – дойдет ли?

У нас тут много шума, скрипа, охов и ахов. Есть немало и трезвых голосов. Но принято решение осознать перегиб и вновь открыть многие винные «точки» и забегаловки. Может и вправду иссякает пассионарность? Знакомы ли Вы с теорией ленинградского проф. Л.Н. Гумилева? Фрагменты были опубликованы в «Знамени» № 3 за тот год, а полностью трехтомный труд обещают издать в обозримом будущем. Очень своеобразное и во многом убедительное толкование истории. Очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому поводу.

«Вторая реабилитация» Ваша продолжается. Не проходит недели, что бы Вас не упоминали в каком-нибудь журнале. Но до полного признания, очевидно, не близко. Тут тоже, видно, своя очередь – после Платонова, Замятина, Пастернака... Впрочем, соблюдение порядка – кто за кем – ослаблено, и кое-кто пытается втиснуться без учета своего номера. Вот так, возможно, пристроился со своим Чонкиным В. Войнович (по благу с Э. Рязановым?). Как Вы смотрите на подобных нарушителей? Может Войновича можно простить – он ведь из настырных сатириков. Но теперь по своему великодушию никого впереди себя не пропускайте. А с другой стороны, и скандалить ведь неудобно, тем более, если хороший человек втискивается...

Надеюсь, Вы не осудите меня за такую несерьезность. Не хотелось, чтобы юбилей Ваш был скучным. И еще такая идея, А.И. Если последует длительная задержка с Вашим приездом в Москву, то не послать ли Вам сюда Ермолая или кого-то из младших на каникулы. Чем раньше они увидят Россию, тем лучше. Мы с радостью примем их у себя и сделаем все возможное, чтобы от пребывания остались самые лучшие впечатления. (У меня двое сыновей, один занимается географией, другой – журналистикой.) Можете не сомневаться в нашей искренности. Я – испытанный судьбой Ваш давний корреспондент. Здоровья Вам и благорасположения звезд! Если будете писать, то лучше заказным.

С уважением П. Супруненко. XII.88.

Уважаемый Александр Исаевич! ...Теперь о своем читательском «поклонении». Не буду рассыпаться в банальностях по поводу Вашего действительно беспримерно-подвижнической роли в разоблачении Зла и поисках Истины. Несомненно, Ваши книги и весь пример Вашей жизни способствовали как мне, так и очень многим читателям, в выборе гражданской позиции, в более глубоком прозрении. (Хотя никто лучше не учит, чем сама жизнь. У меня, в частности, по-настоящему глаза раскрылись – в руках каких подонков оказалась судьба миллионов людей – после прослушивания «закрытого письма» по «делу Берия». А в ряд с ним стала и вся свора...)

О том, как нелегко быть читателем в людоедской системе, тоже надо бы рассказать. Мне цитировали мои письма к Вам в управлении КГБ. И по всему видно было, намеревались не просто припугнуть, если вызывали по моему «делу» около трех десятков свидетелей. Исключали, увольняли, вновь вызывали и предупреждали. Я поступал, как мне подсказывала моя совесть. Да, может, чуть меньше других поддавался страху потому, что хлебнул фронтовых передрыг (прошел солдатом и офицером от Кавказа до Праги, начиная семнадцатилетним). Не совершивши особых подвигов на фронте (кто же напишет, что на войне солдат меньше всего заботится о героизме), в мирные дни я тем более сохранил реальное представление о закрытии амбразуры своим телом. Но когда ко мне поступила просьба взять на хранение копии Вашего архива (для подстраховки), я не испытывал никаких сомнений. Просто считал это своим читательским долгом. Тогда же я познакомился и с Вашей оставленной библиотекой и сделал с разрешения Натальи Алексеевны выписки Ваших пометок на страницах книг. Ведь была явная опасность, что они могли исчезнуть, как и архив. Не Вам объяснять их общественную значимость. Так и были написаны мной заметки по этим маргиналиям. (Если бы у Вас было время с ними ознакомиться, я бы немедленно их выслал.) Александр Исаевич! Может я по своей читательской наивности чего-то не по-

нимаю, но мне кажется странным, что за границей уже вышло много книг по Вашему творчеству и биографии, и Вы не выражали своего неудовольствия. Для своих же соотечественников Вы то устанавливаете запрет на издание публицистики, то монополично доверяете тому же Залыгину Ваши сочинения, то запрещаете мемуары Решетовской. «Огонек» напечатал «Матренин двор» – последовал окрик. Заединщики поднимают Вас как свое знамя – вроде так и надо. Вот и русские кадеты выдвинули Вас кандидатом на императорский трон... А заединщики в обнимку с ползковцами... И дело не только в том, чтобы в этой смуте четко определиться – с кем Вы? И нейтральным молчалиником Вас в былые времена читатели вроде не считали. А теперь тем более значительно Ваше слово.

Вот еще ультра-патриоты провокационно затеяли публикацию пасквилией Самутина, а обещают еще и Виткевича, и Симоняна в «Военно-историческом журнале». Иногда мелькнет такая грешная мысль: а, может, это и к лучшему, ведь за этой гнусной возней явно видны уши провокаторов, следует их саморазоблачение. (И опять же информация для размышления читателей – что толкнуло упомянутых авторов – страх, зависть, шантаж, окружение или генные задатки?..) И еще хотелось дать Вам знать, уважаемый Александр Исаевич. Для тех, кто хотел прочесть Ваши произведения, возможности сейчас не ограничены. Беда в том, что у винных магазинов в нашем славном отечестве очереди и очереди, а библиотеки почти пусты. На этом фоне Ваша публицистика, информация о Вас, а еще лучше и Ваше присутствие здесь были бы совсем не лишними. Для выяснения вопроса – возрождение или вырождение?

С уважением П. Супруненко 28.XII.90.

СОХРАНИТЕЛИ

Меня посадили в милицейскую машину безо всякого рукоприкладства и даже без каких-либо грубостей. И не рядовой патруль, а милицейские чины – капитан и лейтенант. И уже это навлекало на подозрение, что задержание не было случайностью. Не успел я перебежать дорогу к подходившему троллейбусу, как они меня и подобрали. После формальных расспросов, кто я и откуда, между собой переговаривались – куда меня доставить.

Про себя я подумал: четко работают ребята. Видимо, весь разговор в квартире ими прослушивался. Чего побаивался, то и случилось. Дело ведь не маловажное. Н.А. Решетовская, бывшая жена Солженицына, опасаясь изъятия архива кегебистами, сняла ксерокопии с многочисленных документов, писем, рукописей. Если за книгами и самиздатом его рьяно охотились «органы», то такие материалы представляли особый интерес. Среди тех, кому Наталья Алексеевна решила доверить хранение архива, оказался и я. Решилась она не сразу, а после годового нашего знакомства, когда она, очевидно, уверилась, что я ее не подведу.

И вот такое развитие «сюжета». Мало мне пакостей было от гебешников на Украине. А как они будут действовать здесь в Москве? Как поведу себя с ними я сам? Я не мнил себя героем, но и компромиссы с ними через АПН той же Натальи Алексеевны не одобрял и говорил ей об этом прямо.

Быть судьей кому-то считал не вправе, но и своего мнения не скрывал. Как к ней, так и к очень доверенному ей В.Я. Лакшину. По строгому секрету она давала знать,

что еще один экземпляр архива передан ему. Владимир Яковлевич был более чем приметной фигурой среди шестидесятников. Его «Булгакиада», а особенно защита Солженицына в очень своевременной (1964) блестящей статье «Иван Денисович, его друзья и недруги» вызвали такое восторженное восприятие, что многие читатели пророчили критику роль, если не Белинского, то Добролюбова наших дней. Но пророчество не только не сбылось, но произошел у Владимира Яковлевича, скажем так, крутой поворот.

После того, как был фактически заместителем Твардовского в «Новом мире», его, как он сказал мне, сослали консультантом в «Иностранную литературу». И все б ладно: такая «ссылка» еще терпима. Лакшин нашел себя на ТВ, как популярный литературовед (вплоть до исполнения под гитару забытых романсов). И это ему вовсе не в упрек: на дворе-то махрово расцветали брежневщина и андроповщина. Но Владимир Яковлевич умудрился опубликовать на Западе книжку «Друзья и враги «Нового мира»», в которой не только боготворил своего прославленного шефа, но и не менее предвзято лягал Солженицына за неосторожную критику Твардовского с его непоследовательностью и запоями. Такой скандальный шумок вокруг непроходимого, нетерпимого, ненавистного имени автора «Архипелага ГУЛАГа» вполне устраивал власти. (Может со временем кто-нибудь расскажет, как они поощряли издание лакшинской книги за границей?) На мой прозрачный намек и вопрос, как же согласуются подобные «метаморфозы», Владимир Яковлевич (в письме 29.12.86 г.) дал такое разъяснение: «Человек с возрастом, случается, умнеет, начинает понимать вещи глубже и отчетливее, отказывается от некоторых иллюзий и заблуждений, меняются иногда и литературные вкусы. Это можно сказать и обо мне. Но убеждений своих – в главном – не менял».

В будущем исследователям придется поломать голову над тем, как у кого менялись вкусы, привязанности, убеждения и как кто оканчивал разрывами, неприязнью, компромиссами, соглашательством. Разобраться в этом помогут и воспоминания и архивы. Хотя бы поэтому их надо стараться сохранить. «Недовольство» Александром Исаевичем и у Лакшина и у Решетовской, слава Богу, не заходило так далеко, чтобы не понимать, как важно сохранить его бумаги.

Мне был известен и третий адресат хранения ксерокопий солженицынского архива. Вот что в связи с этим поведала мне жительница Пятигорска Е.Б. Польская. (Евгения Борисовна вместе с мужем «отбухала» 10-летний срок в сталинских лагерях, написала об этом и о трагедии терского казачества в 1945 г. в Италии интересные воспоминания.)

«После лагеря и ссылки Солженицын в 1956 г. посетил родные места. В Пятигорске он останавливался у хорошо знакомой нам Марии Васильевны Крамер, очень близкой подруги его матери. Настолько близкой, что некоторые считали ее крестной матерью Сани. Но это не соответствует действительности. Хотя она действительно помогала уходу за малышом. А когда он подрос, водила его с матерью на прогулки по «аристократическому» Кисловодску и в церковь во время богослужений. Так что Саня впитывал православие сызмальства. Может, это тоже потом сказало на его возврате к вере?»

Квартира у Крамер была тесная и жили в ней три женщины: кроме нее, сестра Муси – Ольга и их мать. Но Сане, как недавнему эзку, было не привыкать к неудобствам, и он ночевал на раскладушке во дворе. Так что если

почитатели захотят отметить пребывание мемориальной доской, то ее надо помещать на столбе. Сестры отмечали тогда не только внешнюю бледность, отрешенность, но и какую-то внутреннюю сосредоточенность гостя. Он не скрывал от хозяев, что много пишет. Не прекращал этого занятия и в те пятигорские дни. Не знаю уж по просьбе сестер или по своей инициативе – как бы на память – гость оставил Марии Васильевне несколько своих стихотворений.

И вот такая со временем произошла весьма неприятная история. Муся, как очень близкая наша знакомая, когда слава Солженицына прямо-таки взорвалась с выходом «Одного дня», похвалилась этими оставленными им стихами. Стихи на пару дней оказались у меня. И я из читательского ли тщеславия или женского легкомыслия, считайте, как хотите, дала их почитать одному моему знакомому. А он их, оказывается, переписал и передал своему московскому товарищу. А когда тот встретался с Солженицыным, обмолвился, что знает его стихи...

Все возмущения читателя, скрывавшего свои произведения, ощутила, прежде всего, Крамер. Поэтому когда к ней попали ксерокопии солженицынского архива, а после смерти они оказались у нас, мы проявили уже эковскую конспирацию. Упрятали в очень надежное место, и знал об этом очень ограниченный круг людей. Хотя и то сказать, нравы были уже не сталинские. Страх был, но не смертельный...»

Евгения Борисовна была права. От «Великого Терра» оставались отрывки. Страх еще задержался, но уже не тот, из-за которого закаленные как сталь, твердокаменные советские люди доносили, оговаривали, клеветали на своих близких, соседей, сослуживцев. Психологическое давление, запугивание в застенках КГБ еще сохранялись, но тех пыток и массовых расстрелов уже не было. Этим и объяснялась казавшаяся безрассудной смелость и читателей и писателей – шестидесятников. Даже за «распространение» не всегда давали сроки, а за чтение «крамолы» отделялись только неприятностями по работе, иногда увольнением и, конечно, строгим предупреждением «органов». Способствовала и новая революция – научно-техническая, массовое распространение радиоэлектроники, «магнитиздата». Подпольно фото- и ксерокопировали и полузапрещенную фантастику, М. Булгакова, не допущенную, не покореженную цензурой поэзию, воспоминания. На особом счету была репрессивно-лагерная тема: ахматовский «Реквием», шаламовские рассказы, владимовский «Верный Руслан» и т.д. Но особенно вынюхивали ищейки, стукачи и их хозяева издания А. Сахарова и А. Солженицына. А торжественное шествие неистребимого Самиздата шло непрерывно. Власти издавали грозные постановления, инструкции, даже пишущие машинки прятали в сейфы. А я знал знакомых, которые делали незаконные ксерокопии за мзду даже в учреждениях КГБ...

Как и запретный плод, упоительное запойное чтение увлекательнейших книг известно издавна. Это, как у той римской монахини, которая ела вкуснейшее мороженое и при этом приговаривала: «Ах, если бы это было еще и грешно...». Распространение и чтение подпольной литературы в Стране Советов – статья особая – в ней первый шаг в выборе свободы.

Я не знал, какая кара мне положена за хранение солженицынского архива (а в нем находились и самиздатские статьи Сахарова, стихи Мандельштама, Ахматовой, Шаламова), и на риск я шел не только ради захватывающего

чтения. Обретался смысл и значение совершаемого поступка.

...Милиционеры в машине допрашивали меня: кто я, откуда, знаю ли, что Москва режимный город и что в течение трех дней должен стать на учет (а я уже обитал в столице без этого учета несколько месяцев). Потом они вслух совещались, куда меня везти. А потом понял из их разговора, что они просто ждут откупа за то, что перешел Ленинский проспект в «неположенном» месте... И только!

Но радоваться было рано. Большой суммы у меня не было, а обыкновенный штраф их не устраивал. Я, как казанская сирота, оправдывался в безденежье, молчал что-то о том, что никакой опасности для столицы не представляю, что я офицер запаса, капитан... Пробудил ли жалость, или сыграло свою роль моё безденежье, но они меня великодушно отпустили. После такого происшествия я стал переходить московские улицы в положенном месте и при зеленом свете светофора. А взятый по частям солженицынский архив, вернее его копии, хранить стал не в режимном городе, а у товарища в подмосковной деревне. Н. Решетовскую я убедил сдать все ценное из документов, писем и рукописей в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства). Береженого Бог бережет.

КНИЖНЫЙ БУМ

Вроде бы «мелочи жизни»... Впервые пошел на книжный рынок в спорткомплексе «Олимпийском». Удивиться было чему. И не только объему хаотических развалов, скорее завалов. Можно было затеряться в рядах на нескольких этажах, глаза разбегались от пестроты, разнотемности. Это какой-то взрыв полиграфии. И, может быть, последний взрыв.

Невольно подумалось о другом предстоящем извержении – электронной информатики. (Японцы готовят новую революцию в 2-3 года с видеодисками. Может, доживу... Жалко очень, что не записал голос отца и мамы на кассету. Как привязывает к жизни память.) Вернемся к книгам.

Какой-то издательский разгул. От очень дорогих по искусству – до брошюр-шпаргалок для школьников. А учебников не хватает. Заполненность детективщины. (По-

чему? Попытка забыть? Пощекотать нервишки?) Кажется, ослабли надежды на политиков, на «дядю», на литературных затейников и знахарей. Поэтому, кроме утешительной литературы религиозной, мистической, астрологической, еще и книженции с призывами: «Разыщи в себе радость», «Исправь свою судьбу», «Исцели себя сам», «Думай и богатей» и т.п.

Больше всех развлек меня развал с «красными корочками». (Боже, сколько ради подобных служебных допусков и пропусков было потуг, интриг, доносов, анкет...) А тут за 5 тысяч (цена двух булок) можно и себя и приятеля утешить – потешить.

Итак, перечисляю «удостоверения» с золотым теснением – гения, афериста, начальника мафии, полового гиганта, богини любви, бабника, заслуженного алкоголика, дурака, слесаря-гинеколога, любителя пива, хохла... (Из всех национальностей выделен, отмечен только этот представитель, и украинцы могут или сердиться или радоваться, лучше, конечно, посмеяться: «Ох уж эти прокляти москали!») Кстати, москали к хохлам более добродушно настроены, чем украинские наци – воинственные хлопцы – к русакам. Но это разговор отдельный.)

Перечень «посвидчень» можно было бы продолжать: к примеру, кроме «Пропуска в женскую баню», есть с приметными буквами «КГБ», с обратной стороны – «ЦРУ»... Дожили и до таких шуток! Надолго ли?..

Основная информация для размышления короткая. Издается очень много всякой всячины, даже элитарных писателей, философов, многотомно, но не большими тиражами – «пробными». Вовсю пробивается в столицу провинция, к примеру, многотомник «Энциклопедии домашнего быта» одного из смоленских издательств. Выживают всевозможные АО, а госиздательства, неповоротливые, бюрократические, отстали основательно (у некоторых на складах залеживаются без спроса книги на многие миллиарды рублей).

Я ничего не купил, хотя цены здесь почти на треть ниже чем у лотошников и офеней. Как и многие, пришел к выводу, что нужна справочная и очень необходимая «любимая» литература, а от лишнего, как от жирового веса, надо избавляться. Рядом библиотека: многое беру оттуда. Кстати, она почти пустует: т.н. массы прикованы к тв-«ящикам»...

III. К «СОЛЖЕНИЦЫНСКОМУ ВРЕМЕНИ»

Неисповедимы, невероятны пути... Пройдя войну с боевыми орденами, арест, лагеря, ссылку, преодолев безнадежно-смертельный онкологический недуг, клевету, изощренную травлю, неудавшееся отравление кегебистами, пережив изгнание из страны, «забугорное» отшельничество, А.И. Солженицын приблизился к своему победному, триумфальному 90-летию. Удивительно необычная, уникальная, иногда кажется прямо-таки мессианской фантастическая судьба Мастера. (Не хочется называть «писателя»: слишком девальвировалось это звание в совково-торгашеских условиях приспособленчества, лицемерия, всяческих разборок и разделов.) С космической скоростью в 1962 году он вырвался на литературную, да и общественно-политическую орбиту, а кое-

кто приравнивал этот взлет и к атомному взрыву, будучи рязанским учителем. И был неплохим, и даже примечательным учителем.

СОВМЕСТИТЕЛЬСТВО

Он преподавал физику, математику, астрономию. Коллеги хорошо отзывались о нем. «Он всегда работал с выдумкой. Ученикам было интересно на его уроках. На урок астрономии, например, мог принести томик Толстого, Достоевского. Прочитает какой-нибудь отрывок из произведения и спрашивает, что здесь неправильно с точки зрения астрономии. Писатели ведь любят описывать звезды,

но часто бывают неточны в их описании. Солженицын любил точность».

И, естественно, появились со временем искренние признания его бывших учеников. «Новый учитель, с красивым, типично русским лицом с небольшой бородкой нам сразу понравился уважительным отношением к ученикам. Другие смотрели, как на мальчишек и девчонок. Один педагог даже за уши драл. И тут вдруг обращение на «Вы». Для нас это удивительно было, мы как-то словно повзрослели, стали друг на друга смотреть другими глазами. Что еще обращало на себя внимание – это его речь. Я больше никого не встречал, кто бы так красиво говорил по-русски. Никаких «гм», «так сказать», фразы четкие, каждое слово к месту. Для нас его речь была лучшим уроком русского языка».

Так в казахстанском поселке в 50-х ссыльный Александр Исаевич запомнился и тем, что кроме добротного преподавания создал геодезический кружок для подготовки учеников к практической работе после окончания школы. Подобное же мнение и среди рязанских воспитанников. Один из них дал АИ такую сверхлаконичную характеристику: умен, аккуратен, бережлив. При этом объяснил, как учил руководитель фотокружка экономно тратить реактивы. Такое же, почти благоговейное отношение к пишущей бумаге. Его конспекты, выписки, пометки обращали на себя внимание очень убористым бисерным почерком, но абсолютно разборчивым и аккуратным.

Среди тетрадей рязанского учителя была и одна с необычным названием «Маленькая энциклопедия». Это им самим придуманное «самодельное» собрание интересных выписок, сообщений, вырезок из газет и журналов. Наклеены они были по алфавиту. На что необходимо было обратить внимание учеников примечательных, поворотных 50-х? Вот некоторые из разделов, выбранные АИ: авто, астрономия, атом, авиация, био..., пограничные науки, ракетная техника, радио, строительная техника, сельхоз..., ТВ, охрана природы, ремесла, факты (всякие случаи), библиография – для школы и для самообразования...

Главное – дать молодым фундаментальные современные знания, привить нравственные общечеловеческие начала. Не торопиться политизировать их.

А в школе – затянутые сети повального политпросвещения. Свою «общественную нагрузку» АИ предпочитал обрабатывать чтением лекций (по атомно-термоядерной энергетике и научному прогрессу) в учреждениях и на предприятиях Рязани. И даже в этой заколлективизированной среде казенщины и плано-показушной школьной системе он сумел оставаться хорошим приметным педагогом. И при этом неустанное, целеустремленное совместительство – до одержимости «подпольное» литературное творчество.

Несмотря на «хрущевскую оттепель», не без основания опасаясь доносов и внимания кегешного «недреманного ока», АИ позаботился о конспирации. Поэтому и прослыл среди школьных коллег человеком замкнутым. И как потом удивлялись...

Пожалуй, легче прослыть замечательным воспитателем чужесемейных ребят, и даже правонарушителей. А как со своими? Ведь так нередко в благополучных, интеллигентных семьях вырастают вывихнутые неудачники, аморальные потребители и просто потенциальные или явные преступники. АИ и в этой ситуации выдержал большой жизненный экзамен. В отдаленном вынужденном американском забугорье в отрыве от родины он подготовил сам по многим домашним урокам, по образу жизни высокооб-

разованных, нравственно здоровых троих сыновей. Влюбленных в русский язык и в Россию. Ставшими еще со школьного возраста ему помощниками, а со временем и прекрасно развившими свои способности. В чем секрет? Он общеизвестен: внимание, справедливость, методичность, требовательность, любовь...

В КРУГУ ОБЩЕНИЯ

А.И. Солженицын, конечно, прозаик, мыслитель Божьей милостью. Но не только. Еще с детства он сам себя готовил, делал выбор. Он выпускал интересную стенгазету, рукописный журнал, начал собирать материалы для романа... И не терял попусту даже минут: в транспорте учил записанные на карточках формулы, латынь... Физмат Ростовского госуниверситета был выбран не только для обстоятельного образования, но и житейской надежности. А для словесности заочно начата учеба в престижном МИФЛИ – Московском институте философии, литературы и искусства.

И выбор был оправдан: в действующей армии АИ стал командиром батареи артрязведки, а после ареста накануне Победы в лагере на какое-то время попал в интеллектуально-научную «шарашку». И даже в гнуснейших условиях гулаговского ада не расставался со словарем Даля и... четками для запоминания сочиняемых стихов. Опыта и материала для будущих произведений хватало с избытком...

После выхода в 1962 году повести «Один день Ивана Денисовича» ошеломительная слава (мировая!) не только обрушилась на АИ, но и принесла свои проблемы. Нужно было не только самому укрываться для творчества, но и скрывать свои новые «взрывоопасные» произведения, за которыми разворачивалась охота со стороны КГБ и «номенклатуры». Началось немислимое, невероятное «бодание»... А между тем теленок рос, а роскошный и подгнивший дуб дряхлел.

Эту борьбу трудно представить без поддержки, участия необозримого легиона читателей. Многие из них оказались активнейшими помощниками, распространителями «самиздата», неуловимыми «невидимками». Очень многим АИ отвечал письменно. При удобных обстоятельствах наносились визиты, велись споры, шло обсуждение событий и проблем.

При встрече с профессором химиком Н.И. Кобозевым состоялся разговор о детерминизме, предопределенности. Профессор обращал внимание АИ на его чрезмерную «векторность» и необходимость учета фактора неожиданности. Ученый определил человеку быть «векторным» этак на 60-70%, а остальное оставлять для поиска.

АИ навестил в Ленинграде знаменитого астронома И.А. Козырева. Его открытия поражали воображение. Разговор у них шел о том, что ученый близок к поразительному доказательству – время является источником энергии. Было чему удивляться!

Трогательная встреча произошла в подмосковной Дубне со старым знакомым еще по Бутырской тюрьме, известным ученым-генетиком Н.В. Тимофеевым-Рессовским, человеком поразительной судьбы, оставшимся работать в институте в гитлеровском Берлине, находившемся при смерти в советском концлагере, «спасенным» Берией для работы в секретной гулаговской лаборатории на Урале. Человеком неумным, всесторонне образован-

ным, могуче-темпераментным, веселым, великолепным рассказчиком.

Конечно, вспомнили и о том, как даже в бутырской камере Николай Владимирович ухитрился организовать научный коллоквиум. В нем приняло участие 17 заключенных: четыре инженера, два энергетика, один биолог, экономист, несколько физиков (среди них оказался вовлеченным в эту «лекторскую группу» и АИ). Выживший ученый стал со временем героем гранинского «Зубра», автором необыкновенно живой и остроумной книги воспоминаний, запечатленных в магнитозаписи и «магнитиздате» бесед.

Дружественные близкие отношения связывали АИ с другим биологом, научным сотрудником НИИ медицинской радиологии в Обнинске Жоресом Медведевым. Писатель одобрительно отзывался о многих публицистических работах ученого, советовал их передать в «самиздат». Оба были довольны, найдя друг друга. А когда в 1970 году Ж. Медведева власти за смелое инакомыслие поместили в «психушку», АИ решительно выступил в его защиту, подвергая самого себя риску подобного насилия. Стоит вспомнить строчки этого протеста против изуверской практики беззакония нагло-трусливых партийно-кегебешных органов.

«...Если бы это был первый случай! Но она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать... Угодливые психиатры, клятвопреступники, квалифицируют как «душевную болезнь» и внимание к общественным проблемам, и избыточную горячность, и избыточное хладнокровие, и слишком яркие способности, и недостаток их. А между тем даже простое благородие должно бы удерживать. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем – и то мы клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомышлящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно. И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, где человек переступает в людоеда!»

К сожалению, многое забывается...

Не только за АИ, но и за его единомышленниками блюстители коммунального советского режима вели слежку, устраивали провокации, обыски на их квартирах. Особенно после появления романов «В круге первом» и «Раковый корпус» в «самиздате» и за рубежом в печати. Потом критики будут вести по ним споры, появятся и разночтения. Но у большинства читателей была восторженная поддержка. В одном из писем отмечена такая оценка: «Если стиль Ваших рассказов – это стиль того, что астрономы называют «белыми карликами», то стиль «Ракового корпуса» – это стиль обыкновенного Солнца и солнечной системы. А стиль «Круга» – это уже стиль целой спиральной галактики или мегагалактики, но, впрочем, также очень сжатой, уплотненной»...

А что начнется, завихрится, когда чекисты раздобудут поистине громopodobный и взрыво-разоблачительный «Архипелаг ГУЛАГ», первые книги – «узль» «Красного колеса», когда будет присуждена Нобелевская премия...

Конечно, нельзя не удивляться, как в таких режимных условиях АИ удавалось сделать так много и так основательно. Одна из загадок – в его целеустремленности, здоровом образе жизни, умение «разряжаться», снимать на-

пряжение в обязательных пеших и лыжных прогулках, путешествиях на велосипеде, на лодках, в железнодорожных вагонах, на пароходах и автомобилях по Центральной России, Украине, Прибалтике, Кавказу, Сибири. (Это не считая экзовских и военных «маршрутов».) Однажды, как вспоминает жена, на берегу Байкала АИ даже размечтался: в одном из распадков построить когда-нибудь дачу, воду к которой подавал бы родник, энергию – солнечные батареи. (К слову, в России, как ни в одной стране мира, нет такого количества вторично-параллельного жилья. И почему бы современным дачникам не начать пошире внедрять на участках при дороговизне и дефиците электроэнергии ветровые мини-станции и солнечные батареи и этим воплотить экологическую мечту в действительность?)

И еще о тех, кто подсоблял, помогал АИ в его титаническом труде. И первая, и вторая жена его были подготовлены судьбой для такой подвижной участи. Н.А. Решетовская закончила аспирантуру МГУ, кандидат химических наук, Н.Д. Светлова – выпускница физмата МГУ. Приучившие себя к так рьяно внедряемой НТО – научно-технической организации труда, они оказали АИ незаменимую, неоценимую подмогу. Наталья Алексеевна, придающая особую роль документальным свидетельствам и письмам, на основе переписки опубликовала обширные интересные воспоминания. Вообще же драматичность и трагедийность судеб жен советских политзаключенных еще не оценена по достоинству.

И что касается документальной прозы, то кроме растущего ее рейтинга среди читателей, может, будет небезынтересным напомнить суждение Толстого: «Мне кажется, со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни».

Между прочим, читателям, нужно полагать, было бы интересно знать мнение АИ по этому поводу. Как и суждение его о проблемах электронных средств массовой информации (да и искусства тоже: ведь грядет перспектива так называемой компьютерной прозы, графики и дизайна). Автор этих заметок четверть века тому в переписке с АИ просил его высказать свое отношение к ТВ (я готовил передачу для «голубого экрана»). Этот «ящик для идиотов», как называли его американцы, вполз, ворвался в каждую квартиру. Наивно было бы его недооценивать.

В том письме в 1964 году АИ ответил: «Честно Вам скажу: на телеэкран никогда не смотрю и считаю его полезным разве только для пенсионеров».

Интересно насколько изменился взгляд АИ на ТВ плюс Интернет?.. Ну, пенсионеры, ладно уж, они – «отработанный материал», а вот как быть с угрозой духовному и физическому здоровью детей? Современные наши архи- и супер-демократы лишили АИ возможности выступать на ТВ. Может, по старой дедовской методе организовать это за умеренную плату в клубах и в захиревших «дворцах культуры»? Трудно сказать, как для АИ, но для еще многочисленных читателей, молодежи такое общение в нашу Смуту со здравомыслящим авторитетным Мастером было бы очень и очень кстати.

ВОЗМОЖНО ЛИ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Если ранее во время напряженнейшей работы АИ удерживал себя от интервью, встреч, бесед, то с угрозой нового ареста, «психушки» или теракта он позволил себе «роскошь человеческого общения». Еще с первых знакомств у него сложилась непростая «дружба-борьба» с очень высоко ценившим его А. Твардовским, проявилась участливая забота со стороны восторженного М. Ростроповича, последовала поддержка самоотверженно чутких Чуковских (отца и дочери) и многих писателей, артистов, художников, ученых. Естественное тяготение было у АИ к людям науки.

Особые взаимоотношения были у АИ с академиком А.Д. Сахаровым. Впервые они встретились в 1968 году, памятном введении советских войск в Чехословакию. Явные и скрытые протесты маразматирующим властям не мог заглушить даже вездесущий КГБ. Встреча хотя и была полулегальной (за Сахаровым, как правило, следовали его «телохранители»), затянулась на четыре часа. АИ отмечал обаятельность собеседника с его мягкой улыбкой и светлым взглядом. Это не спасло ученого от солженицынской категоричности, непримиримости: писатель в сахаровской оценке событий усмотрел налет «марксистской ущербности».

Позже АИ самокритично признавался, что был недостаточно вежлив и излишне настойчив в нападках, да при том и без достаточного аргументирования своей позиции. Более того, промелькнула даже попытка объяснить свою ершистость не просто минутным настроением, а чертой более постоянной – «подпирала меня пружина лагерного прошлого»...

Потом было еще немало менее продолжительных встреч, при которых они «обреклись на раздельность». А.Д. Сахаров писал в 1974 году: «Солженицын пишет, что может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверам, я считаю величайшей бедой, а не национальным здоровьем. Лишь в демократических условиях может выработаться народный характер,

способный к разумному существованию во все усложняющемся мире».

В печати нет-нет да и вспоминается это различие взглядов Солженицына и Сахарова. Одни толкуют, насколько они были непримиримыми оппонентами, другие считают их все-таки единоидейными братьями... И все бы ладно, если бы дело касалось только биографических страниц и соприкосновений. Но от тех памятных споров и следы на современном размежевании «западников» и «славянофилов», сторонников приоритета личности и великодержавников, мирового правительства и «особого пути» России.

Без дискуссии и споров нет движения, жизни. Только бы без маразма, паранойи, репрессий. Не забудем, как выдержал АИ травлю и угрозу перед вторым арестом и изгнанием из страны. Как с цепи сорвались «видные» руководители, писатели, ученые. «Прислужник империалистов с 30 сребренниками» (П. Проскурин), «Крайняя степень падения» (Г. Абашидзе), «Вызывает омерзение» (Б. Кербабаяев), «Жирный кусок станет у него поперек горла» (М. Алексеев), «Саморазоблачение клеветника» (С. Михалков), «Так называемый писатель» (А. Иванов), «Никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения» (Коллективно по алфавиту: Айтматов, Бондарев, Гамзатов, Катаев, Симонов, Федин, Шолохов и другие). И если уж решили присоединиться к этому единодушию В. Быков и С. Залыгин, то что говорить о марковых и софроновых. «Отпор литературному власовцу», «Докатился до края», «У предателей нет родины!», «Позорная судьба!», «Предатель заслуживает лишь презрения!» (А могли бы потребовать и немедленного расстрела, как в 37-ом...) Дружное «ату!» от украинских собратьев по перу: Гончара, Стельмаха, Загребельного, Воронько и др. А ведь совсем не так давно при «явлении народу» АИ в тех же центральных газетах о его творчестве писали: «Суровая правда», «Во имя человека», «Правда горькая, но необходимая», «О прошлом во имя будущего», «Большая правда», «Во имя правды, во имя жизни», «Да будет полной правда»...

Обзор «солженицынского времени» не столько необходим юбиляру, сколько поучителен для нас, его современников. Побольше бы таких энергичных, целеустремленных, талантливых, честных людей для России, и может для нее придет вместо нынешнего смутного вырождения грядущее возрождение. Умный поймет умного. И наоборот. Но как и когда поузмеем?

УШ. СОЛЖЕНИЦЫН: ПРОРОК И ЧЕЛОВЕК

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПОСЛАНИЯ

Длительное время я был хранителем клада. И как большинство кладов сопряжены с тайной, этот был не лишен покрова секретности и риска. С некоторых пор мной обстоятельно занималось КГБ (эту контору почему-то принято называть в среднем роде). Меня регулярно вызывали, навещали дома, а еще ранее был проведен негласный

обыск. Поэтому возникали и сложности. Хранение нужно было передоверить надежному товарищу, а тот тоже для надежности (а это два увесистых чемодана) переправил собранное в деревню.

Теперь о самом кладе: назван он так, конечно, условно. Это архив А.И. Солженицына: документы, письма, черновики, заготовки. Оригиналы находились в другом месте, но подстраховаться ксерокопиями было необходимо. Недремлющее «всевидящее око» не удовлетворялось только наблюдением. Допустить бесследное исчезновение

хотя бы тех же писем было бы непростительной потерей для литературы, для общества. Когда-нибудь они будут изданы отдельными томами, и читатели будут иметь возможность убедиться подвижничеству и высотам человеческого духа. Причем безо всяких издержек преклонения, эмоционального перехлеста: жизнь вроде достаточно подучила нас не сотворять кумиров. Но как остаться равнодушным хотя бы к тем страницам биографии, когда А.И. узнает о своем онкологическом недуге и охвачен тревожным беспокойством – как спасти, не оставив бесследно, написанное. Безо всякой связи с друзьями, при отсутствии родных и близких, оставленный любимой женой, обреченный на это уже отчисляемое одиночество в ссылке. Впрочем, оставался у него еще один адресат, к которому пошли его предсмертные послания.

«...устал я от передражной жизни, жизненных впечатлений мне тоже станет по гроб...»

«...просто ошарашен – ведь надо и печь топить, и продуктов достать, и приготовить, а когда – шут его знает...»

«Я очень изменился. Если раньше проявлять в жизни настойчивую энергию, ходить и говорить только быстро и не допуская возражений было моим свойством, то теперь я хлопочу о своем месте под солнцем только нехотя, и только в крайних обстоятельствах, ходить люблю медленно, говорить тоже, а еще лучше других послушать».

«У меня очень светлый взгляд на мир, веры в людей я не только никогда не терял, но окреп в ней – и именно поэтому я бы всего охотней жил сообразно с природой – неторопливо, не выставляясь, не накапливая, не тянясь ко всему блестящему...»

Писал он в Ростов, о котором и такие строчки в одном из писем: «Можно ли лучше узнать нашего старого друга, в котором мы провели лучшие дни нашей молодости?» (Имелось в виду разрушение города после оккупации). Письма-исповеди адресовались ростовчанке, хорошему другу детства Ирине Арсеньевой. Для Сани немаловажно было и то, что она могла понять его и как врач. (Пребывание девушки на оккупированной территории хоть и осложняло ее определение на работу при бдительной «кадровой политике», но со временем она смогла даже защитить кандидатскую диссертацию по медицине).

Он пытался с ее помощью разобраться с навалившейся на него «цепью болезней». Удивлялся, что в лагере год работал в литейном цеху в страшной жаре – и малярии не было. Здесь ни жары, ни комарика – и свалился с температурой. Может не малярия? «Голова вся из чугуна, барабанные перепонки как распирает изнутри, даже не могу тихо лежать и перебирать воспоминания – очень нудное состояние». Иногда болезнь вроде бы отступала, и значит, чувствовал себя как бы на 10 лет моложе. И тогда разбирал кино постановку «Анны Карениной», перечислял, какие книги прислать (Пушкина и Лермонтова обязательно, и по ходу отзыв о Джеке Лондоне, который стал неинтересен).

Вроде и с работой уладилось у загнанного ссыльно-поселенца: вместо предполагаемого учетчика тракторной бригады разрешили милостиво работать плановиком-экономистом в райпотребсоюзе, а потом и учителем физики и астрономии. Рад был описать обустроенное жилье в нанятой, а потом и приобретенной в собственность хибарке: «кровать» из трех ящиков, чемодан вместо стола, сколоченный из большого ящика посудный шкаф. Заботы о картошке и даже радиоприемнике... И теперь уж выкраивалось время для рассуждения со своей корреспонденткой

о быстром развитии дворянской молодежи прошлого века, ее чутье мифологии и мировой литературы, быстром сгорании в неверии, опустошении, пресыщенности. Но боли не отступали.

«Надо быть всегда готовым к худшему, поэтому пишу тебе, родная, в предположении, что умру... Уже сейчас сесть за стол и написать письмо для меня физически больно и трудно. Нервы расшатались. Уже ночей 10 не сплю, ем очень мало, обессилел и потерял трудоспособность и всякий вкус к жизни».

«Последние две недели провел в таких мучениях, что стал совершенно серьезно думать или о неизбежной смерти, или о самопроизвольной. Очень рано умирать в 35 лет, но когда лишаешься возможности спать, есть, двигаться, сидеть за столом, когда ни Толстой, ни Чайковский уже не волнуют – это все равно не жизнь».

Среди описания болей, принимаемых лекарств и иссык-кульского корня и даже предсказания «хорошего» хироманта, обещания ему еще 50 лет с хвостиком и сообщения предыстории болезни: более года тому назад в феврале 1952 года еще в Экибастузе в лагере у него была вырезана из паха злокачественная опухоль. И выяснения о том, нельзя ли «мирным» путем рассосать новую опухоль... Но полного отчаяния не было. Продолжались боли, диагнозы и свой разумный анализ перед последней чертой.

«Только думаю, как бы правильно распорядиться последними месяцами». «Мне легче, что я не верю в полноту нашей смерти. Какая-то духовная субстанция остается».

«После моей уродливой биографии это была бы несправедливая смерть – но смерть и не добывается справедливости».

Предстояла поездка в Ташкент – «может, еду на тот свет» – но и предчувствия мрака не было. Может, сказывался канун нового 1954 года, а может – и скорей всего – осознание немаловажное, выстраданное бедой.

«Ослабление внутренней воли жизни, которая была тем выше, чем трудней обстановка жизни – это ослабление, видимо, и привело к податливости моей болезни».

И хотя он не тешил себя иллюзорными надеждами и даже готовился к смерти, но перелом какой-то наступал.

«Настроение мое (от неисправимого ли моего природного оптимизма) – хорошее, вкус к жизни ко мне вернулся, наслаждаюсь музыкой, когда удается поймать хорошую, наслаждаюсь видом солнца, неба и снега... и вообще настроение такое, что надо жить дальше – ну, в общем, как на фронте – жить нужно и хочется, но понимаешь, что твой снаряд может разорваться в любую минуту».

Втянутый в «колесо лечения», он тщательно вникал в методу приема лекарств, рентгеноскопии (первые 55 сеансов), подробно описывал ход болезни. Не оставляло сомнение – возвращена ему жизнь или только поманили ею. И, тем не менее, продолжал обсуждать экранизацию Стендаля, постановку «Эсмеральды», философский подход к жизни индусов, просил прислать латинский словарь, читал Л. Толстого, А.Франса, М. Пришвина. Извинялся перед Арсеньевой, что сделал ее соучастницей своих страданий. И появились в письмах такие строчки: «Как же не сказать, что все в воле Божьей, и если со мной совершается чудо, то только Им. Сидя здесь, я уже опять не считал себя излеченным, но каждый год жизни – великий дар».

Он приглашал ее приехать к нему. Она не нашла возможности. Остался невыясненным, можно сказать к счастью, и вопрос, приехала бы она, как он ее просил после его кончины, чтобы забрать его рукописи («быть может, память обо мне ценней меня самого»).

Переписка иссякла; в 1953 году – 12 писем, в 1954 – 10, в 1956 – 3... «Хворосту для костра» не хватало. Из Ростова появились даже упреки. На них из Кок-Терека такая сентенция: «Каждый из нас хочет видеть других, а особенно близких, созданных по своей мерке и на свой вкус – но ведь это-то как раз и не удается».

Встретились они 10 лет спустя после этой переписки, которая стала своеобразной предысторией «Ракового корпуса». По крайней мере, она полнее раскрывает автобиографические мотивы романа. Ирина Петровна по приглашению Наташи и Сани гостила в их дружной семье в Рязани. Свое пребывание она передала даже не прозой, а рифмами (ее профессия патологоанатома к стихам, может, и не располагала, но сказывалась наследственность: отец был музыкантом, мать – художницей).

**Я посетила ваш уютный дом
И встретив столько ласки и вниманья
Невольно я подумала о том,
Как хорошо, что в жизни не одна я,
Что есть друзья с прекрасною душой,
Что, несмотря на долгую разлуку,
Всегда готовы встретиться со мной
И протянуть мне дружескую руку.
Старинный бой часов, скрип половиц,
Уютный ваш мирок с звенящей тишиной
И ласковый привет всех ваших милых лиц
В морозный день я увезла с собой.**

В заключение стоит, наверное, упомянуть о том, какая последовала реакция Ирины Петровны, когда у друзей случился разрыв, и когда началась травля и выдворение писателя А.И. Солженицына. Ну, ладно, она осудила подругу за опубликование книги мемуаров «В споре со временем». Так делали многие. Но она заявила и об уничтожении писем Сани к ней (хорошо, что в свое время Наталья Алексеевна сняла с них копии). Сказался ли здесь страх и малодушие в той оголтелой свистопляске передовой общественности и компетентных органов? Или может Ирина Петровна только пустила слух, а на самом деле письма сохранила?

СТРАНОВЕДЕНИЕ ПО ИСАЕЧУ

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (1918 – 2008), русский писатель

Небезынтересна насыщенность походами с отрочества и юности. Шестнадцатилетним посетил Кавказ. «От Кисловодска я в восторге. Могу гордиться своей родиной». За отличное окончание школы Саня получил ценную по тому времени премию – велосипед. С группой студентов Ростовского университета – длительный велопоход снова на Кавказ. На следующий год не менее длительное велосипедное путешествие по Украине и Крыму – родину своих предков, украинских тавричан. Вначале чарующая Великая Степь с донбасским «черным адом». Для юноши в годы героических «сталинских пятилеток» довольно зрелая и реалистическая оценка: «Шахтная гора среди домиков поселка, черная среди белых, великан среди карликов, кажется нелепой и гнетущей... Только бы не дышать воздухом, отравленным смертоносным, жизнеубивающим дымом и газом заводских труб». В Киево-Печерской лавре отмечена

«наивная трепотня» экскурсоводов-атеистов. В следующее каникулярное лето 1939 г. – снова в путь, по Волге. С товарищем они купили лодку и по окончании плавания продали ее.

Затем пошли другие маршруты – крутые и тяжелые. Как появился необычный писатель Солженицын? На вопрос отчасти поможет ответить и географическая карта. Исследователи отмечают на ней скитания солдата-офицера по фронтовым дорогам и бездорожью от Ростова до Восточной Пруссии. Другим цветом будет прочерчена и эзковская «линия жизни» – этапы по кругам Гулаговского ада (Подмосковье, Сибирь, Казахстан). За непочтительное упоминание «пахана» – Сталина в переписке с другом, тоже офицером, арест, суд. После освобождения, онкологических клиник, напряженнейшего труда учителем в школе и работы над собственными рукописями поистине удивительная подвижность.

В 1956 г. поездка в родные места, в следующее лето – по Волге. Через год – в Крым и по Днепру. И снова потянуло в предгорья и далее в глубь гор, на перевалы и ледники. Особо осталась в памяти гроза в горах: «Мы забыли бояться молнии, грома и ливня – подобно капле морской, которая не боится ведь океана. Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создававшегося сегодня – на наших глазах». Не забыт милый сердцу, мышцам (да и разуму тоже!) велосипед. На нем путешествие в одиночку по Рязанщине. На следующий 1961 г. еще более многодневный велопоход вместе с женой по местам русской старины. Затем плаванье с друзьями по озеру Селигер. И тогда же поездка в Сибирь, плаванье по Енисею.

Напряженность в работе, публикация ошеломляющих и потрясающих общество повестей, рассказов, романов, а затем и клевета, травля, гонения не помешали автору совершить велосипедное путешествие с товарищем в Прибалтику, странствие по Тамбовщине. В следующем 1966 г. – посещение северных краев, монастырей, «эзковского» Беломорканала. К нему, уже известнейшему писателю началось встречное паломничество бывших репрессированных – будущих героев открытого для мира необыкновенного архипелага многочисленных советских концлагерей – «Архипелага ГУЛАГ».

(из книги Ю.П. Супруненко «Отечественные путешественники и первооткрыватели», М.: «Московские учебники и картолитогрфия», 2008)

МАРШРУТЫ ПОЗНАНИЯ

Как стал писателем Солженицын? Этот вопрос будут еще не раз задавать многочисленные читатели. Особенно после того, как одолеют его многотомные очистительно-возрожденческие сочинения. На наш взгляд, ответить поможет и географическая карта. Будут отмечены, конечно, скитания Александра Солженицына, солдата, офицера, по фронтовым дорогам от Ростова до Восточной Пруссии. Другим цветом будет прочерчена эзковская «линия жизни» – этапы гулаговского ада (Москва, Подмосковье, Сибирь, Казахстан). Но хотелось бы обратить внимание также на истоки – на вполне добровольные и целенаправленные путешествия!

В детстве не у всех, к сожалению, есть выбор для общения с привлекательной «музой странствий». Юность уже более самостоятельна для такой инициативы. Первое

заметное отдаление от дома у шестнадцатилетнего Солженицына состоялось в августе 1935 года, когда он отправился в края своего раннего детства. «От Кисловодска я в восторге. Могу гордиться своей родиной», – писал он матери в Ростов. Между прочим, в этой же открыточке и просьба прислать денег на обратную дорогу. При скудном заработке стенографистки, постоянных трудностях с жильем Таисия Захаровна выкроила средства на эту поездку сына.

Нужно полагать, что впечатления и переживания юноши были непростыми во время пребывания на малой родине. В Георгиевске – могила отца. И хотя он погиб в 1918 году от несчастного случая, мать и сын тщательно скрывали его опасное для сталинской эпохи звание офицера царской армии и три ордена, полученные в боях первой мировой войны. Добавлял угрожающей опасности и дед Захар Щербак, изгнанный из своего хозяйства – «экономии» в станице Отраднукубанской. Кстати, приняли его тогда и не дали умереть от голода его же бывшие наемные работники, пока не увели старика чекисты. Другой дед – Семен Солженицын – обитал в станице Сабля (40 км от Кисловодска) и умер вроде «своевременно» – в революционном 1919 году, чтобы не давать повода для гонений казачества – вдове и полусироте внуку. Но брат его – дядя Илья дожил до коллективизации и был выслан в Сибирь...

Какие пути-дороги ожидали молодого человека при таких анкетных данных? Он не стал выяснять у гадалок, а сам старался определить жизненные пути. Прежде всего, упорной учебой. Хотя при этом не забываются и путешествия... В 1937 году с группой студентов Ростовского государственного университета Солженицын участвует в велопоходе. (Годом раньше за отличное окончание школы решением педагогического совета Саня Солженицын получил ценную по тому времени премию – велосипед.) И снова путь лежал на Кавказ.

Горы поражали величием, экзотикой. Как было не вспомнить Пушкина, Лермонтова, Толстого... Кавказ стал «второй родиной» в русской литературе. Войдет ли он в книги будущего писателя?.. У впечатлительного целеустремленного студента вызревали не только литературные мечтания, но и конкретные литературные замыслы... В частности, ни много ни мало, а идея романа о революции.

В 1938 году по инициативе студента А. Солженицына предстояло более длительное путешествие однокашников ростовской «альма-матер» на велосипедах – по Украине и Крыму. Инициатор был избран командиром группы. Он направлялся на родину своих предков – украинских тавричан. Отсюда, из Таврии (к ней причислялся Крым и прилегающие районы юга Украины), когда-то пошел сельский пастух Захар Щербак на поиски своей доли в вольных краях кавказских предгорий.

Внук ехал по обратному следу на двухколесной лошадке, налегая на педали, испытывая крепнущие мышцы. Зеленая степь открылась ему поначалу не с самой чарующей стороны. С дороги он писал в Ростов: «...Начался Донбасс. Сегодня он придавил. Оглушил меня, и я не могу не рассказать тебе о нем. Вместо ласковых украинских мазанок, веселых деревенок, разбросанных там и сям по балкам, лощинам и холмикам, мы увидели группы стоящих ровными рядами белых с железными до бела раскаленными крышами домов, домов похожих друг на друга, как велосипеды одной фабричной марки – мы увидели рабочие поселки около рудников. Зелени нет в этих поселках – черная угольная земля не родит ее. Защиты от солнца нет – солнце прогревает насквозь дома, солнце распалает землю, солнцем согретый порывистый ветер сушит лицо, ды-

хательные пути и душит мельчайшей угольной пылью, наполняющей воздух. А в центре поселков то и дело высятся громадные, с добрый шестизэтажный дом, черные горы правильной конусообразной формы.

Это шахты. (Как странно, я представлял их себе совсем иными – дыра в землю и перила вокруг – точно колодец). Высоко вверху на самой вершине конуса со странным громopodobным грохотом и шумом вдруг опрокидывается громадная вагонетка. Туда по наклонным розовато-черным стокам конуса катятся лавиной большущие угольные куски породы и либо застревают посредине, либо докатываются донизу. С непривычки останавливаешься, поднимаешь голову. Шахтная гора среди домиков поселка, черная среди белых, великан среди карликов кажется нелепой и гнетущей.

А она не одна. Рудничных поселков становится все больше и больше, вдали уже и без того неголубой небосвод затягивается мутным черно-синим дымом бесчисленных фабричных труб – и среди этого черного ада можно уже различить издали Сталино (нынешний Донецк – авт.).

...Я еще никогда не испытывал такого чувства безалаберной подавленности, как от этого города. Я не согласился бы быть здесь ни за какие, понимаешь, решительно ни за какие блага в мире, разве только если бы мне сказали, что я могу видеть тебя только здесь (обращение к Наташе Решетовской – авт.). На месте Тани я бы сбежал отсюда куда угодно – хоть работать чернорабочей, хоть не учиться вовсе – только бы не учиться и не жить здесь, не дышать воздухом, отравленным, смертоносным, жизнеубивающим дымом и газом заводских труб».

Поразительное неприятие заводского Молоха, несовместимого с полнокровной жизнью и природой!

Путешествие продолжалось... Из Киева Александр послал самое длинное письмо – 16 страниц! Описывать было что. И хоть свободные минуты в таких случаях на счету, он находил время и для посланий, которые становились своеобразными страницами дорожного дневника. Более того, писал не без удовольствия. «Как трудно расставаться с пером, чернилами и бумагой»...

Одно из киевских впечатлений – о знаменитой Киево-Печерской лавре: «Галереи эти или пещеры представляют собой запутанные, хитроумно переплетенные подземные ходы в рост человека. В них холодный воздух, сыро, раньше было темно, теперь горят электрические лампочки. На стенах висят иконы, порой встречаются небольшие глазки из черной или серой слюды. Раньше, когда по ходам этим ходили монахи и богомолцы со свечами, монахи благоговейно объяснял, что здесь, в подземных кельях, сидят годами отшельники и молятся. На самом деле за маленькими оконцами не было ничего, кроме стен.

Вообще экскурсоводы описывают монахов примерно так, как будто это была хорошо организованная и законспирированная шайка, которая заманивала богомольцев к себе в пещеры. Монах вел всегда богомольца или богомолку одну, делал там все, что хотел, затем рубил топором (очевидно, заранее припасенным) и грабил.

Более наивной трепни я уже давно не слышал. Как не хотят они понять, что, выставляя только слабые аргументы, они создают впечатление, что у них аргументов нет вовсе».

Здравомыслящий студент не предполагал, конечно, куда приведут со временем его более смелые заключения и выводы. Между прочим, здесь, в Киеве, он лицезрел один «иконописный» лик, но в натуральном виде. Это была лунообразная физиономия Никиты, как стали называть в на-

роде Хрущева. Это произошло на стадионе «Динамо» во время физкультурного праздника, венчавшегося футболом (этим занятием вожди, особенно республиканские и краевые, оказывали руководящее внимание и пристрастное покровительство). Соратник Сталина сидел в правительственной ложе прямо против путешествующего студента. «Я поздоровался» – счел нужным записать студент. Судьбе будет угодно, чтобы четверть века спустя произошла их более примечательная встреча. Неисповедимы пути людские.

Критический взгляд ростовчанина сказался и во время пребывания в другом знаменитом городе (нужно полагать, здесь не отразилось соперничество двух «центров» – Ростова-папы и Одессы-мамы...). «Ришелье в лавровом венке, как актер, не воспринимался в роли управителя края, граф Воронцов выглядел самодовольным и надутым, и даже Пушкин – холодным, чужим, без искорки жизни...»

А, впрочем, кто бы удержался здесь на полном серьезе («Ой, и что вы себе думаете?»). Поэтосу последовало легкое фривольное уподобление: «Одесса – настоящая женщина: ее невозможно понять, в ней невозможно разобраться. Представь себе на минуточку карту. Согласись, что Одесса расположена на северном берегу моря. Значит, если ты выходишь в Одессе к порту или пляжу, то запад у тебя по правую руку, восток – по левую. Здесь все наоборот. Солнце заходит слева. Значит к северу от города море. Значит Одесса расположена или на острове, или на узкой косе. На самом деле ни то, ни другое. ...Уже два раза я путал в Одессе два взаимноперпендикулярных направления, а сегодня отъехал от дома километра на четыре по прямой и оказался неожиданно на исходном месте.

В Одессе с десятков незабываемо-красивых зданий в стиле итальянской готики, в стиле ампир, в стиле ренессанса, порою и в мавританском стиле... Но как одни лишь глаза не делают красивой женщину, так и здания эти не спасают Одессу».

В Одессе Александр не вспомнил Остапа Бендера, но упомянул Шульгина, в Киеве посетил могилу Столыпина, оставив без внимания Лысую гору.

Кто-то из великих педагогов заметил, что основательные путешествия приравниваются к высшему серьезному образованию. Они издавна традиционно дополняли друг друга. Студент физмата Солженицын, не удовлетворяясь узкой специализацией, поступил еще на заочное отделение МИФЛИ (Московского Института философии, литературы и истории). А в каникулярное лето 1939 года – снова в путь. Теперь уже по воде, по Волге, с испытанным по прежним походам товарищем по прозвищу Кока (у Александра было свое прозвище – Морж). Они купили в Казани лодку и по окончании плавания продали ее в Куйбышеве. Может, будет не лишней оговорка: на всю жизнь связывает людей дружба на общих дорогах. А тут она, – школьная, студенческая, скитальческая, фронтовая и даже лагерно-эковская, – сосредоточилась, соединилась с этим Кокой. Но всех этих испытаний оказалось маловато, чтобы застраховать от возникших в будущем зависти, клеветы, наговоров в условиях всеохватного страха, доноительства, «всевидающего ока», «всеслышащего уха» и прочих проявлений Системы. Где закономерности, где парадоксы, кто скажет?..

Не стоит гадать, какие бы горизонты открылись пытливному широко мыслящему учителю: перед самой войной Солженицын с молодой женой – тоже выпускницей РГУ – получил назначение в среднюю школу. Не исключено, что через какое-то время у его музы странствий появился бы

богатый покровитель. Союз советских писателей щедро одаривал начинающих литераторов так называемыми творческими командировками в колхозы, на стройки, заводы для углубленного соцреалистического проникновения в жизнь. У молодого учителя, а потом фронтового офицера собралось в рукописях уже несколько повестей и множество рассказов. Творчество продолжалось в лагерях и в ссылке.

Странствия продолжались... Последуем по маршрутам солженицынских путешествий дальше. Их насыщенность поистине удивительна – после гулаговских хождений по мукам, после онкологических клиник, напряженнейшего труда в школе и дома над рукописями.

После освобождения – естественная поездка в 1956 году в родные места, в Ростов, города Кавказских Минвод. На следующий год – по Волге, через год – поездка в Крым и плавание по Днепру (через Днепропетровск к Каневу и Киеву). И снова потянуло в родные предгорья Хребта (так, с большой буквы, назван в узлах «Красного Колеса» Главный Кавказский хребет) в 1960 году. На этот раз, кроме посещения Кисловодска, Пятигорска, Георгиевска – проникновение в глубь ущелья, на ледники и перевалы, по Теберде, по Военно-Сухумской дороге. Один из незабываемых дней останется среди «Крохоток» (лирических миниатюр): «...Все было тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта. Но вспыхивала раздирающая молния, и отделялась тьма от света, выступали исполины гор. Вспышки надвигались, чередовались блеск и тьма, сияние белое, сияние розовое, сияние фиолетовое, и все на тех же местах выступали горы и сосны, поражая своей величиной, – а когда исчезали, нельзя было поверить, что они есть...»

Голос грома наполнил ущелья, и не слышен стал постоянный рев рек. Стрелами Саваофа молнии падали сверху в Хребет, и дробились в змейки, в струйки, как бы разбрызгиваясь о скалы или поражая и разбрызгивая там что живое.

И мы... Мы забыли бояться молнии, грома и ливня, подобно капле морской, которая не боится ведь океана. Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создавшегося сегодня – на наших глазах».

Картины грозы в горах, конечно, ярчайшие. Но предстоит еще найти ключи к умиротворяющему среднерусскому пейзажу. Как не мил был после гулаговских скитаний рязанскому учителю садик и сколоченный в нем столик возле двухэтажного жилкооповского барака, но... дома не сиделось. Не забытым остался и привычный с юности велосипед. В этом же, 1960 году, – поездка в одиночку по Рязанщине (дорожка учит, а печка пучит!), Подмосковью. На следующий – многодневный велопоход вместе с женой по местам русской старины. 1961 год был, пожалуй, наиболее «пилигримным». В августе совместно с друзьями – «вчетвером на одной лодке» – плавание по озерам на Селигере. Затем более длительный вояж: поездка в Сибирь, на Байкал, к Красноярским столбам, плавание на пароходе по Енисею.

Путешествие было прервано телеграммой Александра Твардовского, вызовом в редакцию «Нового мира». Предстояло «триумфальное шествие» Ивана Денисовича Шухова и его солагерников по журналам, газетам, различным изданиям не только в СССР, но и по всему миру.

Напряженная работа, а потом и клевета, травля, гонения на автора ошеломляющих и потрясающих общество рассказов, повестей, романов ограничивали «охоту к перемене мест». Тем не менее, Александр Исаевич успел со-

вершить велосипедное путешествие в Прибалтику совместно с Леонидом Власовым (Власов, знакомый еще с военных лет, станет прототипом героя рассказа «Случай на станции Кречетовка», объедет со временем на своем велосипеде многие тысячи километров по Советскому Союзу и не один раз выразит признательность своему наставнику за то первое напутствие).

Небезынтересна одна деталь. Дорожный рюкзак за плечами – немаловажная вещь для странствующего путника. Сколько этому вещмешку, «сидору», кешеру, торбе, суме посвящено рифмованных и прозаических строк. Но Солженицыным отдана дань особой разновидности рюкзаков – колхозному: «Когда вас в пригородном автобусе больно давят в грудь или в бок его твердым углом – вы не бранитесь, а посмотрите хорошо на него, этот лубяной плетеный короб на широком брезентовом разлохмаченном ремне. В город возят в нем молоко, творог, помидоры за себя и двух соседок, из города – полста батонов на три семьи.

Он емок, прочен и дешев, этот бабий рюкзак, с ним не сравнятся его разноцветные спортивные братья с карманчиками и блестящими пряжками. Он держит столько тяжести, что даже через телогрейку не выносит его ремня навывочное крестьянское плечо.

...Братья по перу! Я не говорю, примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули – езжайте в такси».

Это писалось еще тогда, когда полчища «экскурсантов» не заполнили столицу. К кочующим мигрантам и вербованным, лимитчикам и просто бродягам добавились эти добытчики. Раньше их называли мешочниками, а теперь как – авосечниками? Скромные сетки-авоськи увеличились до размеров объемистых рюкзаков и обвешивались ими, сумками, кошелками, узлами через оба плеча наперевес да еще и в руках груз. (Встречались нагруженные 6–7 ношами.) Вот она заявка для художника: «путешествующая», бродячая, беспризорная Русь.

Твардовский добился включения Солженицына в делегацию на симпозиум Европейской ассоциации писателей в Ленинграде с заездом в Пицунду. Александр Исаевич отказался от заседаний и отправился в свою очередную целенаправленную поездку – собирать материал. Велопоход на Донец, к местам битвы с татаро-монголами, закончился рассказом «Захар Калита». В Ташкенте – встреча с бывшими лечащими врачами и – дополнения к «Раковому корпусу». Новые поиски в Ленинграде, в Риге. Успел еще совершить странствие по Тамбовщине с Борисом Можаявым в 1965 году, в том числе и для сбора материала по антоновскому восстанию крестьян в 30-е годы. В следующем – посещение северных краев: Вологды, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей, Беломорканала... Вдоль пяти шлюзов прошел пешком, избегая встреч с бдительной администрацией.

К нему началось встречное паломничество бывших репрессированных – будущих героев «Архипелага ГУЛАГа». В одном из многочисленных писем, которые он получал, были и строчки о том, что интерес читателей к его творчеству не иссякнет и это, мол, не в малой мере зависит от того, насколько часто он будет передвигаться среди людей пешком, на велосипеде...

О дальнейших осложнениях и последнем его принудительном этапе, пресловутом выдворении, прибытии в ФРГ, в Кельн, к Генриху Беллю, читатель знает. Потом были поездки, полеты в самые различные страны Европы,

Азии, Америки, но это уже другие линии, для отдельных начертаний – на карте мира.

Здравомыслящие люди нашей страны не только не лишали писателя гражданства, но и ради чтения его произведений терпели гонения, шли в лагеря и тюрьмы.

(Написано совместно с Ю.П. Супруненко, в сокращенном виде опубликовано в журнале «Мир путешествий», 1993, №5, с.12-13)

ХЕРНЛИ. ВЕРШИНА СПАСИТЕЛЬНАЯ...

Хоженные и перехоженные Альпы достаточно полно отражены в литературе. Рассказать и поведать о них на бумаге охотно брались и те, кто не имел привычки держать в руке перо. А что же говорить о литераторах, стихотворцах. Среди тех, кого горы эти не только вдохновляли, но прямо-таки выручали, спасали от безнадежья и депрессии, оказался и такой известнейший во всем мире писатель, как А.И. Солженицын. Интересно, что об Альпах ему пришлось обстоятельно писать, еще не видя их, и, конечно, не подозревая, что он когда-нибудь попадет в них, да еще при необычных житейских обстоятельствах.

«Сурово расположенный, пейзаж и окрашен с суровой сдержанностью. Белизна снегов тухнет в голубовато-лиловой дымке затененных расщелин. Скользящая зелень камней лишь немного примешана к бело-голубому потоку. А промеж двух белых полос – сплошной массив горы с серо-зелеными и серыми скалами».

«Солдатская лавина, поднимаясь и опускаясь, карабкается и прыгая, потекла через горы. За это время она была в самых различных положениях. Художник выбрал спуск. Двигаясь сверху вниз, армия приобретает энергию прежде накопленной, теперь растрчиваемой высоты. Это – разряд накопившегося электричества. Сила движения кажется во много раз возросшей».

Это отрывки из студенческой работы Сани Солженицына по эстетике, посвященной широко известному полотну художника Сурикова «Переход Суворова через Альпы». Будущий Нобелевский лауреат, автор «Архипелага ГУЛАГа» учился тогда в конце 30-х годов не только на физмате Ростовского госуниверситета, но и одновременно, заочно в Московском институте философии, литературы и искусства – знаменитом МИФЛИ. К будущей работе и жизни молодой человек готовился обстоятельно.

Горы оставляют в его памяти такой след, что и на закате своего сложного драматического жизненного пути он пишет: «Так и в жизненном пути поднимаешься с плоскогорья на плоскогорье, и каждый раз хочется назвать: вот это и наступили вершинные годы мои. Но идешь дальше – оказывается: и те были еще не вершинные.

Или – и не ждать их уже.

«Путь мой уясни предо мной...»

Горы вошли в его жизнь довольно приметными вехами. Он родился среди гор, на Кавказе, в широко известном городе Кисловодске. И хотя мальшом их и не запомнил – мать рано уехала с ним в края равнинные, донские, но подростком его потянуло в эти родные места. Он отправился сюда на велосипеде во время самодетельного похода и в восторге писал матери, что может гордиться своей родиной. Кавказ поражал величием, экзотикой. Как было не вспомнить Пушкина, Лермонтова, Толстого! Кавказ стал «второй родиной» для многих и многих авторов в русской

литературе. Как он отразится в памяти и в творчестве будущего писателя? Почти 20 лет спустя после военных скитаний и лагерно-тюремных ГУЛАГовских «крутых маршрутов» его снова потянуло в родные предгорья Хребта (так он именовал с большой буквы в своих записках Главный Кавказский хребет). На этот раз было проникновение и вглубь и ввысь – на ледники, в ущелья, на перевалы, странствие по Теберде и по Военно-Грузинской дороге. Один из незабываемых дней останется запечатленным среди его «Крохоток» (лирических миниатюр): «...Все было – тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта. Но вспыхивала раздирающая молния, и отделялась тьма от света, выступали исполины гор. ...Вспышка надвигалась, чередовались блеск и тьма, сияние белое, сияние розовое, сияние фиолетовое, и все на тех же местах выступали горы и сосны, поражая своей величиной, а когда исчезли, нельзя было поверить, что они есть.

Голос грома наполнил ущелья, и не слышен стал постоянный рев рек. Стрелами Саваофа молнии падали сверху в Хребет, и дробились в змейки, в струйки, как бы разбрызгиваясь о скалы или поражая и разбрызгивая там что живое. И мы... мы забыли бояться молнии, грома и ливня – подобно капле морской, которая не боится ведь океана. Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создававшегося сегодня – на наших глазах».

Еще через несколько лет, в 1961 г. после своих летних каникулярных путешествий по Волге, Днепру, городам и весям России, Украины, Прибалтики, – посещение необычных гор в Сибири. Их и горами-то, при небольшой высоте, можно назвать условно. Тем не менее, путь от них начинали известные альпинисты. Красноярские Столбы – место примечательное. Впечатление от них оставил не сам Александр Исаевич, писатель, а его спутница. Нужно полагать, они не изгладились из памяти современного классика.

Примечательно свидетельство А.И. Солженицына о вдохновляющей роли гор. После выдворения из Советского Союза он несколько месяцев не мог писать, вел поиски, где бы обосноваться. Наконец, обрел жилье, обустроилась семья, схлынули гости и журналисты. Но в комфортных городских условиях сверхблагополучного Цюриха работа не двигалась с места. Для уединения была найдена дача приятелей на Штерненберге – узком гребне между двумя горными чашами.

«...Особенно светло действовал вид с высоты. В обзорном глядении сверху и далеко вниз, а особенно повторительном, ежедневном, ежеутреннем, есть что-то очищающее душу и просветляющее мысль. Простое стояние и осмотр – уже есть работа ума и души. И облегчается задача оценить свою минувшую жизнь и преднаметить будущую. ...А особенно удивительны были в этом вертикальном пейзаже игры туманных полос или обрубленных радуг. ...Километрах в пяти высилась наибольшая тут вершина Хернли, в цепи других не намного меньше. А кусок пешеходной тропы над еще третьей, соседней, чашей был моим излюбленным «капитанским мостиком». Когда было не ждать гуляющих, я, по тюремному обычаю, ходил по этой тропе туда-сюда, туда-сюда, вбирая себе ясности и разума то от верхнего вида, то от нижнего – от горного прорыва в долину речонки Тесс...»

Его кровать в доме стояла так, что первый взгляд утра через распахнутое окно всегда был на дальние горы. «...Глубина и высота видимых гор менялась от ясности

прозора, но в лучшие чистые утра первооткрытыми глазами я видел сразу снеговые Альпы».

Творческий процесс пошел: Александру Исаевичу удалось в этом месте многое написать. А то тревожился, не окажется ли он здесь, на чужбине писателем-бездельником. Так выручили его горы.

ЗАРУБЕЖЬЕ В СРАВНЕНИИ С РОССИЕЙ

С привычкой путешествовать, познавать странно было бы, оказавшись на Западе с приглашением и материальными возможностями, не посмотреть мир. Да была и другая необходимость – выбрать новое место жительства и условий для работы. Привлекательная и космополитичная Швейцария, как и Германия, были насыщены советскими соглядатаями, разведчиками, агентами КГБ.

Норвегия с ее пустынными фьордами была привлекательной по климату, но и близка к советской границе. Огражденная водой Англия, издавна привлекающая эмигрантов, показалась Александру Исаевичу не очень уютной. Даже со своим бытовым дискомфортом: плохим отоплением, отсутствием в кране смешанной теплой воды и даже с неуклюжей мебелью. А вообще-то, если говорить об англичанах, то они показались гостю у себя дома, вопреки расхожему мнению, беззащитней и добродушней, чем на сцене истории.

Вольно-невольное все посещаемые края сравнивались с Россией. Казалось, Испания наиболее схожа. Крестьяне садились обедать на обочине дороги. Толпы людей около храмов в воскресенье с семечками... «Совсем непохожи внешне, а как неожиданны сходства характеров: храбрость, открытость, неорганизованность, гостеприимство, крайность в вере и безверии». Но сам Исаеч – не Хемингуэй и не Дали по натуре, не любитель корриды, и поэтому дальше направил свой поиск.

По дороге во Францию заглянул в княжество Монако с его знаменитыми игорными домами. И даже посетил одно из казино... Нет, не для проверки своего везения и азарта. Ему нужны были детали для «Красного Колеса» при описании игры в рулетку, которой увлекался Богров, убийца Столыпина. «Здесь, как будто создана оболочка психики, и персонажи так и теснятся в блокноте при каждом движении карандаша...» (это из его записки после посещения игорного дома).

Странствователь не ставил своей целью описание европейских достопримечательностей, это до него сделали многие от Карамзина до Эренбурга. Но в этих краях он не удержался от передачи своего впечатления на родине Дюма и Бальзака. «И даже не соборы грозные – Реймса, Шартра, Суассона и не дворцы Версаля и Фонтенбло, но медленная жизнь крохотных безвестных городков, но благородно-мягкие рисунки полей, лесков с омедами, серый камень длинных садовых оград, да все непридуманное французское земляно-серое каменноустройство». Простотой, незаселенностью, историей привлекала Франция, но сдерживало незнание языка.

Большие, шумные и суетные города для писательского уединения заведомо не подходили. На одной широте с Россией представлялись еще далекие Канада и Аляска. Но канадская глубинка оказалась уж чересчур оторванной от цивилизации, даже диковатой – «бурелом, бездорожье, на километры вокруг ни души». Аляскинские края интересны своей заповедностью, местами старорусских поселенцев и

индейских могикан. В поселке индейского племени тлинкиты его приняли как родственную душу и подарили дощечку с надписью «Тому, кого слушают»... Аляскинцы с их радушием, самоварами, комодами, патефонами представлялись, «как заповедник девятнадцатого века».

И рядом открылась самохвальная Америка. Ожидались сплошные автопотоки и смог от выхлопных труб – еще похлеще, чем в Италии, где он недавно был оглушен грохотом мотоциклов до того, что сочинил там шутивную эпиграфю: «Здесь в 1975 году советский варвар застрелил свободного итальянского мотоциклиста»...

Тревожные ожидания не оправдались, хотя проехал обитель дяди Сэма от побережья Атлантики до тихоокеанского. И объективно отметил: «И совсем тут не скученно, как представлялось. И природа здоровая, и леса не порублены, отличные стоят». Особенно пришлось по душе обильно зеленый штат Вермонт (в переводе «зеленая гора»), освоение которого начали еще французы. У тихого городка Кавендиш и был остановлен Солженицыным выбор для поселения, затянувшегося на два десятилетия.

Здесь в уединении – напряженная работа, воспитание детей, прием нечастых гостей. Жители города уважительно относились к обособившемуся соседу. Что не скажешь о суперцивилизованных приближенных к властям американцах. Правда, и писатель-отшельник не жаловал их добрым словом за агрессивность, развязность, саморекламу и другие пороки разлагающегося Запада.

Изредка по разным поводам приходилось отлучаться от уютного дома. Памятно-занимательным было посещение Японии в 1982 году, по приглашению газеты «Моммури». В незнакомой стране сравниваешь все прочитанное о ней, присматриваешься к архитектуре, обычаям и нарядам, но волей-неволей познаешь национальную кухню. Но Александр Исаевич, по отзывам первой и второй жены, неприхотлив в еде. Был даже патриотично привержен русской пище. Однажды даже шутивно заметил: «Что это за русский писатель, если он не ест грибов...»

В Японии проявился уже не этот «патриотизм», а привычное чувство вкуса. Управляться палочками он кое-как научился, но когда подали какую-то морскую закуску, не мог заставить себя даже прикоснуться к ней. Стало дурно от запаха и спасло то, что открыли окно в сад. «А блюда носят и носят, я в ужасе: когда же оно кончится? А запах гаже и гаже. Пью сакэ, а закусить нечем, кое-как донес палочками до рта два изуродованных кусочка огурца, третий раз – горку подпорченного хрена...» Не смягчили впечатление даже гейши, подливавшие теплую водку сакэ. Ненатурально улыбаясь, играя веерами, они казались все с оштукатуренными лицами и вовсе непривлекательными, старыми.

Здесь же на востоке, в китайских краях, на Тайване, его тепло приняли, угощали экзотическими фруктами: папайей, шангуа, пайхуа, янтау. Посадили в честь его дерево пу-тису (липу), просили на память вместе с ним сфотографироваться. Счел нужным заметить после страны Восходящего Солнца: «Пища китайцев несравненно вкусней, как язык на Тайване мягче японского, на мой слух. Так и сами китайцы теплей»...

НЕ ТОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЯ

По возвращении из-за океана Солженицыну в России приходилось десятки и сотни раз выступать, встречаться с читателями. В школах, институтах, лабораториях, учреждениях. Но особое волнение его охватило при посещении Ростовского Госуниверситета. Город его юности, взросления, преддверия самостоятельной жизни. «У меня много связано с каждым ростовским камнем».

Понятно, нахлынули воспоминания. Поступил он на физмат (с этим согласна была и мама) и не ошибся при выборе не гуманитарного факультета. Предположения оправдались не один раз. По окончании легче было найти работу при бдительности кадровиков – «чем занимались родители, отец?». Более того, математика дала возможность остаться в живых...

Благодаря ей Александр Исаевич в лагере с общих работ был направлен в научно-исследовательский институт, в обиходе называемый «шарашкой». Математика помогла выжить учителем в ссылке, в Казахстане, в райцентре.

Здесь в Ростовском университете он встретил очень симпатичную, если не сказать красавицу, студентку химфака Наташу Решетовскую. На нее заглядывались его товарищи, и она дружила со многими, но вышла замуж за Саню. Он выделялся для нее не только внешностью. Так же как и она, любил музыку (она хорошо играла на пианино). Его стихи печатала областная газета. Саня отличался необычайной целеустремленностью. По ее воспоминаниям, даже на остановках в ожидании общественного транспорта доставал листочки и повторял свои выписки по латыни и немецкому языку. Как студента – сталинского стипендиата, его показывали в кинохронике. Умные девушки умеют делать свой выбор.

Впрочем, теперь, полвека спустя, выступая в знаковой аудитории, он довольно самокритично оценивал то блаженное время, увлеченность грамотной девушкой, путешествиями, мечтой о будущем писательстве. «Я имел глупость, начиная с первого курса, увлечься диалектическим и историческим материализмом... Мне стыдно читать некоторые свои записи того времени, какой я был дурак»...

Впрочем, стоило ли так винить себя? Кто не был молод, тот не был глуп...

И не так просто было разобраться юноше в обстановке неимоверного террора, жертв, установившегося с таким трудом мира и растущей угрозе новой войны. Студент Солженицын еще со школьной скамьи начал подбирать материал для романа «Люби революцию». Только намного позже пришло понимание того, что узлы разумнее развязывать, а не рубить. «Хватит с нас разрубальщиков». Верный выбор дается не сразу и непросто. Александр Исаевич для наглядности рассказывал собравшимся старую притчу.

Однажды олень пришел к водою, посмотрел на себя в спокойную воду и подумал, какие у него красивые изумительные рога – это моя гордость, и какие жидкие слабые ноги – это мой позор. Вдруг появились волки. Олень бросился бежать, и эти ноги его спасли. Но рогами он зацепился за ветки. И съели его волки. Как знать наперед, на что можно положиться.

Помогает опыт предков, интуиция, вера. К вере, религии он вернулся только в тюрьме, в лагере. Александр Исаевич делился с нынешними студентами памятью о тягостно пережитых годах, воспоминаниями о войне, заключении, травле, изгнании. Неоспорима зависимость от обретенного нравственного стержня. Непримируемость к наси-

лию, казенщине, бескультурию, пассивности. В большинстве случаев люди сами себя наказывают.

У него писательские задатки – упаси Боже получать литературное образование, то путь по продажной дороге. Как пришли Булгаков, Замятин, Ахматова, Цветаева, Пастернак. Из государственных деятелей не забыть Столыпина. «Вам придется в обстановке новых неожиданных трудностей, крутого поворота мировосприятия, мирознания и потока нравственного разврата и фальшивых соблазнов, которые на вас хлынут со всех сторон – вам достанется в этой обстановке душевно, может быть, еще труднее, чем было нам, в нашей спартанской».

От ответных выступлений молодежи у Александра Исаевича осталось впечатление в основном радостное.

К РОДОВЫМ ИСТОКАМ

Те, кто знал Саню Солженицына в детстве и юности, вспоминают, что над его письменным столом всегда висела сбереженная матерью фотография отца в форме царского офицера. Он берег и почитал ее, как икону.

Впрочем, впрочем... Это вроде бы лестно было для смелого юного героя, который демонстративно выставлял портрет, когда советская власть клеймила «златопогонников» и преследовала их родственников. А.И. вынужден был вернуться к этому вопросу, когда клеветал на него кегешский подручный Ржезач в своей ложно-пакостной книжке.

«Хронология очень бы мешала Суме (так назвал А.И. Ржезача – П.С.), а без нее он может сделать легкий передегг: будто отец мой умер не за 6 месяцев до моего рождения, а через три месяца после и этим сюжетным ходом он выдвигает папину смерть в разгар гражданской войны на март 1919 года. Время смерти само подталкивает: должен стать лютым белогвардейцем и быть убитым красным мечом... Я с волнением переносюсь на 50 лет назад в ту эпоху, конца НЭПа, первой пятилетки – кто не дышал переливами ее жестокого воздуха, кто не знает. Вот пишет и еще чекистский перебежчик – что у мальчика висел над столом портрет его отца, царского офицера. Да висит тогда такой портрет – то лишь до первого захожего – разгромлена бы была эта квартира и, быть может, арестована мать. Царский не царский – слово «офицер» было леденящим сгустком ненависти, его нельзя было вслух произнести среди людей, это была уже контрреволюция. Фотографии моего отца мама сохраняла только студенческие, и то были допросы: а что за форма. А три военных его ордена были закопаны в земле».

И А.И. уточняет гражданское свидетельство Вознесенского собора города Георгиевска Владикавказской епархии о смерти отца от раны 15 июня 1918 года. После несчастного нелепого ранения на охоте отец семь дней умирал в городской больнице с медленным заражением крови. Об этом много лет спустя рассказывали сохранившиеся родственники. И еще в лагере упоминание об этом в солженицынской поэме «Дороженька»:

**Может быть, к лучшему умер отец
В год восемнадцатый смертью случайной:
С фронта вернувшийся офицер,
Кончил бы он в Чрезвычайной.
Наши метались из города в город,
С юга на север, с места на место.**

**Ставни и дверь заложив на запоры
И ошетиливши их знаменем крестным,
Ждали – ночами не спали – ареста.**

«Мне самому нисколько не горда такая история, скорее, смутительна. Когда я взялся описывать отца в те годы – студента изрядно левых настроений, как все тогда, но на войну пошедшего добровольно, но с георгиевским крестом за растаскивание горящих снарядных ящиков, но потом председателя батарейного солдатского комитета, но досидевшего на фронте до февраля 1918 года, когда уже Ленин с Троцким предали и тот фронт, и тех последних солдат, и четверть России – как силился я понять, угадать: с каким настроением возвратился мой отец на Северный Кавказ? В начавшейся борьбе – где были его симпатии? И поднял бы он оружие, и против кого именно? И как бы дальше-дальше-дальше протягивалась его судьба? Как это мне теперь угадать? Я знаю, как неопытно, как искаженно бывает наше понимание вещей, я и сам потом отдал молодые симпатии чудовищному ленинизму – а по сегодняшнему своему чувству, конечно, горд бы был, если бы мой отец воевал против захватчиков – в Белом ли движении или еще лучше в крестьянском, которое 4 года трясло их коминтерновскую империю по всем раздолам, никак не давая поджечь мировую революцию через Будапешт, Варшаву и Берлин. И в той борьбе если бы и убили его – это был и подвиг его, и зов ко мне. Но нет – он умер от несчастного случая на охоте, еще прежде, чем определились фронты гражданской войны» («Сквозь чад», ст.15).

Беспокоила А.И. и память о дедах-прадедах, тем более, что и их оговорили те же подручно-кегешные клеветники.

**Дед начал жизнь с чабанскою герлыгой
В Тавриде выжженной среди тысячных отар,
В степи учился сам, детей не вадил к книгам,
Лишь дочь послал одну – лоск перенять у бар.
Она выросла неприобретливого склада
И мне отца нашла не деньгами богата –
Был Чехов им дороже Цареграда.
Сникали долги усы у старика, какие раньше
Носили прадеды и деды на Сечи.**

Это из той же поэмы «Дороженька» о Захаре Федоровиче Щербаче, деду по материнской линии, ведущего разговор с чекистами на украинском языке (от него перенял его знание и внук), бывшем чабаном в южно-украинской Таврии, перебравшимся на вольные степи Кубани. Как и все кубанское казачество, являвшееся ранее черноморским, а до того Сечевым, Запорожским. Так что, возможно, у А.И. «выиграли» наследственные казачьи бунтарские гены... Дед, воскрешенный А.И. в «Красном Колесе» в образе Захара Томчака, был действительно богатым человеком, да еще к тому же и чутким, и умным. После революции его гонимого приютили, скрывали и кормили его бывшие рабочие.

Все щербачовское немалое имущество клеветники ради фамилии (20 тысяч овец и две тысячи десятин земли) приписывали Семену Ефимовичу Солженицыну, рядовому крестьянину станицы Саблинской, переехавшему издалека из воронежских краев, деду по отцовской линии, умершему в 1919 году и уже неподвластному чекистам-гепеушникам. Впрочем, брата его Илью, сослали при коллективизации в Сибирь.

**Чего ж еще хочу? Какое мне начало?
Каких еще корней ищу в моей судьбе?
Я мальчик был – ЧК мне небо заслоняло,
В солдата вырос я – уже НКВД...**

Для того, чтобы легче запомнить строчки поэмы и стихов, зэк А.И. перебирал свое «ожерелье» – сотню хлебных шариков-четок.

ГЕОГРАФИЮ ПОДСКАЗЫВАЛА ЖИЗНЬ

Каждый школьник, вопреки убеждениям недоросля Митрофанушки, знает, что географию надо изучать старательно, так как с ней рано или поздно столкнешься, и ни извозчик, ни проводник, ни стюардесса не помогут.

Саня Солженицын соприкоснулся с географией вплотную еще в школьные и студенческие годы, когда на велосипеде совершал путешествия на Кавказ, Украину, на лодке спускался по Волге. А уж с началом войны судьба бросала его, как и его героя Нержина в автобиографической неоконченной повести «Люби революцию», по всей России. С Морозовска из под Ростова – «сперва станица, потом рабочий поселок, а затем переименованный в город был малозелен, подвержен пыльным ветрам Донской степи и ее изнурительному солнцу» – на Бузулук с его хуторами, Сталинград, где пленили фельдмаршала Паульса, Нижний Новгород и его городок Семенов с армейскими курсами, а затем славный Орел.

**Это было в мас. Из болот, от Ильмена,
Мы пришли к Орлу, на солнечную Неручь.
Ни зерна ржаного. Ни плода. Ни огородины.
Край тургеневский, заброшенный и дикий...
Вот коза, я понял слово Родина –
Над крестьянским хлебом, спеченным из вики, –
Горьким, серым, твердым, как булыга...**

Топонимы в поэзии Солженицына особенно обильны. Причем, они никогда при сочинении не записывались. Начались лагерные этапы. Поэма «Дороженька» начата в 1947 г. на шарашке Марфино и закончена в 1952 г. в Экибастузском лагере. Вся сочинена устно, в памяти, на бумагу никогда не заносились отрывки длиннее 20-30 строк и

после заучивания тотчас сжигались. Вот так сохранялись рифмы с приметам времени.

**Анкеты своим порядком
Пойдут на особом счету,
А женщины – в Котлас и в Вятку,
И в Кемерово и в Читту,
И будут там ждать решенья...**

**Уж белеет, крепчает зима.
Где теперь ты? Таскаешь ли шпалы
На дороге Тайшет-Колыма?
Под Норильском волочишь цинготное горе?
В ледовитой ли тьме Воркуты?
Или сосны кряжуешь на вьюжной Печоре?
Или уголь долбишь в подземельях Инты?**

Со временем исследователи начертят карту этих островов Архипелага ГУЛАГ: колоний, лагерей, «командировок». Большинство – в Сибири.

**Каких иноземцев встречал!
Но так полюбил их, что ложно
Собрал промелькнувших враздробь,
Творивших свой путь непреложный
На Вымы, Индигирку и Обь...**

**Есть много России в России,
В России несхожих России.**

И еще география незабываемой войны, оборванная арестом в Пруссии.

**Страх, и смех, и смерть солдатская простая...
Днепр и Сож. Березина и Дзурь.
Что-то я такое там оставил, –
Не вернуть...
Турск, Чечерск, Мадоры и Святое...
Жлобин... Рогачев...
Что-то я оставил там такое,
Что уж больше не вернется нипочем...**

Сотни и сотни строчек. Записаны они были только в ссылке в Кок-Тереке (Казахстан). Такая память многое значила.

IX. СОЛЖЕНИЦЫН: ВРЕМЯ И СОВРЕМЕННОСТИ

ВЗАИМНАЯ КРИТИКА

Внешний облик и поведение автора очень удачно согласовывались с неожиданным появлением его удивительной повести из провинции. Вот свидетельство одного из «соредакторов» (так А.Т. Твардовский называл своих ближайших помощников в редакции «Нового мира»).

«Солженицына любили беспредельно, даже обожали. Он предстал как скромный рязанский учитель, прелестный человек, особенно в смысле какой-то отрешенности от суе-

ты и от привычных атрибутов писательства, антипод Эренбурга или Симонова... Не было и той гордыни, которая в конце концов и помешала ему разглядеть многое. Единственное, что отличало Солженицына с самого начала (все отмечали это как некоторую чудаковатость), он то и дело смотрел на часы...»

В глаза это не говорилось, но впечатление оставалось и далее. Особенно, когда со временем дело дошло до мемуаров. В своем «Теленке» с еще неостывшими воспоминаниями Александр Исаевич не удержался, чтобы не обвинить в «гордыни» не только главного редактора, но и саму атмосферу журнала. Мол, «культ» Твардовского, его чрезмерная важность, недемократизм витал в редакции. Он

был труднодоступен, многое зависело от его настроения, капризов...

Советских людей чуть ли не с детского сада воспитывали в духе нетерпимости к недостаткам – детей к родителям, родителей к детям. На партийно-профсоюзных и прочих собраниях, совещаниях над сценой обязательно вывешивали лозунг «Критика и самокритика – движущая сила нашего общества!» Даже на печатных страницах дяди и тети по части нетерпимости не щадили друг друга, а уж в быту не каждый подбирал слова и место, чтобы сделать замечание близкому.

В защиту Твардовского выступил его ближайший «соредактор» В. Лакшин. Он опубликовал в 1976 г. на Западе книгу «Друзья и враги «Нового мира»» со своей отповедью Солженицыну. Мол, у Твардовского были «иллюзии, слабости, заблуждения, и журнал разделял их с главным редактором. Но подлости и мелкости в «Новом мире» не было. И уж никакой не было трусости в самом А.Т., тем более связанной с его партийным или общественным положением». Не мог простить В. Лакшин и неделикатные строчки о водке... Мол, таким образом повторялась привычная напраслина недоброжелателей Твардовского: журнал ведет алкоголик, его слабостями пользуются и т.п. И далее следовало уже обвинения самому Солженицыну, что он «не вполне безразличен к сплетне, дурному слуху, недоброму пересуду. Он легко берет их за истину и скрепляет авторитетом независимого мемуариста».

Обида была прямо-таки кричащая. Тем более, что в свое время после выхода «Одного дня Ивана Денисовича» Лакшин, как выдающийся критик выступил с толковой статьей «Друзья и враги Ивана Денисовича» в защиту Александра Исаевича. Но как бы он оскорбился, если бы прожил на несколько десятков лет дольше и встретил бы на страницах того же главенствующего журнала «Нового мира» и вовсе неприятнейшие строчки о своем кумире, прославленном поэте и редакторе.

«На фоне Софронова, Кочетова и Кожевникова (редакторы ведущих журналов «Огонька», «Октября» и «Знамени» – П.С.) Твардовский выглядел либералом, неконформистом и антисоветчиком. Но в абсолютных координатах был умеренно-аккуратным конформистом, пытавшимся не менять Систему, не критикуя ее основ, добиться исключений для своего «Нового мира». Отсюда и отношения к нему софроновых-кочетовых. Для них Твардовский был человеком, который в период сталинизма купался вместе со всеми благополучными советскими письменниками в грязном болоте лжи и восхвалений «отца народов», тянул руку на собраниях, голосуя «за», а после XX съезда бессовестно воспользовался конъюнктурой, переметнулся, завоевал легкий успех, разоблачая то самое, что в хоре совписов совсем недавно воспевал. ...Для большей части писательского истеблишмента Твардовский был, во-первых, своим, во-вторых, предателем: как и они, бегают то к Сулову, то к Ильичеву, то к Поликарпову, сидит в президиумах. Но Твардовский светоч, на него молится вся передовая интеллигенция за ту полуложь, которую он проталкивает в печать, используя свои связи в ЦК, – а они говно. Отсюда то особое ожесточение борьбы с «Новым миром»... («Новый мир», №9, 2006, с.218).

Нужно было бы ответить на этот запоздалый выпад петербуржца некоего Золотоносова. Но иных уж не было, а те далече. Прав был вождь, определявший, что отсутствие критики, полное согласие бывает только на кладбище. Да и

там покойники продолжают спор надгробьями: у одних роскошные памятники, у других только надписи на плитах, а у третьих и вообще могилы затеряны.

«...МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ «МАТРЕНИНА ДВОРА»

В предисловии к своей книге о войне Виктор Петрович разыскивал свои корни, своих предков. Помянул своего прадеда в Игарке, который угодил в ссылку, когда ему было уже за сотню лет. Нашел и других своих сибирских родичей. И здесь же счел нужным помянуть и человека лично ему незнакомого, замечательного украинского поэта Василя Стуса, сопротивлявшегося и в лагере. Советские жандармы замордовали его в политлагере, запрятали в уральской земле. Но они не в силах были убить мятежного гражданина и поэта.

И о чем бы ни писал Астафьев, о порче природы в романе «Царь-рыба», о войне, не лозунгово-героической, а страшной и отвратительной, в романе «Прокляты и убиты», в повести «Веселый солдат», о своей малой родине Овсянке, он всегда помнил, что мы все вышли из «Матренина двора» Солженицына.

«И тогда и сейчас относился и отношусь к этому писателю с большим благоговением. Слава Богу, я не запятнал себя ни единым словом, ни единой строчкой по отношению к нему. Господь меня сохранил как-то от этих дурных поступков – видимо, других я уже совершил много, добавлять не нужно было. «Архипелаг ГУЛАГ» читал давно еще на Вологодчине. Полтора месяца читал, так что теперь и перечитывать не надо. Это, конечно, большой художник и бегло на ходу о нем не скажешь. Но если все же попытаться определить главное для меня у Солженицына – это религия в его творчестве. Религия оказала на него огромное влияние, быть может, она ему и жизнь спасла. Она движет его естеством, сознанием и духом. И через его произведения неведомыми путями – нашим сознанием и духом.

В этом его сила. Мы ведь все упавшие духом сейчас. Часто в депрессии пребываем. Да и как избежишь ее, когда помотришь вокруг, послушаешь. Я потому и в деревню забрался, в огороде копаюсь. Тянет к одиночеству... А Солженицына читаешь – и укрепляется вера в том, что жизнь – великая ценность, и что она, жизнь, продолжаться будет, мысль продолжаться будет, и твои книги будут способствовать этому» («Литературная газета», 26.09.1990).

Узнав о кончине Виктора Петровича, Солженицын написал: «Умер самобытный русский писатель, настоящий правдолюбец. Из первых, кто чутко отозвался на нравственную порчу нашей жизни. Как никто, испытывал солдатскую тяжесть войны и поднял ее со дна...» («Труд», 30.11.2001).

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ: В ЧЕМ СОГЛАСИЕ

Ненормативная лексика, или, проще говоря, ругательства, впитались, вьелись, как в окопно-фронтную, так и в тюремно-лагерную речь. Она нашла отражение и в лагерной литературе. Даже у сдержанного на этот счет Александра Исаевича зашел спор с редакторами при подготовке к печати «Одного дня Ивана Денисовича». Согласились допустить присказку «Маслице-фуяслице»...

Наиболее известным по этой части нецензурщины среди писателей стал Юз Алешковский. Критики возвели его даже в основоположники этого жанра, оспаривающего лавры у знаменитого Баркова. Но он человек скромный, и признавался, что временами его даже смущали собственные тексты со сквернословием. Этот язык улицы вжился в него с детства. Не писатель его выбирал, а сам язык навязан судьбой. И даже свое пребывание в лагере он не преувеличивает, не выделяет. Попал в лагерь в 1949 г. по глупости за дебош, за хулиганство, будучи на службе во флоте.

«Находясь в зоне, думаешь не только о жизни лагерной. Небо открыто, даже если оно в клеточку, мысли о воле свободны, надежда есть. Я был в таких условиях, что мне даже стыдно говорить, насколько они человечнее тех, в которых оказался Шаламов. Даже Солженицыну не снилось и сотой доли того, что выпало Шаламову. А положительное уже хотя бы то, что тебе нет никакой охоты попадать за колочку еще раз. Пусть даже это страх, неважно, но он удерживает тебя от нарушения закона».

Его ухо оказалось чувствительным к языковой стихии. «Живописуя судьбу лагерника, что ж я сделаю его лексику стерильной? Да я себя буду презирать как литератора. Я не раз убеждался, что мат – большая подмога в жизни...» Книги Алешковского ходили в самиздате, он явился автором эзковской песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый», участвовал в знаменито-скандальном сборнике «Метрополь».

Взаимопонимание, хотя и с оговоркой, оказалось у Алешковского с Александром Исаевичем не только в области литературы. «Критически относясь ко многим высказываниям Солженицына, я совершенно с ним согласен в том, что поначалу требовалась сильная власть. Авторитарная власть сделала бы закон действующим, способствовала бы появлению нового правительства».

Итак, по многим поводам и рядовые читатели, и видные писатели припоминали Александра Исаевича...

ДОВЕРИТЕЛЬНОСТЬ И ПРОСТОТА ВЗАИМНЫЕ

(Встречи с П.Л. Капицей, выдающимся ученым, физиком, лауреатом Нобелевской премии)

Александр Исаевич с удовольствием встречался с великим ученым. Они были взаимно интересными собеседниками. Петр Леонидович с юмором рассказывал о своем пребывании и работе в Лондоне. Как-то его вместе с Иоффе и Крыловым (академик, кораблестроитель) пригласил на обед писатель-фантаст Герберт Уэллс. Он с Иоффе был одет достаточно прилично, а Крылов к фрачным брюкам прицепил ремень. Капица ему сказал, что к фрачным брюкам полагаются подтяжки. Крылов ответил, что он на флоте привык к ремню и подтяжки надевать не собирается. Ладно... Пришли к Уэллсу. Вышли из лифта, их встретили двое, оба во фраках. Не зная Уэллса, он подумал, что вот тот человек, менее интеллигентного вида, наверное, лакей. Протянул ему плащ. Он взял, улыбнулся, передал другому. Так, лакея посчитали за писателя, потому как у Уэллса было на редкость неинтеллигентное лицо. Эйнштейн тоже был простым, доступным человеком. Неверное считают, что он был необщительным. Просто ученый избегал говорить с людьми, с которыми ему было скучно.

Особые отношения сложились у Петра Леонидовича со Сталиным, когда он отказался делать атомную бомбу и был отстранен от дел. Пришлось оборудовать лабораторию для работы у себя на даче. (Капица показал Солженицыну эту лабораторию.) Ученый вел интересную переписку со Сталиным. За 1946-1953 гг. он написал ему около 100 писем. Тот отвечал ему по-своему: звонил Маленкову и передавал ответ. Правда, два раза вождь снизошел и ответил письменно. Когда затягивались перерывы, опять звонил Маленков и спрашивал, почему нет писем. В них содержалась критика общественно-политической жизни...

Н.А. Решетовская, первая жена А.И. Солженицына, вспоминала, что при их встречах было не только взаимное уважение. «Петр Леонидович смотрел на А.И. влюблено, не отрываясь. Детскость в голубых глазах Капицы немножко была похожа на детскость глаз Твардовского». Запомнились слова Капицы: «Научно-техническая революция более способствует изобилию, чем социалистическая...»

Остался и отзыв ученого об А.И. после этих встреч: «...Он странный. Видно, очень порядочный и честный человек. С пропиской в Обнинске у него ничего не получилось. Он переехал в Москву, но и тут что-то не получается. Мы решили ему помочь. Написали письма Демичеву, Промыслову, Михалкову. Письма подписали: Чуковский, Паустовский, Шостакович, я... Не знаю, может быть, Шостаковича не будут исполнять через сто лет, я плохо в этом разбираюсь, но кто вспомнит о смерти Промылова через 10 дней после похорон, кроме его близких?..» (Комсомольская правда», 26.09.1998).

А вот при визите к другому Нобелевскому лауреату физику И.Е. Тамму такого взаимопонимания не сложилось. Все ограничилось великосветским приемом и ужином в кругу его друзей. Может быть действительно более отзывчивым, более чутким человек становится после того, как сам испытывает несчастье и горе?..

НЕОЖИДАННОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Казалось, все шло к тому, чтобы стать им близкими друзьями, соратниками, даже соавторами. Что может больше объединить, чем общие страдания, общие убеждения, один и тот же ненавистный противник, обидчик. Ну, сказать бы, вмешалась женщина, неукротимая страсть-ревность... Или известная пагуба – до умопомрачения, до отце- и детоубийства – борьба за власть... Так и этого не было. А ведь дошло до оскорбительнейших выпадов. Правда, не публичных, а тайных, затаенных. Но от этого не менее огорчительных.

Так что же случилось? Речь идет о взаимоотношениях Солженицына и Шаламова. Людей, можно сказать, одной трагической участи. Познакомились они уже на воле в «оттепель», в 1962 году в редакции «Нового мира». Казалось, все шло на лад и взаимопонимание, обменивались фотографиями, рукописями. А.И. ценил не только шаламовские стихи, но и близкую ему лагерную прозу. «И я твердо верю, – писал он Варламу Тихоновичу в 1964 году, – что мы доживем до дня, когда и «Колымская тетрадь» и «Колымские рассказы» тоже будут напечатаны. Я твердо в это верю! И тогда-то узнают, кто такой есть Варлам Шаламов».

Какие шли признания от Шаламова в те годы, нужно обязательно цитировать, ибо трудно поверить в то, что

выяснилось потом. В.Т. ставил солженицынскую прозу на уровень самых высочайших мировых образцов.

Дело даже дошло до задуманного соавторства потрясающего по замыслу взрывоопасного «Архипелага ГУЛАГ». Солженицын, не считаясь с трудом, предоставлял для работы собранный обильный материал. Вдвоем поехали с этой целью в один домик в чудесной дачной Солотче под Рязанью. На третий день В.Т. уехал...

Н.А. Решетовская, предполагавшая даже дружбу между двумя литературными зэковскими «авторитетами», объясняла произошедший разлад возможным различием душевных творческих настроений, ну, характеров. У В.Т. только что вышла книжка стихов, может, наступило ослабление. А А.И., как всегда, пребывал в напряжении, сосредоточенности. Ну, в крайнем случае, творческая несовместимость.

А было все сложнее...

Все выяснилось тридцать лет спустя. 1995 год не был для А.И. спокойным. Поначалу его можно было назвать даже приятно или удовлетворенно беспокойным. Самочувствие позволяло делать рейды в русскую провинциальную глубинку – так сказать «хождение в народ». В «Новом мире» были напечатаны пять новых рассказов. Вышел из печати первый том из трехтомника «Публицистика», брошюрой появился «Русский вопрос», продолжалось издание многотомного «Собрания сочинений». Уже без закавычивания, как признанного классика начали изучать, хоть, конечно, и в недостаточной мере, в школах. А уж о цитировании и говорить не приходится: можно сравнить, разве что, с каким-нибудь «основоположником» в те былые времена. Но... жизнь не обходится без этого мрачноватого, а иногда и коварного «но».

Осложнения стряслись довольно ощутительные. Жена Наталья Дмитриевна печатно начала жаловаться, что писателю мешают работать соседи по государственной квартире: стучат, гремят в нескончаемых ремонтах и переделке жилья. А в их построенном загородном особняке холодина из-за неисправности отопительной системы. Ну, да это, куда ни шло, свое гнездо «обустроить» можно скорее, легче, чем дичающую в смуте, разгуле и пьянстве Россию.

Более заметное и неприятное событие случилось в ноябре 1995 г. После годовичного еженедельного выхода в эфир в самое выгодное (как говорят сейчас, праймтайм) вечернее время, А.И. выдворили из ТВ. Незадолго до этого даже демократические «Известия» резко раскритиковали «политический театр» Солженицына: «...Россию спасет земство. Не то ли самое, что и по сей день обедает на картине у передвижника. Почему же не спасло, а увенчалось незабываемым 1917-м. Ох, уж эти поиски своей национальной демократии...».

Ну, ладно бы только сочувствие: гений не всегда гений. Вдохновение, как любовь, проходит. Тогда-то и начинается «суета и томление духа». Так еще и сравнение с Жириновским и Зюгановым – «динозаврами», замечание, что писательские рассуждения – это повторение их «задов», только «невзрачнее и бездарнее»... (20.09.95).

К тому же, А.И. не упускал случая, чтобы не поливать «безмозглые» власти. Вот и «отреагировали» кляпом. Кое-кто вступился в печати, но слабо и почти незаметно. Да и сам потерпевший почти не возмущался. Только и то, что еще раз обозвал Думу балаганом и заявил, что на выборы не пойдет...

И выглядело все это амбициозно и не совсем серьезно, уже хотя бы потому, что в этом «балагане» он не так

давно выступал. Конечно, это личное дело, но стоило ли его так публично демонстрировать. Читатели и почитатели А.И. не последовали примеру своего «живого классика»: на выборах оказался небывало высокий процент избирателей – около 70. Надо же, в конце концов, и россиянам приучаться к цивилизованной политической жизни. Между прочим, читателей у А.И. становилось все меньше и меньше. Его книги во многих публичных библиотеках покоились на полках не востребованными. Впрочем, к другим классикам апатия подобная. Утешение слабое. Даже если счесть за причину всеохватное насильствие Гуттенберга агрессивной теле-музой.

Но был у А.И. еще один повод для огорчения. Может быть, самый обидный и самый неожиданный, как удар из-за угла в спину... И последовал он от того самого предполагаемого соавтора, любезного Варлама свет Тихоновича, хотя и умер тот 13 лет тому назад. Теперь появились в печати записные книжки Шаламова. И чаще всего в них упоминался А.И., да с такими ярлыками, «грехами», которые и от кегебешных «критиков» не приходилось слышать – графоманство, делячество...

«Тайна Солженицына заключается в том, что это безнадежный стихотворный графоман с соответствующим психическим складом этой страшной болезни... Вся его проза от «Ивана Денисовича» до «Матрениного двора» была только тысячной частью в море стихотворного хлама» (конец 60-х гг.).

И для большей «наглядности», уточнение о том, что в одном пальце Пастернака таланта больше, чем во всех романах, пьесах, киносценариях, рассказах и повестях А.И. Впрочем, в одном месте В.Т. своеобразно объединил их: «У Солженицына та же трусость, что и у Пастернака. Боятся переехать границу, что его не пустят назад».

«Я считаю Солженицына не лакировщиком, а человеком, который не достоин прикоснуться к такому вопросу, как Колыма». А далее еще более категорично и даже грубо. «Ни одна сука из «прогрессивного человечества» к моему архиву не должна подходить. Запрещаю писателю Солженицыну и всем, имеющим с ним одни мысли, знакомиться с моим архивом».

«У Сол-на есть любимая фраза: «Я этого не читал»».

«Сол-н – писатель масштаба Писаржевского, уровень направления таланта примерно один».

«...18 декабря умер Твардовский. При слухах о его инфаркте думал, что Твардовский применил точно солженицынский прием, распустив слухи о собственном раке, но оказалось, что он действительно умер... Сталинист чистой воды, которого сломал Хрущев».

«Деятельность Солженицына – это деятельность дельца, направленная узко на личные успехи со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности».

Перечень «обвинений» неполный и досталось от В.Т. не одному А.И. «Паустовский писатель небольшой как он не надувался». «М.Булгаков – «М и М» – среднего уровня сатирический роман, гротеск с оглядкой на Ильфа и Петрова». «Недержание речи письменной – вот порок Пастернака... Почему-то не называют роман Пастернака за границей «Доктор Мертваго», а не «Доктор Живаго», хотя это именно мертвый роман, мертвый жанр».

В одном месте (в 62-64 гг.) В.Т. пытался конкретно ответить на вопрос, почему он не считал возможным сотрудничество с А.И.: «Прежде всего потому, что я надеюсь сказать свое личное слово в русской прозе, а не появиться в тени такого, в общем-то, дельца, как Солженицын. Свои

собственные работы в прозе я считаю неизмеримо более важными для страны, чем все стихи и романы Сол-на». (Как большинство писателей, как видим, В.Т. скромностью не страдал.)

Для полноты есть резон это объяснение дополнить его «афоризмами». «Размышления не увеличивают запасы знаний». «Унизительная вещь – жизнь». «Процент семейного счастья выше в так называемых браках по расчету, чем в браках по любви». «Физический труд... проклятие людей». (Сравни «трудовой энтузиазм Ивана Денисовича» – П.С.) Впрочем, в другой тетради: «Труд – это потребность таланта... Работа доставляла Моцарту удовольствие». «Оптимальное состояние человека – одиночество». «Одно из резких расхождений между мной и С-ым в принципиальном. В лагерной теме не может быть места истерике». «Учить людей – это оскорбление... Каждый мудака начинает изображать из себя учителя жизни». «Я просто болен, болен тяжело душевно». «Я очень поздно понял, что я не люблю отца (священника – П.С.)».

Нужно полагать, сказались на В.Т. разрывы с женами, болезнь, максимализм, в 2-3 раза больший, чем у А.И. «стаж» отсидки, одиночество, непризнание советов...

С ГРУСТНЫМИ МЫСЛЯМИ

Льву Эммануиловичу, можно сказать, повезло. Он дожил до своих 90, при том, что 17 лет провел в заключении, в советском концлагере. В заключении пережил смерть тирана и, по его словам, держался сознанием того, что если переживет Сталина, то останется цел. Разгон жил в «соревновании с ним» и выиграл это состязание. «С тех пор 5 марта я никогда не бываю трезв. Это мой праздник»...

И он не просто стал долгожителем, но помогал в правозащитной деятельности А.Д. Сахарову, выявлял места захоронения расстрелянных, способствовал составлению и изданию документов, списков. Продолжал писать о лагерях, о погибших. Был одним из тех вернувшихся, которые верили: необходимо, чтобы страшное прошлое стало известно во всех подробностях. Это единственное средство избежать такого же в будущем. Надежд на публикацию было мало, но система «казарменного коммунизма» начала трещать по швам. Для Разгона случилось чудо. Его книжка «Непридуманное» вышла почти на всех европейских языках. Более того, с помощью одного из своих читателей он нашел рукопись, которую вел еще в лагере. Работа продлила жизнь.

По поводу заключения они с А.И. Солженицыным единомышленники. В лагере Разгон почувствовал себя свободным человеком... Там нечего терять, освобождаешься от догм, от стереотипов мышления. Кроме того, там были счастливые возможности свободного общения с людьми высокой нравственности, огромного интеллекта.

И конкретный отзыв Разгона о творчестве А.И.: «Архипелаг» – великое произведение, за которое мы должны быть бесконечно благодарны писателю. Опираясь в основном на рассказы узников, он скромно назвал книгу «опытом художественного исследования». С официальными документами Александр Исаевич не работал. Так что величайшая трагедия ждет всестороннего и полного исследования».

Чтение братьев по перу, работа в издательстве «Детская литература», выступления, забота о близких – все, казалось бы, складывалось удачно и даже счастливо.

Отчего же его нередко посещали грустные мысли. Беспокоили его дела общественные, аморальность, рост преступности. «Разнузданная вседозволенность, воровство, попрание законов, пренебрежение моральными нормами, которые расцвели махровым цветом – следствием того, что через лагерь прошли десятки миллионов людей. Человек, брошенный в лагерь с нарушением юридических и моральных норм, считает себя свободным от каких-либо обязательств перед государством и обществом. ...Немалая часть общества – это люди, сами или генетически замешанные в преступлениях. Посчитайте, сколько нужно было людей для того, чтобы провести через лагерь 15-20 миллионов людей? Сколько надо было людей, чтобы арестовывать, допрашивать, расстреливать, этапировать? Вероятно, почти столько же, сколько и сидело. ...Вспоминать то былое некомфортно, даже 1937 г. – снисходительно. Вот проскользнуло в печати сообщение, что Верховный суд РФ заменил Абакумову и десятку палачей смертные приговоры 25 годами, хотя все они расстреляны давным-давно. Реабилитирована их память. Родственникам их льготы. Если не осознаем, что происходило и происходит, то, какое может быть гражданское общество...»

ИЗ САВЛА В ПАВЛА

Нельзя не учитывать обстановки, которая сложилась вокруг имени Солженицына, когда перед высылкой из страны партийно-правительственные круги организовали против него истерию и травлю. Как с цепи сорвались в эфир и на страницы печати, прежде всего писатели, а за ними и ученые, артисты, рабочие, колхозники. С расчетом, чтобы были представители разных национальностей, профессий, званий, возрастов, полов. Словом, сплочение и единодушие как против «врагов народа» в 30-е годы.

«Прислужник империалистов за 30 сребренников» (П. Проскурин). «Крайняя степень падения» (Г. Абашидзе). «Жирный кусок станет у него поперек горла» (М. Алексеев). «Вызывает омерзение» (Б. Кербабаев). «Саморазоблачение клеветника» (С. Михалков). «Так называемый писатель» (А. Иванов). «Отпор литературному власовцу». «Докатился до края». «У предателей нет родины». «Позорная судьба». И дружное «ату!» от украинских братьев по перу – Гончара, Стельмаха, Загребельного, Воронько и других.

А ведь совсем не так давно при «явлении народу Александра Исаевича» в тех же центральных советских газетах писалось о его творчестве: «Суровая правда»; «Во имя человека»; «Правда горькая, но необходимая»; «О прошлом во имя будущего»; «Большая правда»; «Во имя правды, во имя жизни»; «Да будет полной правда»...

И вот десятилетие спустя партийно-руководящие «цикуны» (члены ЦК и прочие) не выдержали, испугались примеров венгерско-чехословацких событий и спустили решение пресечь солженицынский литературный «мятеж». Среди индивидуальных обвинений в «предательстве» было и «именитое» коллективное письмо, подписанное по алфавиту: Айтматов, Бондарев, Гамзатов, Катаев, Симонов, Федин, Шолохов... «Никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения». Среди корифеев советской литературы удостоился чести подписаться и с менее знаменитым стажем славы С.П. Залыгин.

И вот прошло полтора десятилетия, повеяли перестроечные ветры гласности. Волею судьбы Залыгин стал

главным редактором «Нового мира». Возможно потому, что журнал был для Александра Исаевича родным и многозначимым, он не стал поминать прошлого, позорного поступка, великодушно принял Залыгина у себя в Вермонте, не упрекнул, не напомнил. И вновь переориентировавшийся Сергей Павлович стал посвящать изгнаннику много признательных строк и в «Новом мире» и в других изданиях.

«Много и много предстоит нам еще подумать и вспомнить о явлении, именуемом Солженицын».

«...Мне иной раз кажется, что не будь Сталина, не было и Солженицына».

«Он не прост для восприятия. ...Сила его в том, что он в равной мере беллетрист и историк, художник и документалист, а главное – мыслитель».

«Только наше время и наша действительность и могли художника-историка-социолога-обществоведа породить. И породили».

«Солженицын – тот народный писатель, какого, может быть, еще никогда и не было в столь народной русской литературе: ему ведь пришлось восстанавливать в нашем мышлении само понятие «народ», уже пошатнувшееся к тому времени...»

«Он тот народный интеллигент и интеллект, который мог создать образы Ивана да Матрены...»

Пожалуй, никто не наговорил столько определений... Напрашивалось сравнение с Павлом, некогда бывшим Савлом. Но Сергей Павлович определился по-другому: «...все мы сиюминутны в самый ответственный момент нашей истории и позволяем сиюминутности править нами».

ПРИЗНАНИЕ НЕВСКОГО СТАРЦА, АКАДЕМИКА И БЫВШЕГО ЗЭКА

Д.С. Лихачев решительно не согласен с Шаламовым в том, что в лагерном опыте не было ничего положительно-го, ничего такого, что могло бы пойти на пользу человеческой душе. Талантливый поэт, прозаик Варлам Тихонович, возможно, в силу нечеловеческих условий и длительного заключения не сумел или не захотел вспомнить, что в лагерной жизни были и доброта и человеческие отношения между заключенными. Дмитрия Сергеевича, к примеру, дважды спасали от смерти воры. Один из них, когда их эсков грузили на пароход, посоветовал ни за что не идти в трюм и, как оказалось потом, там многие умерли от кровавого поноса, от давки. Другой вор, король всех урок на Соловках, вернул интеллигентному Лихачеву очень важный для него украденный пропуск по островам. Правда, и уголовники были тогда другого типа. Со временем они стали разложившимися. А в те 20-е годы быть мокрушником – то есть вором, который убивает ради краденого на улице или в квартире, – считалось позором. Существовала определенная этика даже среди воров. И даже сочувствие.

Как-то у Дмитрия Сергеевича находились на свидании родители. И вдруг, несмотря на строжайший режим, на то, что бродить по лагерю среди ночи было запрещено, прибежал человек и сказал: «Дима, за тобой приходили». Это означало только одно: арест в пределах лагеря – либо для очень тяжелого карцера, но у Димы никаких провинностей не было, либо – так и поняли его товарищи – для полного отстрела, который готовился в ту ночь. Ведь как

происходили эти отстрелы? Составляли акт о смерти от сыпного тифа или сердечной недостаточности. Разрешение давали на отстрел, к примеру, тридцати человек – такие были партии.

«В целом я просидел 4,5 года, – вспоминал впоследствии академик Лихачев. – Мне очень повезло, потому что окончание моего срока с зачетом рабочего стажа пришлось на время окончания Беломорско-Балтийского канала. Сталин был страшно доволен, и считал, что раз канал окончен, то окончен и срок тех, кто в это время освобождался. Никто потом такого права не получал, всегда получали ссылку, и ссылка была хуже самого лагеря. ...Ссылка, по моему, особого опыта не давала: интеллигенты оказывались в окружении провинциальных жителей и ничего не могли получить, кроме наблюдения за их добротой, за их естественным бытом, за их любовью к своим краям и так далее. Что касается лагерной жизни, то так или иначе, на работе или на нарах, люди разговаривали. На так называемых канцелярских общих работах мы придумывали для невежественных тюремщиков какие-то объяснения, чем мы заняты, а дальше это были сплошные доклады, воспоминания или споры на разные темы. И с этой точки зрения, в области философии я получил больше образования в лагере, чем в университете...»

Как бы предвидя глупость умоограниченных журналистов, типа М. Дейча из «МК», который вякнул перед выборами в академики Солженицына о том, что Дмитрий Сергеевич завидовал возросшей славе писателя, Лихачев написал: «Александр Исаевич – настоящий русский писатель, мученик и герой. Это было типично для русских писателей всегда – не только для Аввакума, но и для всех последующих русских писателей, в той или иной степени. Его героизм и одновременно мученичество настраивают, в сущности, на оптимистический лад, я верю в то, что героические усилия, которые делает русская литература, чтобы нашей стране вырваться из объятий преступлений, равнодушия и пустословия, приведут к успеху». А еще он был убежден в том, что «в будущем нас ждет отсутствие национальных границ, таможен и т.д., нас ждет рождение единой культуры человечества, поскольку она должна быть доступна всем, и понимать ее смогут только люди, не враждебные друг другу».

КТО ВЕДУЩИЙ В XX ВЕКЕ?

Ведущей фигурой XX века, по Парамонову, является актер. Для такого категорического утверждения понадобился авторитет Ницше, который это предсказывал еще в конце XIX века и объяснял такое утверждение тем, что из мира уходит подлинность. А актер, мол, не искренен, у него, как известно, нет души – почему и хоронили лицедеи за церковной оградой...

Парамонов углублял Ницше: на эстраде вообще любая звезда – падучая. Актеры же не умирают, потому что играют других, у них не душа, а роль. Вот и Ахматова как-то писала о поэте на эстраде, которому свет рампы осквернил чело. А холодное пламя всегда считалось признаком дьявола. Вся эта преамбула понадобилась критику для того, чтобы объявить А.И. Солженицына «гениальнейшим русским актером нашего времени». И далее далеко идущие рассуждения вплоть до предпочтения Греты Гарбо...

«Роль, в которой он (т.е. А.И.) выступает – ВПЗР: великий писатель земли русской. В сущности, Солженицын – стилизатор, он перепевает темы Толстого и Достоевского

(гарантия величия для русских). От Толстого – морализм, от Достоевского – каторга. И морализм, и каторга те же, что у Достоевского и Толстого – не страшные, девятнадцатого века. Он пугает, а мне не страшно.

Лагерь Солженицына в «Иване Денисовиче» – «детский», по словам Шаламова. Шаламов же сказал, что с приходом Солженицына в советской литературе появился еще один лакировщик действительности. Настоящий лагерь – Колыма-38 – от литературы отучает раз и навсегда. Сам Шаламов писал не прозу, а репортаж. С петлей на шее, разумеется, если вы помните, что это такое. Конечно, Солженицын написал «Архипелаг ГУЛАГ», но ведь это уже не литература, а он хочет считаться ВПЗР. И в своих романах и рассказах Солженицын не экзистенциальный опыт передавал, а талантливо процитировал – сыграл, представил – классическую русскую литературу. В общем, Грета Гарбо мне нравится больше, чем Солженицын...»

Ну, нравится и ладно, мало ли какая баба и за что может мужику понравиться. Гарбо Парамонову – за ее приватность, это даже не ее личное качество, а того мира, в котором она жила. И так образ этой дамочки вдохновил критика, что он загнул еще круче. «Вот это и есть домашнее задание для России: уйти со сцены, вернуться домой, в частную жизнь, из истории в биографию. История – блистательная, но и утомительная сцена. Очень уж много было в России событий и шума, пора бы и отдохнуть в тишине. Сейчас новая напасть: демократия, надо идти на предвыборный митинг. Но настоящая демократия тем и хороша, что позволяет, в конце концов, себя не замечать. Не надо ходить на митинг – достаточно сидя дома у телевизора, выбрать того кандидата, который обещает не величие, а спокойствие. Россия всегда воспринималась, как та самая Грета Гарбо: загадочная икона. Я очень желаю России такого же спокойного существования, как жизнь Гарбо в уединенной квартире на пятой авеню» («Звезда», №12, 1995, с.213).

Случалась и такая критика А.И.

В ОДНОМ РЯДУ...

Очень многие из выживших в советских концлагерях бывших эков сочли необходимым оставить воспоминания о невыносимых условиях, погибших товарищах. Поначалу появились дозволенные цензурой конъюнктурные повествования Дьяконова, Шелеста («Портрет на скале» – о портрете Сталина, созданном заключенными из камня). А затем и более правдивые книги Горбатова, Копелева, Панина, Гинзбург, Разгона, Жженова, Марченко и многих других. Одни были изданы «за бугром», другие писали в стол до лучших времен. Особенно выделялись воспоминания О.В. Волкова с примечательным названием «Погружение во тьму». Его выстраданное за 28 лет произведение читатели и критики поставили в один ряд с «Колымскими рассказами» Шаламова и «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына.

В предисловии А. Битов написал: «Эта книга – своего рода «Новый Робинзон». Робинзон ведь тоже узник. Но там приговор вынесен судьбой и стихией. У Достоевского в «Записках из Мертвого дома» вы найдете и ссылки на Робинзона и опыт новой робинзонады. Острог и остров оказались странно созвучны: необитаемы. Приговор герою Достоевского вынесен уже только судьбой. Как дворянин и интеллигент он одинок среди каторжан. Магелланова честь открытия системы островов – Архипелага – принадлежит Солженицыну. Здесь приговор выносит не стихия,

не судьба, даже не человек – система. Перенаселенный, архипелаг этот наиболее необитаем для человека».

Начинал Олег Васильевич свою лагерную «одиссею» с пресловутого Соловков – архипелага на Белом море, где располагался СЛОН (аббревиатура от «Соловецкий лагерь особого назначения»), позже и вовсе символическое наименование СТОН – Соловецкая тюрьма особого назначения), печально знаменитый пытками, издевательствами, расстрелами. Знаменательное значение обрела здесь и гора с названием Голгофа. Здесь отбывал свой срок будущий известный ученый Д. Лихачев. На познавательную «экскурсию» сюда приезжал М. Горький. Места эти описаны Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Но не менее лагерно-знамениты и другие страшные места.

**Ну что же царство то морское,
Ну что же эти Соловки
В сравненье с хмурой глубиной
Сибирской пасмурной тайгой?**

В. Казанцев

По шести приговорам чекистов пролегал эковский путь лишений и произвола на протяжении трех десятилетий поперек всей России. Причем не только страданий, но и познания природы, которое он сохранил на всю жизнь. А она у О. Волкова исчислялась 96 годами... Как-то он сказал А. Битову: «Иногда мне кажется, что я сумел выдерживать все это потому, что ни разу не позволил себе крепко выругаться...» Это в стране, где и не за колючей проволокой, на воле даже праздники в мирное время проходят с матюгами на губах. У Олега Васильевича было удивительное чувство природы и языка в их нерасторжимой связи. Не случайно он был и в жизни и в своей прозе страстным охотником, профессиональным переводчиком с трех европейских языков.

Из его книги: «Помню день, когда окрыленный публикацией «Ивана Денисовича» положил на стол Твардовскому свою повесть «Ход конем». «Ну вот, – сказал, прочтя рукопись, Александр Трифонович, – закончу публикацию Солженицына, напечатаю и вас. Только не сразу, а то обвинят в направлении...» Но оттепель прекратилась раньше, чем ожидалось».

«Я не стал искать общения с людьми созвучных настроений, не принимал участия ни в каких коллективных обращениях-протестах (под каждым хоть одна подпись провокатора!)... Правда, присоединился к общему хору: послал руководству Союза писателей телеграмму протеста против гнусной расправы с Солженицыным».

Твардовский обнадеживал О.В.: «Видите, я написал на папке «до востребования»: мы к вашей повести вернемся». Но сказывались годы, писатель чуть не дотянул до столетия (1900-1996). И он не единожды переделывал написанное, изымал острые эпизоды, менял названия, «пока не удостоверился, что никакие лагерные воспоминания напечатаны не будут, если не говорить о верноподданной стряпне Дьяковых, Алдан-Семеновых и прочих ортодоксов». Эх, пожить бы ему еще пяток годков и увидеть, какими тиражами и с какими иллюстрациями выйдет его книга.

Терзался он до последних дней и сомнениями: не описал ли он свою личную судьбу со счастливыми поворотами и чудесными избавлениями в пору величайших тягот и беспощадной лагерной мясорубки.

Еще он не только погружался в прошлое (вышедшая уже после его смерти книга воспоминаний, в том числе и лагерных, так и называлась «Погружение во тьму»), но и здравомысленно оценивал современность: «Блага и привилегии – для правителей и их холопствующего окружения; серые будни и плохо оплачиваемый труд для остальных. Для поощрения и в утешение – щедрая раздача рассчитанных на тщеславие побрякушек: девальвация орденов (расплодились троекратные Герои Труда!), почетных грамот и значков, портреты на стендах и в газетах... Надо еще удивиться вскормленной вековыми традициями нравственной силе русского народа, не давшей ему одичать окончательно, встать на четвереньки и благодарно захрюкать у корыта со скудным кормом, возле которого его обрекли топтаться...»

«Пьянство скрашивает невзгоды жизни, глушит критику, ослабляет людей, ими становится легче управлять, и потому власть спаивает народ. Он пьет безобразно, без просыпа».

Эти обличения были созвучны солженицынским определениям, особенно в его публицистической работе «Россия в обвале».

К ПОБЕДНОМУ ЗАВЕРШЕНИЮ

В этом приметном 2006 году в жизни А.И. произошло приятное событие. Хотя и с некоторым не весьма приятным осадком. В начале года по ТВ начался показ 12-серийного фильма «В круге первом» – единственной в России экранизации одноименного романа Солженицына. А.И. согласился стать автором сценария телеверсии, он же предложил на роль своего автобиографичного героя Нержина актера Евгения Миронова. О своей встрече с А.И. актер вспоминал «Мне было необходимо отыскать какие-то черты, детали, говорящие о нем как о человеке противоречивом. Я взял с собой даже бутылку шампанского, надеясь спить А.И., чтобы он рассказал мне больше, чем написал в романе. Но оказалось, что шампанским его спить невозможно! ...Одна фраза его повергла меня в шок. «Это счастье, что меня посадили. Если бы этого не произошло тогда, то я и многие, кто там оказался, не стали бы теми, кем они стали». Страшную вещь скажу: я понял, что благодаря этой чудовищной страшной ситуации, может быть, мы и живы до сих пор. В нас сохранились совесть, душа. «Душа воспитывается в мучениях» – это тоже слова А.И. Потому что те люди – все кого бросало в эту мясорубку лагерей, – дали необходимые ростки для духовного роста нации. Почему-то горе нас учит больше, чем радость и счастье».

А осадок оттого, что отклики на фильм были и негативные.

«Мне увиденное не понравилось совершенно. Скучно! Так начальники, обычно малограмотные, разговаривать не могли – я помню то время. Нам и без прошлого сейчас хватает грязи. По-моему Солженицын сегодня не актуален».

«Фильм не произвел впечатление, как и другие снятые на эту тему. Прошлое – это накопленный опыт ошибок и успехов, а для будущего нужен человек. Солженицын умный, искренне убежденный человек, но живет прошлым – это бесполезно. Ведь мы все равно не учимся на ошибках, даже собственных».

Но пусть бы говорили так молодые малоопытные зрители и читатели, а то ведь и А. Динкевич, режиссер, лауре-

ат, почетный кинематографист туда же. «То, что Солженицын – плохой кинодраматург (сценарист), очевидно. «В круге первом» вроде бы выдержан по законам драматургии. Есть завязка, есть развязка, есть фабула. Нет основного – действия. Мне могут возразить: мол, действие в самом тексте, в диалогах, монологах героев. Это так. Но только для кино этого мало. ...В недавнем интервью Илья Глазнов, говоря о «Круге первом», сказал словами Станиславского: «Не верю!». ...Искусство вообще и кино в частности – посыл к сердцу, а уж потом к голове. «В круге первом» – посыл к голове». Ну, и на том спасибо. Можно было бы возразить, поспорить, но подводило здоровье, одолевали недуги.

Под конец этого памятного года подоспело событие, заметно подбодрившее А.И. Сам писатель не смог прибыть на пресс-конференцию, но заранее записал на видео свое обращение к читателям. Речь шла о подготовке в издательстве «Время» его тридцатитомника. Обращение его было весьма кратким: «Начинаясь сейчас Собрание впервые включает все написанное мной – во взрослой жизни, после юности. А продолжится печатание уже после моей смерти...» Грустноватые слова, но сетовать на судьбу приходилось: мало кому из собратьев писателей после пережитого фронта, тюрьмы, ссылки, онкологического заболевания, травли, высылки из страны и возвращения, пришлось подводить победные итоги. Нужно полагать, помогли вера, целеустремленность, праведность, самоограничение, которому он и сам следовал и других призывал. Даже в издании этого тридцатитомника осталось его скромное пожелание – условие: буква «ё» на страницах его романов должна присутствовать с обязательными двумя точками сверху.

До 90-летия А.И. оставалось два года: может еще раз улыбнется Судьба и придется увидеть завершающий 30-ый том?..

«ВЕРШИНА ОПОРНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

Так образно назвал А.И. профессора Парижского университета, историка, литературоведа, издателя Н.А. Струве. С ним одним из первых и встреча в Цюрихе в 1974 г. О нем же такое впечатление у А.И. в «Зернышке»: «Был отдаленный друг за Железным Занавесом – вот проступает и живые. Невысокого роста, в очках, не поражая наружностью, ни тем более одеждой, лишь бы удовлетворительна, это и на мой вкус. А – быстрый пронизательный взгляд, но не для того, чтобы произвести впечатление на собеседника, а себе самому в заметку и в соображение. С Никитой Алексеевичем оказалось все так просто и взаимопонятно, как если бы его не отделяла целая жизнь за границей: духом он все время жил в России, и особенно в ее литературных, философских и богословских проявлениях на чужбине. В 1963 г. он книгой «Христиане в СССР» вовремя оповестил Запад о хрущевских гонениях на Церковь. Вместе с тем – широкий эрудит и в западной культуре (кончил Сорбонну, пробовал языки, арабский и их философию, остановился на русском языке, литературе). Очень деликатен (не мешаешь ли это ему в издательской деятельности, там надо уметь быть суровым); как бы опасался проявить настойчивость, а высказывал в виде предположений (к этой его манере еще надо привыкнуть, не пропускать его беглых замечаний). Еще больше опасался впасть в пафос и при малом к тому повороте высмеивал сам себя. И вот досталась

ему после провала «Архипелага» тайком-тайком готовить взрыв I-го тома, главный удар в моем бою с ГБ... Дел у нас с ним предстояло множество».

А по возвращении А.И. в Россию совсем приятная встреча со Струве во время его приезда в Москву – вместе открывали библиотеку «Русское зарубежье» в районе Таганки. А затем и совместное выступление по ТВ в Останкино в декабре 1994 г. А. Солженицын: «Вы побывали во многих местах в России, и мои поездки с вашими отчасти пересекаются – Иркутск, Тобольск, Тюмень, Рязань, Воронеж, Северный Кавказ, Ливны, Елец, Кимры, Калязин – какие в России были прелестные маленькие городки. Числа нет этим городам, которые сохраняли в себе чувство провинциального достоинства. Они действительно его имели. В 1905-1906 годах во время предсоборного совещания Вышний Волочок издавал такие замечательные книги, удивисься просто! Столицам нельзя мечтать. Где сейчас можно помыслить, чтобы в маленьких городках было такое?» Н. Струве: «Но все-таки все возрождается. Конечно, они были разграблены, разрушены. Мы только были в Ливнах. Там было 13 храмов. Остался стоять один. Как раз тот, в котором был крещен великий мыслитель XX века отец Сергей Булгаков. Конечно, о нем еще очень мало знают... Молодежь очень внимательно прислушивалась к нашим словам. Несомненно, сейчас идет в некоторых городках оживление и возврат к действительно доблестно исконным традициям». А. Солженицын: «Сегодняшнее разорение имеет и предысторию 70 с лишним годов советского разорения. И как нам выбираться этим росткам, рассыпанным по всей русской поверхности?» Н. Струве: «Помоюму выбираемся... Люди снова обретают чувство, что они ответственны за эти замечательные строения».

А. ХВОСТЕНКО, ПОЭТ, ХУДОЖНИК. И ДРУГИЕ БАРДЫ...

Его называли поэтом свободы и уже поэтому он был очень негоден властям. В лагерь он не попал – время было хрущевское, вроде оттепельное, сажать стали с оглядкой на Запад. Но психушка пожизненная ему грозила совершенно реально. Спасло вмешательство международного писательского Пэн-клуба. Он эмигрировал в Париж. Французам его фамилия показалась слишком длинной, и они наименовали его Хвостом. Шутка ему самому понравилась, и он стал так подписывать свои картины. Хвост так хвост – лишь бы голова оставалась светлая. Но ради памяти о своей родине и предках стихи подписывал как Хвостенко.

Пусть супер-авангардисты выдрючиваются в своих зашифровано-отвлеченных рифмах, а он, как поэт и гражданин, счел своим долгом, прежде всего воспеть своих замечательных современников, преследуемых властями.

Таких, как пассионарный Л.Н. Гумилев, сын А. Ахматовой, несколько раз арестовываемый и в тюрьме написавший свое гениальное исследование об этносах. С ним Алексею посчастливилось подружиться еще в Ленинграде. В сборник и на диск вошла и песня Хвостенко о Соханевиче, переплывшем в лодке Черное море в 70-х годах. Его бегство из СССР в Турцию стало легендой.

**Десять дней и ночей
Плыл он вовсе ничей,**

А кругом никаких стукачей

.....

Не тревожьте турки лодку,

Не касайтесь к веслам.

Лучше вместе выпьем водки...

Лишь свобода мой ислам.

Слушатели его песен, и в частности одной из них, признавались, что у них перехватывало дыхание в припеве песни, написанной по случаю высылки Солженицына из России:

Ах, Александр Исаевич,

Александр Исаевич,

Что же вы

Где же вы

Кто же вы

Как же вы

Другая песня на стихи В. Степанова «Подполковник», исполняемая Й. Кобзоном, вызвала даже споры в печати.

Не ищите забвенья в стакане,

не хрипите с надрывом о том,

Что лежит на душе

у вас камень с нарисованным

кровью крестом,

что ночами в колымском

бараке батальон

к вам являлся не раз,

И о том,

что не пишет в «ГУЛАГе»

капитан Солженицын о вас.

СУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАВОМЕРНА

Среди читателей Солженицына начали выделяться те, кто пытался его критиковать, анализировать, объяснять, высказывать замечания. Причем, даже те, кто пытался делать это бестактно или предвзято, считали своим долгом объясняться, что поначалу воспринимали писателя восторженно и восхищенно.

Не избежал излияния подобной признательности и Юрий Кувалдин. Он в молодости с душевным трепетом не только ознакомился с письмом А.И. к IV писательскому съезду, но и перепечатывал его на папиросной бумаге, убористо в стиле Солженицына, чтоб было побольше копий для распространения. Он читал солженицынские строчки в солдатской курилке даже малограмотному деревенскому парню, который до этого прошел у него «политграмоту» по «Денисовичу» (в наряде подробно пересказывал повесть) и просвещенный ученик соглашался с просветителем.

«...Имя Солженицына обжигало; то была молния в непроглядной советской ночи... Нужен был тотальный протест. Протест выразился одним словом: «Солженицын», впоследствии с примкнувшим к нему словом «Сахаров»».

Тридцать лет спустя такое признание: «Солженицын пробудил во мне в молодые годы страсть к самовоспитанию, страсть к писательству. Спасибо Вам, дорогой Александр Исаевич!» Ю.А. Кувалдин стал не только особенным писателем, но и одновременно издателем. В его фирме

«Книжный сад» за каких-то полтора десятка лет вышло более 100 книг общим тиражом более 15 млн. экземпляров. И книг хороших! Среди них, имеющие отношение к Солженицыну: «Лубянка-Экибастуз» Панина, «В человеках благоволение» его же, «Хранить вечно» Копелева, «Процесс исключения» Л. Чуковской. Роман самого Кувалдина «Так говорил Заратустра».

Многим была предоставлена честь издаваться у Юрия Александровича, от Карамзина и до Нагибина, но Солженицын был обойден. Причина, возможно, крылась в том, что Кувалдин обрел свойство видеть пятна на солнце и силу не поклоняться кумиру, даже высказать ему укор, претензию и свою субъективность.

««Денисович», на мой взгляд, сказал (и говорит!) больше, эта сравнительно небольшая повесть, а также рассказы той поры, отобранные Твардовским, своей художественной силой перевешивают всю многотомную публицистику Солженицына. Потом, начав бороться с властями, он сам стал похож на них: как Ленин, он конспирировал каждый шаг, записывал каждое свое действие; как Сталин, облачился в мундир цвета хаки, который я в армии просто возненавидел; как Маркс и Энгельс, отпустил бороду... Впрочем, последнее можно и опустить...» «Твардовский видел в Солженицыне художника, чего сам Солженицын, по-видимому, не понимал и, по-моему, не понимает до сих пор не понимает».

«...Секретарь обкома работает президентом, Солженицын обустроивает СССР. Солженицын не понимал, что он борется не с конкретными людьми, а с фантомами, человекоподобными».

Себе любимому, Юрий Александрович публицистики не запрещал. К примеру, в том же «Антисоветском Солженицыне», упрекая «изобразителя Шухова» в том, что тот ушел на территорию Герцена и правдоискателей.

Ну, что же очень даже неплохая территория...

ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ

Выход романа «Тихий Дон» на литературном небосклоне можно было сравнить с извержением вулкана или цунами... Да еще и от кого – от желторотого автора, донского казака Михаила Шолохова. Пошли недоумения, зависть, молва о том, что роман написан не им, что использовал он рукописи известного донского писателя Федора Крюкова, выпускника Петербургского университета, депутата дореволюционной Государственной думы, писателя, хвалимого Короленко. В гражданскую войну был редактором «белоказачьей» газеты, бежал с отступавшими денкидцами, заболел по пути тифом и перед смертью передал сундучок с рукописями своему денщику, а им оказался станичный атаман и тесть М.А. Шолохова.

Сторонником этой версии стал и Солженицын. Крюков явился прототипом одного из героев в «Красном Колесе». О заимствовании, неблагоприятии с авторством «Тихого Дона» им написана статья «По донскому разбору». При содействии А.И., с его предисловием и послесловием в Париже в 80-х гг. вышла работа академика Томашевского и его вдовы И. Медведевой-Томашевской «Стремя Тихого Дона» о разоблачении авторства.

Спор вспыхнул с новой силой в постсоветское время. На эту же тему плагиата-не плагиата пошли публикации Роя Медведева, А.Н. и С.Н. Макаровых, В. Самарина, Л. Аксенова, Л. Колодного и др. Шуму наделала версия Зеева

Бар-Селла. Не лишены интереса его изыскания о том, как «помогали» Шолохову В. Краснушкин/В. Севский, К.И. Каргин и даже А. Платонов. Все это, мол, был «проект» чекистов из Объединенного государственного политического управления ОГПУ, предшественника КГБ.

И, наконец, еще одна версия таинственной шолоховианы. Да такая, что претендует на объяснения многих загадок в биографии выдающегося автора и его великого романа. Совсем, наверное, не случайно, что эпохальным большим произведениям сопутствуют и необычные драматические судьбы их авторов. Сервантес, Байрон, Гете, Толстой, Достоевский, Солженицын... Нужно было, как говорится, выстрадать своих героев, пройти такой путь, который как бы вмещал несколько жизней.

И вот, оказывается, какой примечательной, ошеломляющей, соответствующей переломно-взрывному времени была биография М.А. Шолохова. Его родственник Виталий Анохин нашел нужным только сейчас (журнал «Чудеса и приключения», №9-2000) поведать факты, которые могут шокировать не только спорящих специалистов, но и многих читателей. Выясняется, под именем Михаила Шолохова скрывается его старший брат Александр Попов... Анохиным приведено генеалогическое древо рода Поповых и даны подробные, не лишённые логики, объяснения. Даже краткий перечень жизненных вех и поворотов говорят о необычной судьбе А.Д. Попова. Внук епископа, сын офицера и дворянки родился в 1891 году, окончил кадетский корпус и кавалерийскую школу, имел боевые награды за участие в Первой мировой войне. До революции опубликовал несколько рассказов и повесть. В октябре 1917 года хорунжим со своим полком в составе войск генерала Краснова наступал на Петроград. Избежал плена. Командовал отрядом, которому поручили охранять революционный штаб в Смольном и переезд советского правительства в Москву. Участвовал в левозэсеровском мятеже, был заочно приговорен к расстрелу. В 1918 году командиром отряда красных казаков сражался за советскую власть на Северном Дону. После ранения и излечения в Воронеже был назначен уполномоченным ВЧК по Тамбовской губернии и прифронтовой полосе.

Во время переезда в Москву в 1920 году встречался с высшими советскими руководителями, попал в личную картотеку Сталина с положительной пометкой. В этот приезд жил у земляка, известного писателя Серафимовича и тот посоветовал взять псевдоним, ссылаясь на личный опыт с такой же «поповской» фамилией. Тем более в советских условиях.

«Эти разговоры заставили Попова всерьез задуматься о том, чем заняться в наступающей мирной жизни. Тогда этот вопрос остро стоял для большой группы чекистов, судьба которых под давлением суровых обстоятельств гражданской войны складывалась весьма драматично. Идя им навстречу, секретариат ВЧК стал выдавать им документы на новые имена... Летом 1923 года, гостя в Ясеновке, он узнал, что его сводный брат погиб и что у матери Михаила, бывшей няньки Александра, остались документы погибшего сына. Договориться с ней не составило труда. Чекист А. Попов бесследно исчез, вместо него появился писатель Михаил Шолохов родом из донских казаков».

И о вопросах, которые могут возникнуть у литературоведов и читателей. Почему раньше не сказали своего слова и мать «истинного» Шолохова, и другие родственники? Много было неясного, доходило отголосками. А главное, кому хотелось рисковать, если даже за случайное слово люди попадали в лагерь и тюрьмы. Да кто бы напе-

читал тогда подобные признания. Жаль, конечно, не дожили до гласности другие свидетели. Но, возможно, все-таки, что кому-то передалось что-то из этой тайны века. Известный этнограф, историк Генрих Анохин, однофамилец того родственника Анохина, как-то поведал, что ему было все это известно от земляка из Таганрога, сотрудника краеведческого музея Петра Карпуна, который оказался близко знакомым с Поповым-Шолоховым и его названной матерью. По этой версии становятся более понятными и такие вопросы: почему в ОГПУ-НКВД считали «Тихий Дон» белогвардейским романом? Почему так отзывчиво поддерживали Попова-Шолохова Сталин и Серафимович? Почему намеревались арестовать Шолохова ростовские чекисты? Почему защищал Шолохова Сталин? И другие почему... Наконец, как становятся приверженцами «зеленого змия»? Болезнь-то болезнь, но не от радости она и спокойной совести. Когда ростовские НКВДешники арестовали всех друзей и соратников Шолохова, он добился встречи со Сталиным. Шолохов рассказал Фадееву: «Вождь игриво спросил: «А Вы не боитесь с нами поссориться?» – и даже пошутил: «Ну что, Николай Иванович (это к палачу Ежову – П.С.) будем снимать с него кавказский поясок?..». Однако, попугав, решил иначе: «Великому русскому писателю должны быть созданы хорошие условия для работы»».

Не зря вождя называли мудрым: он принимал нужные решения – кровавого наркома-алкоголика отправил в расстрельную камеру, а писателю даровал волю для создания новых произведений. Но тот надежд не оправдал. На Политбюро Сталин спросил: «Говорят, много пьете, товарищ Шолохов?». На что писатель объяснил: «От такой жизни запьешь, товарищ Сталин». Понятно, почему у Солженицына был такой повышенный интерес и свое отношение к засекреченному автору тайны века – автору «Тихого Дона».

ВАЖНЕЙШАЯ ТЕМА

Речь о межнациональных отношениях. От них очень часты осложнения, конфликты, недоразумения, столкновения племен и народов. Солженицын не раз вникал в эту тему. С болью в душе он совершил исторический обзор в аналитическом труде «"Русский вопрос" к концу XIX века», в Нобелевской лекции «Размышления о февральской революции», различных интервью. обстоятельно разобрал тему отношений русских и евреев в книге «Двести лет вместе». Особенно волновала его русско-украинская тема.

В «Пасхальном обращении к канадским украинцам» в 1975 году он счел нужным заметить: «Я сказал – дорогие братья, здесь несколько смыслов: как все христиане мы братья, и еще особенно, как православные. Но, кроме того, во мне большая доля украинской крови, моя мать почти полная украинка. Мой дед по матери – единственный мужчина в семье за смертью моего отца – был украинец, погиб в ГПУ. Его живая речь и жизненные наставления на украинском языке до сих пор живы в моих ушах». В «Слове к украинцам и белорусам» (1990 год) о том же: «Сам я – едва не наполовину украинец, и в ранние годы рос при звуках украинской речи». И еще раз о неслучайности и важности русско-украинского диалога в «Обращении к референдуму», «Конференции в Торонто», в обмене письмами со своим «коллегой» по ГУЛАГУ правозащитником С.М. Караванским. В открытых письмах двух недавних политических заключенных не было взаимопонимания, допускались недвусмысленные упреки.

На замечание о том, что украинская Центральная Рада 1917 года не была народно избрана, ответ: «А какие органы власти были когда-либо народом избраны?». Не был согласен Караванский и с насильственной украинизацией 20-х годов. Не забыта, мол, другая практика. В российских духовных семинариях бурсаков-украинцев наказывали за употребление «мужичьих», то есть украинских слов. И вплоть до арестов, репрессий против украинской интеллигенции. Это о выборе языка.

Как во многих странах родители не должны решать, на каком языке обучать подростка, а избранная власть – исходить из интересов всего населения. Подобные разногласия и в «смешанных браках», и в Русской Православной Церкви и т.д. и т.п. А лозунги «Украина для украинцев!» Пресечение русского телевидения, хулиганские нападения на русские школы, организация ветеранов в Западной Украине. А сокращение преподавания русского языка при том, что около 70% населения Украины считает его для себя основным и родным. Или еще хуже по накалу стратегий антирусская пропаганда вплоть до вопроса офицерам, принимающим присягу: «А вы готовы воевать против России?». Почему с Израилем и другими странами возможно установление двойного гражданства, а между Россией и Украиной это недостижимо? Вопросы, вопросы... Неужели они не найдут своего прояснения?

Как и в семейных взаимоотношениях на уступки идет тот, кто умнее. Солженицын с самой сердечной искренностью писал: «Груза великодержавности я не желаю России, не пожелаю и Украине. Я выражаю самые лучшие пожелания украинской культуре и самобытности и сердечно люблю их...». Более того, писатель не раз говорил о растущем планетарном, «надежном» единстве человечества. Это роднит его с пониманием планетарного сознания В.М. Вернадского. Небезгрешными выглядят и русские националисты, державники. (Слово «держава», «державник» – от «държа» – держать, взяв что-либо, не выпуская из рук, владеть, править). Нынешние сторонники сильной могучей державы напоминают того недавнего нищего, который нашел клад и рвется из грязи в князи. В ходу их девиз: «уважают сильного». А по-настоящему-то уважают умного, умного экономикой, образованием, наукой. К своим сторонникам державники причисляют и автора «Архипелага ГУЛАГ».

У многих размышляющих читателей несколько другое мнение. Нужно ли надирать пуп, терпеть невероятные лишения и рваться в мировые лидеры, в пятерку сверхдержав? Не смахивает ли это на анекдотическую ситуацию: «Давайте постараемся стать великой державой! Бросим пить! Научимся уважать женщин и, в конце концов, прекратим воровать! – Давайте! Но не потеряем ли при этом мы себя, как нация?»

А, говоря серьезно, не скажется ли на России теория пассионарности, по которой она держится у избранного народа каких-нибудь тысячу лет, а затем идет на спад? И не прав ли авторитетный эксперт, член-корреспондент РАН А. Яблоков, определивший, что «русские как генотип уже давно не существуют. Почти каждый, называющий себя русским, немного еврей, немного украинец и еще много «немного чего»».

Прошел не один год с тех дней, когда Солженицын и Караванский обменивались посланиями. Украинские националисты оказались у власти и получили полную возможность показать, на что они способны. Продолжались казнокрадство, захваты бывшей государственной собственности, махинации политиков – почти все, как в России,

только размах поменьше. «Оранжевая революция» с палатками на Майдане на американские и олигархические деньги внесла еще большую свистопляску и хаос.

Обвинение москалей во всех бедах Украины набили уже оскомину, требовалось придумать что-то новое. И последовали от властей похвала, льготы, поощрение тем, кто пошел под командование гитлеровцев для уничтожения евреев, для борьбы против Советской Армии, по сути против антигитлеровской коалиции. Мало этого – оправдание и восхваление бандеровщины. Так нужно было торжественное завершение – объявление Бандеры национальным героем и возведение ему памятника. Забыв о том, что этот главарь сколачивал отряды повстанцев и бросал их на погибель против сверхвооруженной, закаленной в сражениях, увенчанной Победой над фашистской Германией Советской Армией. Нужно быть умопомрачительно кровожадным, тщеславным провокатором, чтобы не учитывать сложившихся условий и обрекать на бессмысленную смерть тысячи и тысячи ослепленных авантюрой людей. Понятно, по сравнению с таким кощунством другие акции и деяния украинских властвующих националистов могут выглядеть шалостями и мелкими проказами.

Так логикой истории и объективностью времени расставляются точки над «и» и выносятся правота в спорах.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Сам себя М.А. Булгаков называл мистическим писателем за многие черные мистические краски в «Роковых яйцах», «Собачем сердце» и особенно в романе «Мастер и Маргарита». Мистика дала себя знать и четверть века спустя, когда после смерти и забвения с опубликованием романа она стала проявляться и при его экранизации, и в тех местах, где жил писатель.

Более того, журналисты начали брать интервью у знаменитого покойника. Впрочем, это не только у него. С появлением радио и компьютера электронщики (в сотнях случаев) умудрялись наладить связь с потусторонним миром. И если тут еще у скептиков есть сомнения, то как можно объяснить такой конкретный адресно направленный случай.

В волгоградских краях стала известной девушка необычная даже среди обильно расплодившихся в последнее время контактеров и экстрасенсов. С раннего детства Эллина Глазунова поражала своими способностями: в четыре месяца заговорила, трехлетней стала читать, а школьницей без особого труда могла зрительно по памяти восстановить целые страницы учебника. После института стала работать на скромной работе – завотделом Городищенского Дворца культуры. А в свободные часы у нее началось общение с запредельным миром. Были контакты с Тальковым, Высоцким, Циолковским. Но особенно плодотворной стала творческая связь с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. Она записала обширные фрагменты «Мастера и Маргариты» – продолжение романа. «Я помнила события произведения только в общих чертах, – рассказывала Эллина. – Дальнейшее написание книги курировалось моим информатором. Мне подсказывали: «Ты слишком увлеклась диалогами» или «Всякий хороший автор использует метафорические сравнения»... Иногда ей казалось затруднительным определить – была ли это диктовка или она уже «включалась» сама... Она даже не исключает, что данное произведение является коллективным творчеством многих людей, почивших в бозе, а не только Булгакова, и ей просто посчастливилось выйти на связь с этой организацией.

Но те, кто знакомился с фрагментами, продиктованными писателем или его душой, по всем признакам напоминают манеру этого автора. Феномен таинственный, загадочный, но не единственный...

Науке известно такое проявление автоматического письма или так называемой психографии. Редки, но известны психографические произведения Германа Гессе, Ричарда Баха и других авторов. А бразилец Шавьер написал «автоматически» более 200 книг, несмотря на то, что он окончил только начальную школу. Причем, пишет он не только на родном языке, но и на вовсе ему незнакомых. К тому же, и философские трактаты. И книги его изданы миллионными тиражами по всему миру. Когда же читатели прочтут «психографического» Булгакова?

Интересно было бы знать мнение об этом чуде А.И. Солженицына, и будем надеяться, журналисты зададут ему этот вопрос. Тем более, что сам А.И. присоединился к литературному воскрешению Мастера, написав для опубликованной «Литературной коллекции» свой взгляд. Для начала он вспомнил, как, изгаляясь и изощряясь, убивали медленно Мастера Шариковы от литературы. В доносах, обвинениях называли и обзывали его то «мелкобуржуазным отродьем», то «политическим недотепой», то «апологетом белогвардейщины». «Как было жить Мастеру среди этих ищеек и волков? Ведь отвечать не дано. И всем вкруговую не ответишь. Сам Михаил Афанасьевич составил толстую книгу вырезок – ругательных статей против себя. Ругательных он насчитал 298, а доброжелательных только 3. Когда-нибудь и все эти статьи вместе опубликовать бы, хоть для потомков литературы, пусть ужаснутся».

Во время визита А.И. к вдове Булгакова Елена Сергеевна оказала ему доверие с надеждой, что только он может исполнить ее просьбу. Она передала ему хранимый, как и роман, список «рецензентов»-доносчиков. Это Загорские, Безыменские, Литовские, Вишневецкие и прочие. Более 70 фамилий и псевдонимов. Может, были среди них и заблудшие, ограниченные овцы, а больше – революционных фанатиков и негодяев, которые ведали, что творили. Просьбу Солженицын выполнил, список опубликовал, прокомментировал.

«Так двигалась на Булгакова бетонная безжалостная стена, и через бойницы ее, в расписных масках со справками о благонамеренности от ГПУ, звонкозвучно палили все эти загадочные и недостижимые Пингвины, Лиры, театралы, Урмэли, Садко, Бастосы, Стоны, Малори, Незнакомцы (а какая подлость – бранить последними словами и подписываться «Незнакомец»?). Из всех газет и журналов статьи рыгали, плевали в одинокого Мастера – и негде было опровергнуть, ответить, оправдаться».

Блистательного, как солнце, Булгакова, ярчайшего в русской литературе, эти пролетарские перья и докладывали до слепоты и до смерти. Да они же прижигали и Замятина, Пильняка и Платонова. И вот их смыло или изничтожило, как не было. И ныне – дети тех исподлобных критиков прочувственно ходят в поклонниках «Мастера и Маргариты»...

Александр Исаевич счел нужным и развенчать новоявленных критиков с их умопомрачительными толкованиями романа то с привлечением «еврейского вопроса», то с истолкованием Воланда и его секты и закодированного «еврейского мирового господства», заговора. Так и не уразумев, что «этот роман – о Христе и дьяволе, о величайших человеческих грехах, о мире всеобщего оскудения, о том, как добро оставило мир, человек сдался». Но «ясная гармоническая мелодия вступает вместе с загадочным лун-

ным лучом», появляется «слабая отдаленная надежда на наступление царства истины».

Так извлечение из забвения романа, переиздание произведений автора, экранизация их, опубликование воспоминаний Елены Сергеевны, открытие музея его имени в Москве, психография его произведений, здравомыслящее солженицынское слово о нем – все это, как восторжествовавшее Воскрешение его. Впрочем, как и разумное воскрешение многих великих, значительных для людей писателей.

МАРАЗМ ИЛИ БЕСНОВАТОСТЬ

Произносить имя непорядочного человека неприятно, но объективность иногда к этому вынуждает. Речь об авторе двух книг «А. Солженицын. Гений первого плевка» и «Неизвестный Солженицын» некоем Бушине. Вначале при появлении «Одного для Ивана Денисовича» хвалил, как и многие, без меры, а затем или сказала паскудная натура, или зависть, или одержимость, бесовство закаленного подлостью сталиниста. Он собрал все гнусности и выдумки от кегебешных авторов Ржезача, Яковлева, от изнасилованного Симоняна и полил такую грязь, такую блевотину с ядовитостью, каких литература не слыхивала.

Начиная с обвинений, что Александр Исаевич родился в курортном городе, что был отличником-зубрилой, что получал на фронте ордена «на халяву», прохлаждался и сосал присланную шоколадку в лагере ээком, что писателем завел имения в США и под Москвой и т.п. Мол, сам себя посадил в тюрьму, чтобы спастись от гибели на фронте за три месяца до окончания войны. Ерничание, повторы, несусветные упреки. Даже заболевание раком взято под сомнение (мол, это просто опухоль в паху). И там, где не хватало гнусных выдумок, просто историческая брань: «педикулесный аристократ», «циклоп русской словесности», «прохиндей с крестом», «интеллектушка», «лоб в страхе за свою рашку», «выдрать бы бороду»... Оплевывание и облевывание было направлено не только нобелевскому лауреату (премия, мол, дана такими же подонками за никчемные произведения), хула и оскорбления достались тем, кто одобрял А.И., не подписывал пасквилией против него. Так авторитетнейший В. Астафьев, будучи связистом на передовой, «доблестно бил врага телефонной трубкой». Ну, а другие нежеланные Бушину авторы – это «амебы, инфузории, мандавошки»... Не щадит он и себя. Для «объективности» среди десятков отзывов для саморекламы он приводит и такой: «Вошь ты тифозная, холуй ты пакостный, шавка ты беспардонная! Как ты посмел прикоснуться своими погаными лапами к фамилиям таких благородных людей, как А.Яковлев, Шеварднадзе, академик Шаталин!».

Словом, на взгляд нормального человека этот тип сам себя разоблачает и показывает испачканным в своих грязных ругательствах. Если врачи засвидетельствуют, что он не псих, не душевнобольной, то тогда нужно будет отметить, что его появление с бредовыми писаниями и печатанием способствовало само постперестроечное время с его беспределом, попсой, проституцией, аморальностью. Этот патологический Буш (сам в себе открыл частицу фамилии президента США) от разоблачения в Евтушенко еврея, шуточек по поводу премии «Букера-Пукера-Какера» Владимову перешел к прямолинейному призыву «жиды не дремлют». Солженицына стал именовать Исаакович, добавляя еще догадку, что дед у него был Семен-Соломон.

Матвиенко у него иудейка, Пушкин – «профессор кислых шей» и т.д. Оппоненты у него – «деникинцы», а спор о Ленине – «это всегда проверка на вшивость»... В заключение остается процитировать самого же Буша – Бушина из его писанины: «Тут ярчайший пример того, как ненависть превращает человека в идиота».

ОТВЕТЫ НА «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

Если вопрос сложный, то ответы могут быть не единственными. А «еврейский вопрос» именно такой, не простой. Их представляли то как «старые крепкие дрожжи человечества», то как «что-то женственное, немного бабье – они нервны, крикливы, патетичны, впечатлительны... не имеют басов, а более тембры голоса, начиная с тенора и выше» (В. Розанов). Они вечные спорщики, предприимчивы, изобретательны, сделавшие «посредничество» своей профессией, «козлы отпущения, которых к тому же доят».

**За мудрость, растворенную в народе,
За пластику житейских поворотов
Евреи платят матери-природе
Обилием кромешных идиотов**

И. Губерман

Свои ответы на «еврейский вопрос» дал Солженицын в двух книгах «Двести лет вместе». Как возник замысел писателя, поведала первая жена писателя, Н. Решетовская: «А.И. имел полярное влияние по «еврейскому вопросу». Так, тетя А.И., Ирина Ивановна Щербак, будучи женщиной православной, негативно относилась к евреям, и не только не скрывала, но и всячески демонстрировала эту нелюбовь, стараясь «взять к себе в союзники» всех родственников. Когда Саня вырос, у него появилось множество друзей-евреев. Это Эмиль Мазин, Лидия Симонян и др. А идея книги возникла у А.И. еще в 60-годах. Тогда мы активно общались с семьей профессора Н. Кобозева, жена которого Эсфирь Ефимовна – еврейка. В огромной библиотеке профессора, где любил проводить время А.И., существенная часть книг была посвящена еврейским вопросам. И вот в конце 80-х годов сын Кобозева, Алексей, неожиданно предложил мне купить сохранившуюся у него солженицынскую статью о евреях. Я даже не знала о ее существовании, но, конечно, выкупила рукопись, которая могла повлечь неприятности и так сыпавшиеся на А.И. Купила и отдала на хранение в Пушкинский Дом в отдел секретных рукописей». Это состоящее из нескольких десятков страниц научное исследование, которое и разрослось до двух томов «Двести лет вместе». Вторая жена Наталья Дмитриевна Солженицына объяснила так: «Я принимала участие в работе над книгой, как редактор. Когда А.И. закончил «Красное колесо», он пришел к выводу, что огромный материал по еврейскому вопросу разумнее всего использовать для написания исторического романа. Он продолжал работу 10 лет и закончил в 2000 году. Тогда за книгу принялась я. В ней очень большой аппарат, работа по установлению точных отсылок весьма трудоемкая». Книга нашла широкий отклик у читателей и специалистов. «Это специфическая глубокая научная работа, но отсутствует четкая и ясная концепция. Евреи XIX века очень отличаются от евреев XX века. В XIX веке действительно существовало еврейство, потому что существовал иудаизм, язык, структура общины. В XX веке ничего этого нет. Как все это со-

относится с сегодняшним днем? Много говорится о евреях-шинкарях, которые спаивали русский народ. Были помещики в черте оседлости, которые нанимали евреев, государственная власть все это укрепляла. Введение госмонополий на производство спиртного решило эту проблему. Причем производство на душу населения (есть такой показатель) в 1913 году составляло 4 литра на человека в год. А сейчас – 12 литров в год на человека. Так кто кого спаивал и когда?» – И. Чубайс, доктор философских наук.

«Еще парадокс. Вы описываете, как евреи полтора века приспособивались царями к сельскому хозяйству – не удалось. А потом вы же сами указываете на то, что когда создавался Израиль, то там потрясающее сельское хозяйство без земли, без воды. А парадокс в том, что своя земля – это страсть, это глубокое ощущение Родины. Своя земля. Никто за нас не сделает, нужно делать самим» («Евр. Газета» №23, 2001).

В печати запестрели заголовки «Цитатник для семитов и антисемитов», «Раскаленный вопрос», «Антисемит или сионист?», «О вредности евреев (с точки зрения государственника А. Солженицына и гуманиста Н. Лескова)». Словом, стареющий писатель напомнил, что есть еще порох в пороховницах и ему под силу поднять вопросы для бурного обсуждения.

НАПОМИНАНИЕ О БОГЕ

Еще ребенком Александр Исаевич слышал от разных пожилых людей объяснение великих бед, постигших Россию: «Люди забыли Бога, оттого и все».

С этого воспоминания начал свою Темплтоновскую лекцию автор «Архипелага ГУЛАГа» 10 мая 1983 года. А произнесена она была в связи с награждением его этой премией в том же году – «За прогресс и развитие религии» – лицам, имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире.

Эти слова «Люди забыли Бога» прошли рефреном через всю лекцию, весь обзор потрясений в XX веке не только в России, но и во всем мире. Ничего точней и содержательней не находилось, кроме этих слов, чтобы объяснить главную причину ужасов Первой мировой войны со всеобщим помрачением разума правящих кругов, истребительной революции в России, сглодавшей 60 миллионов людей, потерь Второй мировой войны и гибели Восточной Европы, когда начинался процесс гибели всего мира. Пороком сознания, лишённого божественной вершины, стал сатанинский соблазн «ядерного зонтика». Но даже коммунистический каток, репрессии, расстрелы не уничтожили христианскую традицию. «Коммунизм ошетилен ракетами и танками, и как бы успешно он не захватывал планету – он обречен никогда не победить христианства».

Вера была объединяющей и крепящей силой.

«Что говорить о разъединении разных религий, если и христианство раздробилось само в себе? В последние годы между главными христианскими церквями сделаны примирительные шаги. Но они слишком медленны... Главный ключ нашего бытия или небытия – в каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении реального Добра или Зла... Наша жизнь – не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста... В испытаниях проявляются высшие способности человеческих душ. Если мы погибнем и потеряем этот мир – то будет наша собственная вина».

При объявлении премии слово произнес митрополит Федосий, глава Православной Церкви в Америке. Он поблагодарил Солженицына за его слово и виденье. И при этом отметил:

«С тех пор, как он появился, и наша жизнь и весь мир в чем-то изменились». Вместе с тем не посчитал лишним заметить: «Многие сегодня, почти десять лет спустя после его чудесного появления на Западе, ставят под сомнение и его, как человека, и его видение и его слово. Значительное движение, не только в его стране, но и здесь, среди нас на Западе, старается опорочить его, представить анахроничным защитником прошлого и пустого мировоззрения. Но мы знаем, что мир никогда не прислушивался к пророкам, посланным ему, ненавидел и преследовал их».

Что правда, то правда. Покой нам только снится. И то не всегда. На свободном Западе у Александра Исаевича было более чем достаточно недоброжелателей, хулителей и прочих критиков, свободных от морали и ответственности. Но люди разумные, по-настоящему разумные, с Божьей помощью все-таки одерживают верх. И в этом есть смысл не отчаиваться, надеяться.

ПОЧТИ ПОХВАЛА

С возникновением новых русских появилась и авангардистская или постмодернистская, или, как ее еще окрестили, «другая» литература. По совпадению или закономерно потому, как стали возможны порнография, пошлость, беспредел, поппа, матерщина, выдрочивание. Этот выпендрож и матерщина, или, как называют ее ученые мужи, ненормативная лексика и являются самыми показательными признаками постмодернистской, «другой» литературы.

Ее яркими представителями стали Венедикт Ерофеев, Евгений Попов и прочие Сорокины. Среди них оказался, к сожалению, и Виктор Ерофеев. К сожалению, потому что он, талантливый, эрудированный, образованный, каким его знают в телепередаче «Апокриф», мог бы и не реализовываться на бумаге как матерщинник. Очевидно, публично выражаться, сквернословить, чреват последствиями. Ладно, кто, чем дышит, так и пишет...

В одной из своих последних книг «Мужчины» Виктор Ерофеев провел тщательный анализ особой сильной пола. Вот заключительный аккорд этого шедевра: «Мужской пупок – центр космического пространства. Если у мужчины открытый пупок – он хозяйствен, любит готовить. Если прищуренный – он все равно хозяйствен... Мужские крепкие ягодицы красивы не только сами по себе, но и тем, что видится между ними... Далее о достоинствах... и слово из трех букв и т.д. и т.п.

Среди этого анализа и разбор особых примет таких выдающихся мужчин, как Фрэнсис Бэкон, «мой друг маркиз де Сад», поклонник голубизны Виктюк, герой нашего супервремены Никита Михалков, «Е между Г и Д» (г... и дерьмом – портрет Евтушенко), «спилберговский ящер Семен Бабаевский» и другие. Оказал автор честь в этом ряду и А.И. Солженицыну, сравнив его с Джеймсом Бондом... «По логике вещей они должны быть союзниками. Оба – борцы против тоталитаризма. Обоих гнобит КГБ...

– Я слышал, Вы неплохой писатель, – улыбнулся Бонд.

– Лучше не бывает, – польщенно хохотнул Солженицын».

Но оказалось все-таки разные люди.

«А ведь мог бы стать всенародным героем, как Джеймс Бонд! Семь лет лагерей, затем один на один «бодался с дубом», победил смертельную болезнь. Тайники, стукачи, западные журналисты, обезумевшие гебешники. Весь мир рыдал над книгой. Яркая, запоминающаяся высылка из страны. Дружеская рука Набокова. Какой суперменовский список! Где ошибся? Когда? Не хватало джеймс-бондовской иронии и самоиронии. Не хватило обалденной блондинки и смокинга. Не хватило джеймс-бондовской или гагаринской улыбки. Не хватило большого крупнокалиберного пистолета. Не хватило веселья, реактивного полета, красивых жестов. Не хватило ума подмигнуть перед тем, как «бодаться». Не возвысился над русской материей. Д.Бонд не стал бы «бодаться». Слова не те: дуб, теленок. Не та харизма. Победили русская угрюмость, русская сексуальная затхлость. Подвели серьезность и тесный френч».

При этом ни одного матерного, нецензурного слова, даже намека на ненормативную лексику. Почти похвала...

ОПРОМЕТЧИВЫЙ УПРЕК

Наталья Иванова – смелая женщина. Она отважно ввязалась в скандал (рубрика в журнале «Знамя» так и называлась «Сезон скандалов») и выступила в защиту Солженицына против надуманных нападок на него Войновича. Но допустила при этом опрометчиво несправедливый упрек. «Солженицын никогда к смеховой культуре не прикасался, ничего общего с ней не имел, она полностью противоречит природе его дарования. Нет ничего, кроме сарказма! Причем гневного».

Надо ли напоминать знатоку словесности, что сарказм является составной частью смеховой культуры. У Гончарова в его сарказмах слышится эхо грибоедовского смеха. У Достоевского «мадам с саркастической улыбкой»... У А.И. Иван Денисович иронично, мягко высмеивает Алешку-баптиста. В «Красном Колесе» избыток иронии, насмешничества в описании маленьких «наполеончиков», царских подручных.

Нужно полагать, что даже сдержанную литературную даму до улыбки проймут веселые строчки из солженицынской поэмы «Дороженька», вполне соприкасаемые со смеховой культурой.

Мода характеризовала свое время. Эту тему затронул даже такой суровый автор, как А.И. Солженицын (да еще в стихах!). Речь о трудном довоенном времени.

**Все дружно были в том согласны,
Что юбки носят до колен,
Чтобы чуть на кнопочках держались,
И чтоб колена обнажались! –
И ложных пуговиц рядки
Сверх скрытых кнопок нашивали
(Их юбки лет тех остряки
«Мужчинам некогда» прозвали).**

В доширпотребное время были в каждой избушке свои игрушки, куклы. Были и общепринятые, даже знакомые. Об одной из них счел нужным помянуть даже такой архи-серьезный автор, как А.И. Солженицын:

Когда было мне годика три,

**Принесла забавушку мне нянька.
Опрокинув, пустила: – Смотри,
Ванька-встанька!
Потолкала с тех пор меня жизнь, пошвыряла
Отняла все, что было сначала
Мне юнцу нерасчетливо щедро дано,
Сколько раз гнула так, что казалось тошно
Даже выжить до вечера.
Но...
Как же мало надо для тела,
Чтоб от недуга к жизни взяться!
Кто ж мне душу такую сделал,
Что опять я могу смеяться?**

ЖУРНАЛИСТЫ ВСЕ-ТАКИ НУЖНЫ

Войдя в славу, Александр Исаевич стал недолюбливать журналистов: часто перевирали сказанное, ленились проверить факты, цитаты. Но без них нельзя было обойтись в его положении изгнанника, изгоя, да и вообще человека, которому было, что сказать читателю.

В общении с корреспондентами он объяснял, уточнял, расставлял точки над своей биографией, в оценке общественной жизни.

Как он, будучи членом комсомола, убежденным, пришел к смене идей, стал христианином? «Почти все школьные годы, так лет до шестнадцати-семнадцати, я сопротивлялся советскому воспитанию и не принимал его внутренне. Я должен был скрывать свои убеждения. Но потом такая повелительная сила в этом Поле, в этом влиянии марксизма, который разлит по Советскому Союзу, – что в молодой мозг входит, входит, начинает захватывать. И так вот лет с семнадцати-восемнадцати я действительно повернулся внутренне и стал только с этого времени марксистом, ленинистом, во все это поверил. И с этим я прожил до тюрьмы: университет и войну. Но в тюрьме я снова встретился с разнообразием, невиданно свободным разнообразием мнений – и я заметил, что мои убеждения прочно не стоят, ни на чем не основаны, не могут выдержать спора... И тогда, естественно не в один год, началось возвращение к тому, в чем я был воспитан ребенком, к христианской вере. Кроме того, на меня большое влияние оказало то, что я умирал – и вернулся к жизни».

Подобное осознание со временем пришло, возможно, и под влиянием автора «Архипелага ГУЛАГа» к миллионам прозревших людей. Не менее интересным был ответ на острейший для многих вопрос о чудесном исцелении, излечении от рака (вот они, истоки романа «Раковый корпус»). Не было ли здесь явной помощи Бога?

Лечение шло конкретным способом, в том числе рентгенотерапией. Кроме того, питье трав с киргизских гор (в частности, настоек иссык-кульского корня), которых медицина не знает и боится, так как они ядовиты и опасны. Врачи сказали ему, что спастись нельзя. «Но когда человек осмысливает свою жизнь, то нельзя не испытать какого-то мистического уважения к тому, что вот зачем-то тебе жизнь возвращена. Конечно, это не может не отразиться на человеке. Но и обязывает работать в эту вторую жизнь, себя не бережа».

Вопросы были многочисленны, разнообразны и отменно не праздные, а больше касались творчества. О длинноте «Красного колеса» (книга не для легкого чтения, согласен, однако уместен афоризм «Тот, кто забывает свою

историю, обречен ее повторять»). Сравнивают с Толстым и Достоевским? Признание родства, от первого – по форме повествования, множеству лиц и реальных обстоятельств, от второго – старание понять духовную, человеческую сторону процесса истории. Другие писатели влияли? В-первых, Пушкин, из XX века – Е. Замятин с лаконичностью передачи портретов и обстоятельств.

Почему такая бурная критика в США? В Америке огромную роль играет мода: куда дует ветер. Пишут единодушно стадом. Что именно движет историю? Задача скрупулезно воссоздать события, воздух – читатель пусть сам делает вывод. Россия принадлежит Европе, или, как считал Достоевский, она повернута к Азии? Двойственная роль, двойственное место – всегда было и будет. В Вермонте, в некоторой изоляции – не похоже ли это на годы в лагере или ссылке? Более подходящее слово – не изоляция, а уединенность – она нужна для работы. Откуда силы для гигантской работы? Сама задача мобилизует и движет. Есть русская пословица – «умирает не старьей, а поспелый» – то есть тот, кто уже потерял жизненную задачу.

Вопросы, вопросы... Журналисты все-таки нужны для информирования, хотя они в постоянной спешке и допускают немало промахов, ошибок. А ответы великого писателя всегда интересны для читателей.

Особенно читателям запомнилось интервью с Бернардом Пиво для французского телевидения в октябре 1983 года. Примечательны отклики в прессе на это интервью.

«Часто имеется тенденция выдвигать на первый план политические выступления Солженицына, тогда как они лишь побочный продукт его деятельности... Вот он размышляет, горячится, смеется. Самый обыкновенный человек. Но какой человек! Пиво сумел показать Солженицына самим собой, не отдаленного от нас экраном» (Пьер Дэкс).

«Внимая духу, он пренебрегает тактикой. Будучи тверд, отказывается от условностей. Суровый, не принимает легкомыслия. Короче говоря, для левых он невыносим, это очевидно, но он невыносим и для правых... Солженицын несговорчив. Ни брань, ни похвалы его не задевают, он их просто не замечает» (Ж.-П. Момм Амюнатеги).

«Этот человек думает, заглядывая в будущее, страдает, надеется, верит, не скрываясь, делится своими не отработанными заранее мыслями, жаром своих чувств с тем, кто слушает его, не перебивая... Как я завидовал Солженицыну, как завидовал ровной энергии, которая проявляется и в том, как он колет дрова, как он чеканит свои мысли. Тут было что-то от символа» (Пьер Эммануэль).

Таким помогают нам увидеть штрихи к портрету Александра Исаевича журналисты. Может, немного пафосно, но таков персонаж. Таким он запомнится и современникам, и потомкам.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ВСПОМНИТЬ – КАК СНОВА ПЕРЕЖИТЬ

Вначале некоторые факты из жизни автора. Когда уже стал слышен гул немецкой артиллерии, он попал в «женский плен»... Старшеклассником пробирався из города в родное село. Недалеко от дороги женщины, привлеченные властями, рыли противотанковые рвы. При разразившейся «шпиономании» председатель колхоза отдал распоряжение задерживать незнакомых людей, особенно мужчин. От

молодых женщин с рюкзаком не убежишь. Неизвестно, как бы окончилось пленение с приходом оккупантов, если бы после долгих расспросов о селе и его жителях не возобладали у женщин жалость и благоразумие. Парня отпустили.

Через год уже на Кубани и Кавказе с группой девятиклассников пришлось совершать, как тогда говорили, «драп-марш» в рядах безостановочно отступающей Красной Армии. Положение было такое отчаянное, что они решали вопрос: «Дойдем ли до Индии?..». Прикидывали, как через горы и долины пойдут на соединение с союзниками-англичанами.

После окончания курсов младших лейтенантов командовал саперным взводом. Нейтральную полосу минировали ночью с двух сторон. Для координации он ходил меж двух отделений. Окликнул сержанта, а в ответ услышал немецкую речь. Еще несколько секунд, и оказался бы в руках у немцев. Когда потухла висящая ракета, он под автоматным бесприцельным огнем засверкал пятками. Такой урок ориентирования.

На поставленных его взводом минах взлетали фашистские танки и машины. Но представление к ордену обернулось трибуналом. При небрежности шофера во время нашего стремительного наступления «вилес» какого-то полковника подорвался на обочине дороги. Обвинили «стрелочника», комвзвода саперов судил трибунал дивизии. Но за несколько часов до отправки в штрафную роту пришло оправдание трибунала фронта.

Среди обыденных артобстрелов, бомбежек, купаний в ледяной воде на переправах, вшей, марш-бросков по 70 км в сутки, застолий, игр в шахматы и карты в редкие затишья выделялись и события позначительней. К примеру, встреча с отцом на фронте. Нет, не случайная – по необычно скоро доходящим письмам определил, что находится в Венгрии недалеко от части, где служит батько. И, наконец, сердцеколотящий день Победы. Но под Прагой бои еще продолжались. Возвращение из ада затягивалось. Взвод разбирал завалы, сделанные немцами на дороге. Раздался хлопок, похожий на выстрел. Посветил фонариком: на земле лежала немецкая шрапнельная противопехотная мина. Заряд сработал, она подпрыгнула, но почему-то не взорвалась. А в ней 360 шариков на поражение...

Это эпизоды из книги воспоминаний П.П. Супруненко «Жизнь под вопросами». Эпиграфом к ней приведены примечательные слова Л.Н. Толстого: «Мне кажется со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни».

Не случайно, очевидно, так популярны мемуары. Не зря психологи отдали особую дань воспоминаниям. Они меняют наше отношение к прошлому, продолжают нашу историю, обогащают и насыщают личность. Они – «барометр нашего внутреннего психологического состояния». Они влияют на нашу судьбу, нами руководят...

Каждому есть, что вспомнить, особенно тем, кто пережил войну. Правда, до недавнего времени про войну в книгах предоставлялась возможность рассказывать по большей части полководцам и высокому начальству, к тому же с перехлестом о повальном героизме и самопожертвовании. Якобы для воспитания патриотизма. Но люди не потеряли жизненно необходимое чутье на правду. Были услышаны солженицынские призывы «жить не по лжи». Появились «Цинковые мальчики» С. Алексиевич. Среди историков (и отечественных и зарубежных) возникли даже дискуссии и появились сборники по правде Виктора Суво-

рова с пересмотром официально-пропагандистских речей и посылов.

В русле такого нового осмысления войны и книга П.П. Супруненко. Писалась она по фронтовым блокнотам. Отрывки печатались в журнале «Юность» под названием «Война убивает правду». Не случайно рукописью интересовался КГБ. Да к тому же еще переписка с А.И. Солженицыным. Украинские кегебисты, выслуживаясь перед Москвой, готовили суд над еще одним инакомыслящим. Вызывали более 30 знакомых коллег автора, но, слава Богу, времена были уже не те – люди меньше боялись чекистов, не шли на оговоры. В Запорожье, где в то время жил подследственный, предложили сжечь рукопись на глазах автора и прекратить «дело». На сделку «герой» воспоминаний не пошел («Рукописи не горят?..»). При расставании его припугнули, что это, мол, только сейчас им не выгодно привлекать его к суду...

Примечательно, что воспоминания отца подготовил к публикации и издал (на собственные средства) его сын Ю.П. Супруненко, кандидат географических наук, автор монографий и познавательных книг. Так рождаются фамильные, родовые, семейные традиции. Автор «Жизни под вопросами» не только сам написал воспоминания, но и убедил это сделать своего отца, многих ветеранов. Подарив копии рукописей (они еще ждут своего печатного воплощения), они были очень благодарны инициатору.

Автор-режиссер в кругу артистов из школы рабочей молодежи перед постановкой «Клопа» Маяковского

Внучка сказала: «Я никогда не думала, что у тебя, дедушка, была такая жизнь». Отзыв внука: «Я горжусь тобой, дедушка». Представим себе, что к вам попало несколько листочков, написанных прадедушкой или прабабушкой... Причем, пусть это будут даже не отрывки из дневниковой исповеди, а только перечисление самых тяжелых, драматичных или самых счастливых дней в жизни. Совершенно неправы те скептики, кто говорит: кому это нужно? Это дорого родичам, интересно архивистам, будущим исследователям, честным писателям. Не случайно на подобную тему появились блоги в Интернете. «Мы живем, пока нас помнят». Будем оптимистам и станем задавать вопрос не столько кукушке, сколько дятлу...

ЖИЗНЬ – ЭТО ВЫБОР

После издания моих мемуаров, с сердечной искренней благодарностью за это Юре я ходил несколько дней таким подзаряженным, что мне даже в голову полезло стихотворчество, шутивное, наивное, может глуповатое, но тем не менее передающее состояние.

**Себе я рукотворный памятник воздвиг
И как бы освободился от вериг.
И не проложится к нему тропа.
Да и не нужна она – толпа...
Юрцу – издателю поклон-хвала
И наше дружное семейное «ура»!
Такая привалила мне «лафа»...
Пусть книжка выборочно попадет
Тем, кто, возможно, пользу извлечет.**

С нетерпением жду издания Юриной «Занимательной глициологии», Володиной «Запорожской топонимики». Вот такая подзарядка в мае, к 4 мая, в день их совместного, но с разностью в два года, рождения. Ободренный, подумал о том, что, авось, не пропадут и мои отрывки для второй книжки. Причем, хочется назвать ее более содержательно, чем первую – «Жизнь – это выбор»... Ведь это величайшая мудрость (наряду с надеждой жизни после смерти), что при наличии судьбы, рока, предназначения, промысла свыше предоставляется и свобода выбора. О соотношении судьбы и выбора судить трудно, возможно, оно у каждого свое (опять же определенное судьбой!). Но этот императив я познал с годами на своей шее, своем горбу, своей головушкой.

Все началось абсолютно без моего выбора. Из трех малышей у моей мамы выжил только я один (с тринадцатым числом дня рождения последнего, самого мрачного месяца года). Мальчишкой самостоятельно досрочно в селе у дедушки поторопился «записаться», пойти в школу. Но меня притормозили на один год. Первый выбор не состоялся. Как говорят, в виду сырой погоды фейерверк отменялся. Но уже пятиклассником среди других многих моих увлечений я предпочел газету, что, возможно, и сказалось в будущем на профессии. А восьмиклассником в войну я уже настоятельно поторопил отца с отъездом в эвакуацию. Большинство однокашников по школе остались «под немцем», и их постигла почти гибельная участь – мобилизовали наши полевые военкоматы и необученными «чернорубашечниками», необмундированными бросили, погнали в смертельный бой...

Логично и то, что я уже девятиклассником бежал от немцев на Кубани, хотя коренные станичники остались. Род войск от меня не зависел. Становиться офицером, комвзвода саперов сомнений не было – ему хоть чуть-чуть было легче, чем солдату. Особо надо сказать о вступлении в компартию на фронте. Хотя и добровольно, но... Когда предлагал замполит, отказываться было глупо. Иначе последует тихо задержка с наградой, присвоением звания, а то и появится мнение о неблагонадежности, а то и случится перевод в другую часть. Для солдата – все это еще более осложнительно, чем для офицера. А так, при партийном статусе – доверие, а в будущем (у каждого все же надежда остаться живым, или на крайний случай – раненым) какие-то льготы, повышение. А массовый прием выгоден и начальству: у коммуниста меньше желания попасть в плен. ...Донимала патриотическая трескотня в речах замполита и парторга, в газетах и агитлисточках. И все же я, как впрочем и те, кого спрашивал потом, криков «За родину, за Сталина!» не слышали при атаках.

Посланную свыше демобилизацию воспринял как освобождение из тюрьмы. Так же, как и неудачную попытку поступить на юридический факультет в Киеве. А вот пере-

ход на заочный в Днепропетровском госуниверситете с возможностью работать в заводской газете я уже сам выбрал. И закономерно последовала удача, говорят, везение мы часто подготавливаем сами. Последовало корреспондентство в «Комсомольской правде». Желая посылать небеса, но и самому надо приглядываться. И вот итог – счастье двоих сыновей. Попытке писать роман трезво предпочел журналистику.

Угроза суда и ссылки... Предложение КГБ сдать все написанное без последствий, без исключения из партии, из Союза писателей – было мной «самоотверженно» отклонено. Безработица, мытарства стали испытанием, «закалкой».

Переезд в Москву, встреча с Таней как награда. Выход книг моих и сыновей тоже можно воспринять как какое-то предназначение...

И, наверное, не зря считается признаком ума уметь делать оптимальный выбор. Иначе можно надолго остаться втягиваем на распутье.

И, закругляясь, еще об одном непростом выборе. Читательском, и не моем одном, а общечеловеческом. Без книг я бы, вероятно, давно загнулся, а демографический спад на Руси был бы еще больший. И вот что примечательно в этом выборе: для книголюбивых наступает невиданное веселье. Нельзя без улыбки читать трехтомник Петухова «Тайны древних руссов», Бушкова «Россия, которой не было», Фоменко и т.п. Оказывается, Соломон, богоизбранное еврейство выдуманы, а были русо-евреи. «Татаро-

монгольское иго» – вымысел, а Европу заселяли древние русы и это они заложили Рим, Вену, Венецию, Берлин, Будапешт... И причем, все это обосновывается небездоказательными аргументами. И хотя авторы поначалу кажутся смехотворными баламутами, эпатажными возмутителями спокойствия, но делать вид, что они не существуют также смешно и нелепо. И все эти модные детективы, награжденные премиями худ. шедевры выглядят жалко, беспомощно, самовлюбленно, наивно. Вот уж читателю предлагается – налево пойдешь, направо предпочтешь...

Да это и неплохо бы было, если бы наступило новое веселие Руси – читать. А то библиотеки остаются почти пустыми, соблазненные телезрители – задолбанными, пришибленными, прибацанными. Какая-то часть потянулась в церковь. Огорчает показуха, выпяченная пафосность, лицедейство святых отцов, и кажется более разумным выбор обращения к Богу без посредников. Как это принято у баптистов, протестантов – там нет священников, стоящих между тобой и вседержителем, можешь обращаться к небесам – напрямую.

В выборе книг привлекают нераскрытые и толкуемые тайны, чудеса, загадки, отчасти даже мистика, в частности психография. Об этом я даже написал письмо Солженицыну, но оно осталось без ответа. Хотелось бы услышать мнение по-настоящему мудрых людей, подобных Л.Н. Гумилеву, А.Д. Сахарову. Самому постичь прочитанное, услышанное, происходящее часто оказывается не под силу.

ПЕРСОНАЛИИ

СУПРУНЕНКО ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ родился 13 декабря 1924 г. в селе Шульговка Петриковского района Днепропетровской области. Войну начал на Кавказе 17-летним добровольцем, прошел с боями Украину, Венгрию, Румынию, Австрию, день Победы встретил в Праге. От рядового дослужился до офицера, комвзвода саперов. Отмечен многими медалями, награжден тремя орденами – "Красной Звезды" и двумя "Отечественной войны". После войны закончил исторический факультет Днепропетровского государственного университета. Но, имея диплом историка, стал журналистом. Работал во многих газетах, в том числе в "Комсомольской правде" собкором по югу Украины. Издал несколько книжек путевых очерков по Днепру, три книжки авторизованных запорожских казачьих легенд, подготовил несколько изданий с сыном-географом Ю. Супруненко. В 1975 г. им занималось украинское КГБ – за переписку с А.И. Солженицыным и "антисоветскую пропаганду". В

г.Запорожье привлекалось около 30 "свидетелей", но порядочные люди не пошли на клевету и провокацию. Процесс не состоялся. В 1994 г. вышла книга о А.И. Солженицыне "Признание... Забвение... Судьба..." (Пятигорск: Библиотека российской курортной газеты "Кавказская здравница"). В 2008 г. сыном Юрием подготовлены к печати и изданы мемуары П. Супруненко "Жизнь под вопросом" (М.: Тривант, 520 с.). Проживает в г. Москве.

1943 год. Между боями. Павел Супруненко первый слева в верхнем ряду.

1944 год. У полкового знамени. П.Супруненко четвертый слева.

1950 год. Днепропетровские студенты с известным альпинистом М.Т.Погребецким (в центре).
П.Супруненко второй слева в верхнем ряду.

БІБЛІОГРАФІЯ КНИГ П.П. СУПРУНЕНКО

Чарівними стежками (Туристські маршрути по Запорізькій області для юних мандрівників). Запорізьке книжково-газетне видавництво, 1962, 120 с.

Золота скеля. Запорізьке книжково-газетне видавництво, 1962, 64 с.

Зорі над Дніпром. Київ: Радянська школа, 1963, 180 с.

Знайдена скарбниця. Київ: Веселка, 1969, 140 с.

Признание... Забвение... Судьба... Опыт читательского исследования А.И. Солженицына. Пятигорск: Библиотека российской курортной газеты «Кавказская здравница», 1994, 88 с.

Легенди козацького краю. Запоріжжя: МП Берегиня, 1995, 136 с.

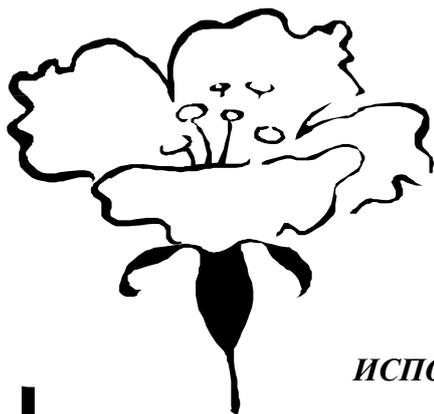
Книги П.П. Супруненко, написанні спільно з сином Ю.П. Супруненко

Горы. Детская энциклопедия: Я познаю мир. М.: АСТ-Олимп, 1999, 496 с. (4 переиздания: 2000, 2001, 2002, 2003 гг.)

Горы. Популярная энциклопедия. М.: Terra-Книжный клуб, 2004, 608 с.

Топонимика. Популярная энциклопедия. М.: Terra-Книжный клуб, 2004, 408 с.

Путешественники и мореплаватели. Популярная энциклопедия. М.: Terra-Книжный клуб, 2005, 1-я кн. – 528 с., 2-я кн. – 464 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Павел СУПРУНЕНКО

ИСПОВЕДЬ ЧИТАТЕЛЯ (литературные воспоминания)

(Предисловие Ирины Шлионской)

1 стр.

От автора	2	Последние могикиане	44
		Из писем	45
I. Опаленная юность	3	Сохранители	46
Сила слова	3	Книжный бум	48
Как найти себя	4		
Необыкновенная книга	5	УШ. К «солженицынскому времени»	48
Читательский выбор (М.М. Пришвин)	6	Совместительство	48
Самое большое вознаграждение	7	В кругу общения	49
		Возможно ли взаимопонимание	51
II. Вот так и воевали	8		
В «долине смерти» – стихи	8	УШ. Солженицын: пророк и человек	51
Разве можно забыть	9	Предсмертные послания	51
		Страноведение по Исаечу	53
III. На журналистской стезе	9	Маршруты познания (солженицынские версты)	53
Почему именно Маяковский	9	Хернли. Вершина спасительная...	56
Как писали письмо	11	Зарубежье в сравнении с Россией	56
С каховского плацдарма (А. Кузнецов)	12	Не только воспоминания	58
Особый гость (А. Аджубей)	13	К родовым истокам	59
Знакомство в поезде (О.П. Джигурда)	14	Географию подсказывала жизнь	60
На писательском съезде	15		
Выручило радио – «свобода»	16	IX. Солженицын: время и современники	61
		Взаимная критика (А.Т. Твардовский и В.Я. Лакшин)	61
IV. Еще раз о войне	17	«...мы все вышли из «Матренина двора» (В.П. Астафьев)	61
Из фронтового блокнота	17	Юз Алешковский: в чем согласие	61
Для кого сюжет	19	Доверительность и простота взаимные (П.Л. Капица)	62
Как ответить оппоненту	19	Неожиданность или закономерность (В.Т. Шаламов)	62
		С грустными мыслями (Л.Э. Разгон)	64
V. Памятное	20	Из Савла в Павла (С.П. Залыгин)	64
Нас примирило КГБ (В. Виардо)	20	Признание неевского старца, академика и бывшего зэка	
Было такое предостережение (К.Г. Паустовский)	22	(Д.С. Лихачев)	65
Выбился в люди (В. Анчишкин)	22	Кто ведущий в XX веке? (Б. Парамонов, критик, эссеист,	
В домашнем порядке	23	сотрудник радиостанции «свобода»)	65
Кому поможет исповедь	24	В одном ряду... (О.В. Волков)	66
Десять лет спустя (о новых гулаговцах; Л. Сапа)	24	К победному завершению (актер Е. Миронов)	67
		«Вершина опорного треугольника» (Н.А. Струве)	67
VI. Неслучайные встречи	27	А. Хвостенко, поэт, художник. И другие барды...	68
Вторая или первая муза (Булгаков и Белозерская)	27	Субъективность правомерна (Ю. Кувалдин)	68
Кого не забудут потомки (И.А. Ефремов)	29	Еще одна версия (М. Шолохов)	69
По воле судьбы (В.Д. Дудинцев)	31	Важнейшая тема	70
Поймем ли мы себя (о А.И. Солженицыне)	32	Воскрешение (М. Булгаков)	71
Какая она, новая муза (телевидение и Солженицын)	33	Маразм или бесноватость (некий Бушин)	72
Повод для улыбки	34	Ответы на «еврейский вопрос»	72
Обратная связь	35	Напоминание о боге	73
Смутная встреча (возвращение А.И. Солженицына		Почти похвала (Виктор Ерофеев)	73
в Россию)	36	Опрометчивый упрек	74
Отлученная (о Н.А. Решетовской)	37	Журналисты все-таки нужны	74
Как возрастал протест (К.И. Чуковский)	39	Вместо послесловия: вспомнить – как снова пережить	75
Сохранять ли переписку	41	Жизнь – это выбор	76

ПЕРСОНАЛИИ

78 стр.

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ П.П. СУПРУНЕНКО

80 стр.

~~~~~
Литературно-критический журнал
“Троицк литературный”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков leomilk@yandex.ru
Ирина Шлионская IShlion@inetcomm.ru
Анатолий Коробов 8-905-577-67-19

Литературное объединение г.Троицка собирается каждую последнюю среду в 18.00 в библиотеке №1 им. Михайловых по адресу: М-н “В” №38. Председатель ЛИТО Мильков Алексей Леонтьевич. Секретарь ЛИТО Елисеев Владимир Валентинович, тел. 51-70-35

Редакционный совет:

Владимир Бланк, директор ФГУ ТИСНУМ, Председатель Совета депутатов г. Троицка.
Глеб Шульпяков, гл. редактор журнала “Новая Юность”.
Татьяна Исаева, начальник Отдела культуры.
Людмила Подорожная, директор библиотеки №1 им. Михайловых.
Наталья Тимошенко, директор школы №1 им. Пушкина

21 июня 2007 г. в Троицке открылся Дворец спорта «КВАНТ».

Номер издан при содействии ФГУ ТИСНУМ и Совета депутатов г. Троицка.

Директор ФГУ ТИСНУМ,
Председатель Совета депутатов г. Троицка
Бланк В.Д.

Троицк: издательство “Трoвант”, 2008 г.
Печ. листов 11,5. Страниц 84. Тираж 100.
